

Святые Русской Православной Церкви

СВЯТЫЕ

БОЖИИ

ЗЕМЛИ РОССИИ

Святые вожди земли Русской - Поселянин Е.Н.

Поселянин Е.Н.

Книга, написанная из глубины души православного человека, рассказывает о вождях, правивших Русью. Евгений Поселянин, видный публицист и духовный писатель рубежа XIX–XX веков, бережно собрал сказания о том, как, служа Руси, жалея и храня ее, русские князья достигали венца святости, — о тех из них, в которых особенно сильно было одушевление веры.

- [Святая Русь. Ее путь и вожди](#)
- [Избранный народ отторгся](#)
- [Призвание России. Св. равноапостольная Ольга. Св. равноапостольный Владимир](#)
- [Святые мученики князя Борис и Глеб](#)
- [Семья Ярослава Мудрого. Св. великая княгиня Анна и св. князь Владимир Новгородские. Прп. Никола Святоша, князь Черниговский](#)
- [Семья Владимира Мономаха. Блаженная княжна Анна. Св. Мстислав Владимирович Великий](#)
- [Сыновья св. Мстислава. Св. Всеволод Псковский и св. Ростислав](#)
- [Св. князь Константин Муромский. Мученическая кончина святого великого князя Игоря](#)
- [Суздальско-Владимирское княжество, как предтеча Москвы. Его создатель св. Андрей Боголюбский. Сыновья его, свв. Глеб и Изяслав](#)
- [Св. Мстислав Храбрый](#)
- [Свв. Евфросиния Полоцкая, Евпраксия Псковская, Евфросиния Суздальская, великая княгиня Мария, прп. Харитина, княжна литовская, великая княгиня Феодосия, св. Федор Новгородский](#)
- [Св. Петр и Феврония Муромские. Великий князь Константин Всеволодович](#)
- [Приближение татарского ига](#)
- [Нашествие Батыя. Мученики: князья Роман, Олег, Федор, Евпраксия, Иоанн Рязанские. Владимир, Всеволод, Мстислав, Агафья, Мария, Христина, Феодора Владимирские. Св. великий князь Георгий Всеволодович, св. Василий Константинович Ростовский, Василий Козельский](#)
- [Подвиги князей русских во время ига. Св. Василий и Константин Ярославские. Подвиг мученичества св. князя Михаила Черниговского, внук его св. Олег Брянский. Кончина великого князя Ярослава Всеволодовича](#)
- [Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский](#)
- [В Городце в 1263 году](#)
- [Благоверные князья: Роман Рязанский, Роман Углицкий, Василий и Владимир Волынские, Федор, Давид и Константин Ярославские, Довмонт Псковский, Михаил Тверской и Анна Кашинская](#)
- [Москва. Св. Даниил Александрович Московский. Иоанн Данилович Калита. Дмитрий Иоаннович Донской и св. Евфросиния, великая княгиня Московская](#)
- [Игумен земли Русской](#)

- [Нравственный облик в Бозе почившего Государя Александра Александровича](#)
- [Об авторе](#)

И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения.

Слово о Законе и Благодати Митрополита Илариона

Святая Русь. Ее путь и вожди

Свято всякий русский человек любит родину.

И в том, как относятся русские люди к России, есть много отличного от отношений иностранцев к их родным странам.

Русские люди не только любят свою землю, как место родины своей и своих предков, где протекает вся их жизнь, не только благодарны ей за ту возможность вести тихую жизнь, какую она им дает, — русские чтут Россию, как святыню души, молятся на нее. Чудным образом любовь к родной стране переплетается у них с верой в Бога. Счастливым и вожделенным делом они считают умереть за родину, и все их восторженное и особенное чувство к России так понятно выражается двумя словами: «Святая Русь».

Отчего же одна из всех стран в мире зовется «Святою?» В чем отличие того народа, который приложил к имени своей земли это великое слово «святая» и иначе не зовет?

Да, велико значение этого наименования Руси, и глубокий скрыт в нем смысл. Это слово указывает и на особое Божье избрание русского народа и на особые его духовные цели и стремления.

Был в древности один священный народ, происходивший от избранных Богом праведников. Сам Господь вел его чудными путями, дал ему и земное могущество; мог он получить и будущую небесную славу.

Этот народ был иудеи. Но этот избранный народ не остался верен Божьим заветам; во главе его встали лица, заменившие живую сердечную веру сухим выполнением некоторых внешних обрядов. Иссякла в нем животворная любовь. И когда Бог любви послал в мир для спасения людей, для снятия проклятия за грехопадение первого человека — Своего Сына: не признали иудеи Христа, и Сын Человеческий был распят в Иерусалиме на кресте. А тот светлый удел, который мог стяжать себе этот народ, навеки погублен страшным воплем перед осуждением Пилатом Христа: «Кровь его на нас и на чадах наших».

Избранный народ отторгся

После вознесения Христа на небо Его апостолы разошлись по всему миру с проповедью, и не та Азия, где лежит родина Иисуса Христа, не столь близкая к Иуде Африка восприняли евангельскую весть так глубоко, как приняли ее юные народы Европы, которые через десять веков от Рождества Христова почти все без исключения исповедовали Христа, между тем как и поныне почти вся Африка и Азия, кроме европейских поселенцев, погружены в тьму разных заблуждений.

Одною из последних земель в Европе, просвещенной крещением, была Русская земля, и ее-то молодому народу Господь судил стать великим избранником его, и этой земле готовилось великое и дивное имя «Святой Руси».

И вот отчего эта земля называется святою.

Бывшие раньше великие государства задавались лишь земными целями — славы, внешнего благополучия и силы. А русский народ так глубоко воспринял кроткое учение Христа, с

главную его заповедью любви, что во всю жизнь, во все стороны жизни этого народа проник собою дух Христов. И не внешнее величие, а повиновение Христу, не земная слава, а Божья правда, не стремление к завоеваниям, а настроение теплой любви к другим народам, — вот чего ищет и хочет Россия. Многомиллионный народ, всей громадою своей строящий из себя здание неделимой русской Церкви, — многомиллионный народ, каждый гражданин которого ищет Христа и который весь, в целом, единомышленно и единомышленно ищет спасения души всем своим миром: *вот* что такое Россия. И как свят тот путь, которым достигает спасения отдельный человек, так свят и тот путь, которым ведет к заветной цели Господь доверившийся Ему русский народ.

Тяжкие испытания терпят обыкновенно на земле Божьи избранники, и па этом пути очищаются дурные их стороны, вырабатывается беспредельная преданность воле Божией; все мелкое, суетное сходит с души, — и она развивается к добру в этой суровой, но великой школе. Таков же был путь, пройденный и Россией. Через два века по принятии христианства она подвергается страшному монгольскому игу. Но именно во время этого трехвекового бедствия на развалинах гордой, самоуверенной, празднующей вечный праздник п раздробленной Киевской Руси, вырастает чудесами Божьими смиренная, тихая, цельная Московская Русь. И эта Русь крепче Киевской. И не сломить уже ее никакой силе, пока живо в душе русского народа то, что сложило эту Русь: вера в Бога.

Так тот же Промысел, который сокрушил Русь прошлую, передал ее лучшие заветы — упование на Бога и преданность Церкви — на севере Руси, и вокруг безвестного во время славных дней Киева селения Москвы воздвиг Русское царство.

Если настроение веры охватывало весь русский народ и отдельных русских граждан на всем историческом пути России, то особенно ярко сказывалось оно в жизни правителей народа, его государственных вождей.

В людях, правивших Русью, в противоположность правителям Западной Европы, мы видим одну замечательную черту: преданность своему долгу, убеждение, что дело правления ниспослано им от Бога как жизненная задача, за которую Бог спросит у них ответа, — и всеми силами души служили они своему народу. Была только одна грустная эпоха, перед игом, когда князья из-за личных расчетов терзали междоусобием всю Русь. Но зато последующие князья с избытком искупили вину отцов.

Глубоко веруя, — хотя, быть-может, и бессознательно, — что Бог ведет Русь к великому делу, что служить Руси — значит служить славе Божией, вожди русского народа отдавали на это служение все свои силы, выше любви к родине ставя только любовь к Богу, и тогда как на Западе отношения народа и правителей представляли собою постоянную борьбу — русский народ доверчиво и с любовью повиновался своим вождям, в которых видел Божьих избранников.

И по этой вере народа Бог подавал ему хороших правителей, сердце которых, воистину, было в руках Божьих и которые, вдохновляемые Богом, вели народ по угодному Богу пути.

Когда Русь расширилась настолько, что ее правители сменили титул великих князей на царское достоинство, тогда установлен был обряд венчания на царство, в котором Господь подает своим избранникам благодать к прохождению их великого служения.

Итак, под водительством любимых, Богом избранных вождей, повинуюсь им не рабским, а радостным сыновним повиновением, много раз на своем пути видел непосредственно руководство Божие, спокойно и право живет великая Русская земля.

К тем чувствам, которыми окружает она Престол самодержавных своих государей, присоединяет она благодаримую память и о прежде них потрудившихся самоотверженно и славно вождях русского народа. Многие из этих вождей, своими подвигами при жизни светив своей родине, теперь сияют вечною славой пред престолом Царя царей, своими дерзновенными молитвами служат Руси еще могучей и действенной, чем прежде служили ей земными силами.

А вожди народа в памяти о великих и Богом прославленных предках черпают примеры и бодрость духа.

В настоящем издании собраны сказания о том, как, служа Руси, *жалая* и храня ее, русские князья достигали венца святости, и о тех вождях, в которых особенно сильно было одушевление веры.

Дай Бог, чтоб сказания эти могли укрепить в читателе добрые чувства к родине, потому что стоит любить Русь за ее прошлое — великое и святое. А не любить ее нельзя, если сколько-нибудь знаешь ее.

Призвание России. Св. равноапостольная Ольга. Св. равноапостольный Владимир

Русскому народу назначено Богом великое призвание. Оно состоит в том, чтоб хранить в целостности и чистоте учение Христово и воплотить воочию понятие о христианском государстве. И когда народы, забывшие Бога, отрекшиеся в государственной жизни от искания правды Божией, стоскуются по Богу — тогда Россия и укажет им на утраченное ими сокровище чистой и теплой веры. Всегда стоя одна, чуткая к воле Божией, Россия подобна пустыннонику, вдали от людей спасающему свою душу, и ее столь отличная и уединенная от других народов жизнь так глубоко поясняется словами поэта:

*И ангел мне сказал: «Иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампады,
Тебе поверенный, до срока убережь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь.*

И тогда Русь — «Богоносица Святая» поведет за собой весь мир к царствию Божию...

При столь высоком уделе, назначенном русскому народу, предстоял ему и особый путь. Нужно было создаться государству могучему и великому, которое бы своею силой могло сдерживать обуревающие другие народы чувства зависти, ненависти, вражды, — как и в наши дни Россия непоколебимо стоит на страже мира. Вместе с тем этот избранный народ должен был быть проникнут весь верой в Бога, стремленьем к Его учению... И вот, разворачиваются пред нами пути земли Русской, — путь скорбей, в которых созрела душа, закалилась крепость народа, — путь благоденствий Божьих, оправдавших его веру; вообще же путь славной избранницы Божией!

То внешнее мужество, которое необходимо народу, чтоб образовать обширное и крепкое государство, русское племя выказало с самых первых шагов своих на поприще истории.

Дважды, в 866 и 881 годах русские предпринимали походы на Царьград. В первый из этих походов столица равноапостольного Константина была спасена чудом: при погружении патриархом в море ризы Богоматери, спокойное море взволновалось бурей и раскидало русские челны. Вследствие этого чуда многие уверовали во Христа. Вождь русских во втором походе, князь Олег, как говорит предание, подошел к Царьграду на ладьях с парусами, поставленных на колеса, и прибил свой щит на воротах Царьграда.

Но из этой же греческой страны Бог судил вынести русским свет Христовой веры, которая глубоко изменила и направление русской удали. Русь языческая нападала на другие племена для расширения. Русь христианская лишь защищалась от врагов, которых Бог и передал ей во власть, дав ей четверть мира.

Итак, богато одаренному, смелому и бодрому, полному сил и задушевному племени, каким с первых дней видели мы Русь, недоставало главного: духа жизни, веры.

Отношения с православной Грецией ознакомили многих русских с греческой верой; чудо на Босфоре поразило также многих, — и начались уже в IX веке отдельные случаи крещения. Стольному Киеву надлежало первому принять истину, во исполнение апостольского пророчества.

Хранилось предание, что св. апостол Андрей Первозванный, обходя вселенную с проповедью, пришел на те высоты, где возник впоследствии Киев.

Он благословил это место, воздвиг крест и сказал: *«На сих горах воссияет благодать Божья, имать град велик быти, и церкви многи Бог воздвигнути имать»*.

Мало-помалу подготавливалась почва, благоприятная для христианства, и первую провозвестницей его на Руси явилась равноапостольная великая княгиня Ольга.

Великая княгиня Ольга происходила из окрестностей нынешнего города Пскова и за красоту и ум в 903 г. избрана была супругой великого князя Игоря.

В 946 г. Игорь был убит племенем древлян, и, за малолетством сына его Святослава, начала править Ольга. Исполняя языческий обычай, она жестоко отомстила за убийство мужа; сама встала во главе набранного ею войска и прошла всю землю древлян, облагая их данью; затем она отправилась в северные города, в Новгородскую сторону, где разделила землю на погосты. Через 150 лет по кончине ее там с благодарностью вспоминали еще деяния Ольги, как правительницы.

Установив порядок в Русской земле после своего воинственного супруга, Ольга вернулась в Киев, где жила, любимая и чтимая сыном и пародом. И тут, в тишине, в летах преклонных, душа Ольги почувствовала жажду истины.

Она могла узнать учение православия, видеть чин православных обрядов у живших в Киеве христиан, а светлый ум ее из бесед с пастырями уверился в превосходстве христианства. С той же решительностью, которая отличала все дела ее, Ольга в 957 г. отправилась в Царьград. Там пользовалась она наставлениями патриарха и приняла святое крещение, с именем Елены. Патриарх сказал ей: *«Возлюбив свет и отвергнув тьму, благословенна ты между женами русскими. Благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода»*.

Император Константин Багрянородный был восприемником ее.

Вернувшись в Россию, св. Ольга старалась о распространении христианства и надеялась обратить к вере сына своего Святослава. Но в этом беспокойном войнолюбивом князе не было никаких духовных расположений. Во время его походов св. Ольга все продолжала править Русью.

Она успела посетить свою родину и, смотря на ту местность, где стоит теперь Псков, а тогда был густой лес, увидела три светлые луча, падающие с неба на берет Великой. Она водрузила тут крест и предсказала, что здесь возникнет город великий и славный с храмом Св. Троицы. На этом месте стоит теперь часовня св. Ольги и бьет целебный источник.

Св. Ольга почил в Киеве 11 июля 969 г. Она завещала не совершать над ней языческой тризны, а послала денег на помин патриарху, и отпел ее духовник.

Незабвенна эта жена для русской земли. Она первая *правила* Русью, тогда как до нее князья лишь воевали. История назвала ее *Мудрою*, Церковь — святою и равноапостольною.

Она была первым решительным проблеском, возвестившим Руси конец языческой тьмы: первая русская душа, столь торжественно и громко совершившая исповедание Христа. Как заря перед солнцем, как утренняя звезда перед зарей — она просияла перед Владимиром.

Славя память ее, Церковь поет ей трогательную песню: *«Крилами богоразумия вперивши твой ум, возлетела еси превыше видимыя твари, взыскавши Бога и Творца всяческих, и Того обретши, паки рождение крещением прияла еси, древа животного наслаждающихся, нетленна во веки пребываеши, Ольго приснославная»*.

Радуясь благоверию нашей земли, не забудем ту, которая первая всенародно и торжественно внесла в Русь бесценное сокровище веры.

То доброе семя, которое равноапостольная Ольга сеяла в своей семье, возшло, принося

неисчислимый плод.

Один из ее внуков, Владимир, проведя около нее детство, с 8 лет был отправлен в Новгород, и здесь среди грубого и сластолюбивого языческого быта, казалось, забыл о наставлениях бабки. После смерти отца, он убил брата, завладел Киевом и жил, деля время между дальними походами и служением страстям.

Но не могла эта жизнь дать покоя душе его, которую тревожило раскаяние. Напрасно ставил он на берегах Днепра и Волхова новых кумиров, украшая их серебром или золотом, напрасно приносил им богатые жертвы. Несмотря на веселый нрав Владимира, гостеприимного, общительного, благодушного, — душа его томится неясным сознанием пустоты жизни и жаждет чего-то лучшего. И вот, в эти дни душевной тоски вспомнились ему далекие дни детства и тихие речи великой Ольги, и, как она, стал Владимир искать веры...

Тогда к нему собрались проповедники. Из Болгарии пришли магометане, но их обряды не понравились князю. Послам папы он сказал: «Идите обратно; отцы наши не принимали веры от папы». Когда явились иудеи, он спросил, где их отечество. «В Иерусалиме, — ответили они; — но Бог во гневе Своем расточил нас по землям чуждым». — «И вы, — сказал тогда Владимир, — дерзаете учить других? Не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества».

Пришел греческий проповедник. В немногих словах он опроверг другие веры и стал говорить Владимиру о творении мира, первом грехопадении и об искуплении, о Христе и Его учении, и в заключение показал картину страшного суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на муку.

Пораженный Владимир со вздохом сказал:

— Благо добродетельным и горе злым!

— Крестись, — отвечал проповедник, — будешь в раю с первыми.

Отпустив грека с дарами и честью, Владимир созвал бояр и градских старцев на совет. Они посоветовали ему послать в разные земли умных людей, чтоб видеть, где достойнее чтут Бога. И снаряжено было в путь десять мужей. После Болгарии и католиков, где им не понравилось, послы прибыли в Царьград.

— Да созерцают они славу Бога нашего, — сказал император; и их привели в знаменитый храм Софии, Премудрости Божией.

В невыразимо прекрасном, как чертог Божественный, храме шло торжественное богослужение. Лучи солнца через широкий купол заливали светом это место славы. Перед богато убранным алтарем; окруженным всем высшим духовенством в великолепных облачениях, предстоял патриарх, и шла торжественно служба. Фимиамы расплывались прозрачными клубами в просторе храма, таинственно и тихо совершался священный обряд, безмолвно молился народ, а сладкогласные напевы клира поднимались к небу, и казалось, Всевышний обитает здесь и нисходит к призывающим Его людям...

Вернулись послы к Владимиру и рассказали:

— Всякий человек, вкусив сладкое, отвращается от горького. Так и мы, узнав веру греческую, не хотим иной. — Потом они добавили: — Если б закон греческий не был лучше других, то бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей, не приняла бы его.

Владимир решил принять христианство. Но, действуя еще как язычник, он хотел «завоевать веру». Пошел он на греческий город Корсунь, взял его и отсюда послал к императорам в Царьград требовать руки их сестры царевны Анны. Те ответили, что раньше ему нужно креститься. Владимир изъявил согласие.

Перед прибытием невесты он ослеп. Царевна, приехав, советовала ему немедленно креститься. И когда он выходил из купели, совершилось чудо: он прозрел душевно и телесно и в восторге воскликнул:

— Теперь я увидел Бога Истинного!

Это было, как полагают, 8 апреля 988 г. Пораженные чудом, крестились и русские бояре. Св. Владимир наречен в крещении Василием.

Приведем прекрасную песню, сложенную графом Алексеем Толстым; в ней превосходно описано то настроение, в котором св. Владимир возвращался после крещения в Киев:

*...Но молвит Владимир: «Пора мне назад,
По Киеве мне встосковалось!
Вы, отроки-друзи, спускайте ладьи,
Трубите дружине к отбою!*

*Кленовые весла берите свои —
Уж в Киеве, чаю, поют соловьи
И в рощах запахло весною!
Весна, мне неведомых полная сил,*

*И в сердце моем зеленеет!
Что нудю я и насильем добыл,
Чем сам овладеть я оружием мнил,
То мною всесильно владеет!*

*Спускайте ж ладьи, бо и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чуждом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!»*

*По лону днепровских сияющих вод,
Где, празднужа жизни отраду,
Весной все гремит, и цветет, и поет,
Владимир с дружиной обратно плывет
Ко стольному Киеву-граду.*

*Все звонкое птаство летает кругом,
Ликуючи в тысячу глоток,
А князь многодумным поникнул челом,
Свершился в могучей душе перелом —
И взор его мирен и кроток.*

*Забыла княгиня и слезы и страх;
Одеждой алмазной блистая,
Глядит она с юным весельем в очах,
Как много пестреет цветов в камышах,
Как плещется лебедей стая.*

*Как рощи навстречу несутся ладьям,
Как берег проносится мимо,
И, лик наклоня к зеркальным водам,
Глядит, как ее отражается там
Из камней цветных диадима.*

*Великое слово корсунцам храня,
Князь не взял с них денег повинных,
Но город поднес ему, в честь того дня,
Из бронзы коринфской четыре коня*

И статуи немало старинных.

*И кони, и белые статуи тут,
Над поездом выся громаду,
Стоймя на ладьях, неподвижны, плывут,
И волны Днепра их, дивуясь, несут
Ко стольному Киеву-граду.*

*Плывет и священства и дьяконства хор
С ладьею Владимира рядом;
Для Киева синий покинув Босфор,
Они оглашают днепровский простор
Уставным демественным ладом.*

*Когда ж умолкает священный канон,
Запев зачинают дружины,
И с разных кругом раздаются сторон
Заветные песни минувших времен
И дней богатырских былины.*

*Так вверх по Днепру, по широкой реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Все выше и выше растет вдалеке
Град Киев с горой Щековицей.*

*Владимир с княжого седалища встал,
Прервалось весельщиков пенье,
И миг тишины и молчанья настал —
И князю, в сознании новых начал,
Открылось новое зренье:*

*Как сон, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда господня,
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он раз
Свой город увидел сегодня.*

*Народ, издалека их поезд узнав,
Столпился на берег — и много,
Скитавшихся робко без крова и прав,
Пришло христиан из пещер и дубрав,
И славят спасителя Бога.*

*И пал на дружину Владимира взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало, и мы с этих пор
Сильны еще силой иною!*

*Что смутно в душе мне сказалося моей,
То ясно вы ныне познайте:*

*Дни правды дороже воинственных дней!
Гребите же, други, гребите сильней,
На весла дружней налегайте!»*

*Вскипела, под полозом пенясь, вода,
Отхлынув, о берег забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передние в пристань вбежали суда,
И с шумом упали ветрила.*

*И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон —
— Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы!*

Корсунь Владимир оставил греческим царям и соорудил там храм. Вместо пленников вывел из него духовенство; вместо дани взял церковные сосуды и иконы, мощи св. Климента и ученика его Фива.

Вернувшись в Киев, св. Владимир спешил истребить идолов; он рубил, жег и топил их. Главного из них, Перуна, волочили за хвост лошади, и потом бросили в Днепр. Народ кричал ему: «выдубай, боже!» — т. е. выплывай, — и стоящий теперь на этом месте монастырь зовется Выдубицким.

На другой день Владимир велел всему народу собраться на берег Днепра. Покорно, веруя, что князь избрал лучшую веру, шел народ. Вот явился Владимир со священством, и все множество народное вступило в реку, взрослые по грудь, отцы и матери с младенцами на руках.

Священники на берегу читали молитвы. Когда крещение кончилось, Владимир в восторге души, подняв взоры к небу, громко молился: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного; утверди в них веру правую. Будь им помощью в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!»

Летописец говорит: «В сей великий день земля и небо ликовали».

Как дорог русской душе Днепр, в водах которого возродилась Россия!

*Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.*

*Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!..*

*...Слава, Днепр, седые волны!
Слава, Киев, чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат.*

*Знаем мы, в века былые,
В древню ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнце вечногo восток.*

(Алексей Хомяков, из стихотворения «Киев», 1839).

Крестив киевлян, св. Владимир занялся укреплением веры. Он воздвигал в Киев храмы на месте прежних идолов и выстроил прекрасную церковь, где стоял Перун, названную Десятинною, так как на ее содержание определена была десятая часть княжеских доходов. В Киеве открыты были училища, где обучали книгам Божественным, переведенным на славянский язык просветителями славян, свв. Кириллом и Мефодием.

Св. Владимир послал проповедников в Новгород, Ростов, где народ был тоже крещен; посылал и в другие города духовенство со своими сыновьями.

Нрав св. Владимира после крещения совершенно изменился. Ведя чистую жизнь, он горько скорбел о прежних грехах своих; стал настолько кроток, что духовенство должно было уговаривать его карать разбойников и оборонять свою землю, так как от кротости его умножались злодеяния, а он не решался поднимать меча на врагов. Воюя по необходимости, он прилежал мерам мирным, населял пустые места, основывал города, призывал из Греции художников и был отцом народа. Созывая бояр на пиры свои, память о которых навсегда осталась жива, он ставил трапезу и для нищих, которые имели право утолять у него на дворе голод и брать из казны деньги. Для больных же, которые не могли дойти до палат его, он велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где недужные?» — спрашивали посланники князя и оделяли их.

Глубоко принял св. Владимир в сердце слова Евангелия: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» и показал высочайшую степень милосердия.

Каким греющим мягким светом сияет в это время образ св. Владимира, и сколько любви и благодарности звучит в прозвище, данном ему народом, — «Красное Солнышко».

Св. Владимир преставился лет 60, 15 июля 1015 года, и погребен в мраморном гробе в Десятинной церкви, рядом с супругой своею Анной. При нашествии татар гроб его был скрыт под развалинами Десятинной церкви и обретен в 1635 г. Голова благоверного князя находится в Великой церкви Киево-Печерской лавры, а часть главы и кисть руки — в московском Успенском и Киево-Софийском соборах.

Бесконечно значение святого равноапостольного князя Владимира в жизни русского народа. Он стал для нас воистину животворным «Красным Солнышком», лучами которого взошло и выращено все то, чем сильна и славна Россия. Он вывел ее из тьмы язычества, возродил к новому прекрасному быту, поставил на тот великий ее исторический путь, который ведет ее к великому делу — избранной земли Христовой.

Все, что святит и крепит Русь, все, что полно в ней значения, все, чем Русь дорога русским, — начало тому положено св. Владимиром.

Помимо того, что вера в Бога указала русским людям на земную жизнь как на приготовление к будущему раю и тем принесла свет и смысл земному их существованию, — эта же вера осмыслила и освятила и историческую жизнь народа. Как праведно и чисто живет человек, поставивший своею задачей спасти свою душу, так же праведны и чисты стали пути и того народа, который стремлением своим поставил стать достойным имени Христа, еще на земле заработать для своей земли имя «Святой».

И видя эту горячую ревность к Себе, самоотверженное исполнение закона Своего, Бог избрал и благословил этот народ и, кроме награды в будущем бесконечном царстве, дал ему и земное величие и славу, чтобы через этот народ исполнять на земле Свои веления.

На такой путь поставил Россию Владимир Святой.

От этого значения просветительной деятельности св. Владимира в общем обратимся к оценке отдельно последствий, какие имело православие для Руси.

Оно сплотило в одну неделимую громаду все русские племена, жившие раньше во взаимной розни и вражде. Весь русский народ, объединенный одною верой, стал как один человек. В жажде внести свет веры единокровным своим, погруженным в идолопоклонство,

проповедники, большею частью иноки, бесстрашно углублялись в малоизвестные места, населенные племенами полудикими, и, разоряя идолов, говорили о Христе и учили народ. Потом заводились школы, воздвигались храмы и крепче меча единство веры связывало разрозненный доселе народ.

А что, как не вера, поддерживало Русь в многочисленных пережитых ею испытаниях? Все свои государственные беды, как ни казались они ужасны и безысходны, лучшие русские люди принимали спокойно и покорно, как Божью кару за свои грехи, и, терпеливо страдая, никогда не отчаивались в том, что силен Бог и помиловать свой народ, и послать ему избавление. И эта крепкая вера освещает все пространство нашей истории и была оправдана историческими событиями. По этой вере Русской земли в ведущего ее Бога, в дни величайших невзгод Господь воздвигал свои чудеса, которые спасали Россию, по-видимому, безнадежно погибавшую. И память об этих чудесах еще более укрепляла в потомках живую веру предков.

Наконец, православная вера утвердила те отношения между вождями народа и народом, которые представляют одну из главнейших причин величия России.

Народ верил всегда, что правящие Русью вожди (сперва великие князья, потом — цари, наконец, императоры) призваны к этому делу Богом, — и, как Божьим избранникам, беспрекословно народ повиновался им. Между тем как в западных государствах народ и государи вели между собой постоянную и ожесточенную борьбу, у нас, наоборот, они представляли одно неразрывное целое — дружную Русскую землю. И, когда угас на русском престоле род Владимира Святого, народ избрал нового царя, Михаила Романова, принеся ему ту же безграничную самодержавную над собою власть, какую имели всегда русские правители. Со своей стороны, вожди русского народа смотрели на свою власть как на порученное им Богом великое дело, за которое они по смерти должны дать ответ, — и ни у одного народа мы не видим такого большого числа самоотверженных государей. Забывая свою личную жизнь, всей душой болея за свой народ, они не только правили им, но и полагали за него свою жизнь. Из приведенных ниже рассказов будет видно, какой светлый полк святых выставили от себя, как молитвенников и ходатаев, после земных трудов за ту же Русь правители Русской земли. И такое высокое настроение души и всей своей жизни русские вожди показали с первых же времен православия; уже дети Владимира прославились святостью.

Расставаясь с чудным обликом равноапостольного князя Владимира, приведем похвальное слово ему и его делу, проповедника того времени, пресвитера Илариона (впоследствии митрополита киевского), произнесенное в созданной св. Владимиром Десятинной церкви.

«Все народы помиловал благий Бог, и нас не презрел; восхотел, и спас нас, и привел в познание истины. Пуста была земля наша и иссохла; зной идолослужения иссушил ее, но внезапно потек источник евангелия и напоил всю землю нашу... Капища разрушены, и церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и явились иконы святых; бесы убежали; крест освятил города; пастыри словес — епископы и пресвитеры — стали возносить бескровную жертву и клир украсился и облекся в благолепие св. Церкви. Труба апостольская и гром евангельский огласили все города; фимиам, возносимый Богу, освятил воздух. Поставлены на горах монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великие — все люди наполнили святые церкви, и прославили Господа... Тебя же как восхвалим, досточтимый и славный отец наш, премужественный между владыками земными, Василий? Какую воздадим благодарность за то, что через тебя познали мы Господа и избавились от заблуждения идольского, что по твоему повелению по всей земле нашей славится Христос... Встань из гроба твоего, честная глава, возведи очи и посмотри, как Господь, сподобив тебя почестей небесных, не оставил тебя без памяти на земле... Посмотри на город, сияющий величеством, посмотри на возрастающее христианство, и, видя все это, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строящего все это».

Видимыми памятниками св. Владимиру в Киеве служат Десятинная церковь, воздвигнутая на

развалинах созданной им Десятинной церкви, которую разрушили татары, и освященный Князе-Владимирский собор. Великолепный храм этот украшен замечательною живописью чрезвычайной силы, в которой мастерская кисть соединилась с глубокою вдумчивостью и пламенным одушевлением. Имя художника, наиболее украсившего собор, — Васнецов.

На высоком берегу Днепра, лицом к реке, послужившей купелью возрождения Русской земли, воздвигнут величественный памятник равноапостольному просветителю России. Св. Владимир изображен молящимся о своем народе. В руке он держит животворящий крест, знамение нашего спасения. Ночью крест этот горит электрическим светом, и дивен вид этого сияющего в воздухе креста над теми высотами, где просияла Божья благодать.

Дело распространения веры продолжал сын и преемник св. Владимира, Ярослав Мудрый. Он особенно заботился о распространении книжного учения и строил много храмов. При нем были переведены с греческого творения святых отцов и другие благочестивые книги, которые составляли единственное и любимое чтение русских людей.

И мало-помалу русский народ принял тот облик истово верующего, безмерно усердного к своей вере, который так изумляет иностранцев, отзывы которых дошли до нас.

Святые мученики князя Борис и Глеб

Святой Владимир разделил Русь между своими 12 сыновьями при жизни. Любимыми сыновьями его были Борис и Глеб, во св. крещении Роман и Давид. Они были рождены от матери-христианки и по малолетству дольше других оставались при отце, когда другие уже княжили в своих уделах, — именно, в то время, когда Владимир так искренно и горячо отдался Богу. Они выросли под благочестивым настроением отца и всей душой глубоко восприняли христианство, с его правдой, чистотой и кротостью. Старший, Борис, был обучен грамоте и очень любил читать о подвигах и жизни святых, а младший, Глеб, с наслаждением слушал чтение брата. Читая о страданиях мучеников, Борис, обливаясь слезами, молился: «Господи Иисусе Христе, удостой и меня их удела, научи идти по их стопам. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетой этого мира. Просвети сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди!»

Любимые нежно отцом, крепко и они были привязаны к нему, а между собой соединены горячею дружбой.

Отец их любил в них не только сыновей, но и светлых, осененных благодатью истинных христиан.

Чтобы не разлучать их далеко одного от другого, когда пришло время, он назначил им соседние уделы: Борису — Ростов, а Глебу — Муром. Там они занимались распространением веры, сияли правосудием, кротостью, добротой и попечением о бедных.

Незадолго до кончины Владимира, Борис приехал к отцу, силы которого упали. В это время пришло в Киев известие, что печенеги идут на Русь. И, будучи сам уже не в состоянии идти в поход, Владимир отрядил на них сына. После напрасной погони за ними Борис возвращался в Киев, когда у реки Альты (недалеко от нынешнего Переяславля) получил известие, что его отец скончался, а брат его Святополк, скрыв на некоторое время его смерть, тайно схоронил его и завладел престолом. Святополк был племянник св. Владимира, сын брата его Ярополка, но усыновлен св. Владимиром. Еще при жизни его он показал себя с дурной стороны, хотел отложиться от России, сидел в темнице, но потом был прощен отцом.

Зарыдал Борис, услышав тяжкую весть о смерти любимого отца: «Увы, — говорил он, — зашел свет очей моих; горько мне, что я не был при твоей смерти, чтобы с честью схоронить тебя!»

Бояре киевские, ходившие с Борисом в поход, советовали ему: «Иди в Киев и завладей престолом отца — и войско отцово с тобой и поможет тебе». На это князь отвечал: «Не пойду я на старшего брата. Он мне теперь вместо отца».

После такого ответа и бояре, и ратные люди ушли от Бориса, а он остался с одними приближенными и думал идти в Киев и приветствовать Святополка, как старшего брата и начального князя. А Святополк, чувствуя себя некрепко на престоле, так как все надеялись видеть на нем любимого Бориса, — замыслил убить Бориса, Глеба и всех своих братьев и нанял убийц.

Прежде чем они дошли до места стоянки Бориса, к нему пришел тайно вестник, предупреждая о том, какая ему готовится опасность. Но великодушный князь не поверил: он знал, что ничем не согрешил против брата, и нет причины тому злоумышлять на него.

Но все же эта весть смутила его. Полный к тому же скорби по отцу, он упал духом и в молитве искал утешения. Была суббота. Он вошел в шатер свой и с плачем стал молиться Христу и Пречистой Его Матери. Так молился он до глубокой ночи и стал петь утреню. Когда убийцы приблизились к шатру, они услышали голос князя.

Борису сказали, что убийцы уже здесь. И еще горячее полилась тогда к Богу его молитва. Совершив утреню, он устремил взор на икону Христа и в слезах молился так: «Ты, пострадавший за нас на кресте, сподоби меня за имя Твое претерпеть это страдание, которое я невинно принимаю не от врагов, а от брата моего, и не поставь ему, Господи, этого во грех!»

Так в страшный час молился он о своем убийце.

Окончив молитву и причастившись, Борис спокойно лег, предав себя в руки Божии...

С яростью ворвались убийцы в шатер, стали колоть его копьями, и он упал, обливаясь кровью... Любимый отрок князя Бориса, Георгий, родом из венгерцев, носивший возложенную ему князем на шею гривну, пал на тело своего господина с криком: «Не оставлю тебя, но где гибнешь ты, там и я кончу жизнь!» Его тоже проткнули копьями, и так как не смогли сорвать с шеи драгоценную гривну, то отрубили ему голову и отбросили ее, так что потом между множеством трупов нельзя было распознать его тела.

Чуть дышащего князя Бориса убийцы завернули в материю шатра и положили на колесницу. По дороге встретились посланные Святополка, и один из них вонзил свой меч в сердце князя. Это было в воскресенье, 24 июля. Тело его было привезено и тайно схоронено в Вышгороде (село на Днепре в 17 верстах от Киева).

Св. Борис был строен и величествен, пленял всех красотой и ласковым обхождением. Взор у него был приятный и веселый. Он отличался храбростью в битвах и мудростью в советах.

Убив св. Бориса, Святополк замыслил убить и Глеба. Он послал к нему гонца с известием, что отец их тяжело болен и зовет его к себе. Быстро собрался Глеб, взял с собой малую дружину и поспешил выехать, чтоб застать отца в живых. У Волги конь повредил ему ногу, и он водой поплыл к Смоленску. Против урочища Смядин князя нагнал гонец от княжившего в Новгороде брата его Ярослава и рассказал о кончине Владимира и убиении Бориса.

Огорчен был Глеб смертью отца и еще больше гибелью брата. «Не услышу более, — говорил он, — кротких наставлений твоих, брат мой любимый! Если получил ты милость у Бога, моли Его, чтоб и я пострадал, как ты. Лучше мне быть с тобою, чем в этом злом мире».

Так рано постиг он суету земную.

Еще плакал князь от ужасной вести, как его настигли посланные Святополком убийцы. Спутники князя увидели их и взялись за оружие. Глеб сказал им: «Братцы, если мы не будем драться, они возьмут меня и поведут к брату, а иначе всех нас убьют». Приблизившись к лодке князя, они напали на него. Он воздел руки к небу и стал молиться со слезами. Во время его молитвы стоявший сзади его повар, злобствовавший на него, вытащил свой нож и, схватив его за голову, вонзил нож в горло. Как непорочный агнец, пал невинной жертвой юный князь Глеб и соединился навеки в небесном царстве с любимым братом. Это было 5 сентября.

Убийцы, не погребая тела, бросили его недалеко от берега, между двумя колодами, и прикрыли хворостом. И на этом месте стали являться знамения: иногда загорались огни, иногда слышно было проходящим пастухам ангельское пение. Через несколько лет охотники, занимаясь звериной ловлей, нашли честное тело. Оно лежало целым: ни зверь, ни птица не коснулись

его, не было на нем тления.

Они рассказали об этом в Смоленске. Тогда граждане со всем духовным собором отправились на то место и узнали в нетленных мощах благоверного князя муромского Глеба Владимировича, убитого на этом месте; торжественно перенесли они мощи в Смоленск и положили в храме.

Святополк, погубив двух братьев, убил еще третьего, Святослава Древлянского, а затем должен был вступить в борьбу с ополчившимся на него Ярославом Новгородским. Четыре года длилась борьба; наконец Святополк привел печенегов и сошелся с Ярославом на берегу той Альты, где был убит св. Борис. Перед битвой Ярослав, воздев руки к небу, помолился так: «Владыко Господи! Кровь братьев моих от земли вопиет к Тебе. Молю Тебя, всемогущий Творец, Судья праведный, отомсти за кровь эту праведную, как отомстил Ты Каину за кровь Авеля... Вы же, братья мои святые, Борис и Глеб, помогите мне против этого безбожного убийцы!»

С рассвета вступили в битву, бились до ночи с ужасным ожесточением, враг сходил с врагом врукопашную, кровь текла ручьями по оврагам. Одолел Ярослав, и Святополк бежал в польскую землю.

От страха и угрызений совести он не мог остановиться нигде: ему всюду чудилась погоня. «Бегите, бегите, — кричал он, — за нами гонятся!» Он кончил жизнь в Польше в страшных мучениях душевных, и, как передает летописец, долго из насыпанного над ним кургана выходил смрад, как свидетельство лежавших на нем проклятий. Этот злодей назван «Святополком Окаянным».

Когда, утишив землю, Ярослав утвердился в Киеве, он узнал, что тело св. Глеба находится в Смоленске, и послал за ним священников. По Днепру тело привезено было к Киеву, и все увидели благоверного князя как бы спящим: тело было, как у живого, и источало благоухание. Его положили в Вышгород в могилу св. Бориса в 1021 г., и тогда же они оба были причислены к лику святых. Когда сторел храм, где была могила, над гробом стали появляться огни и слышалось ангельское пение. Тогда над святыми мощами воздвигнута была новая церковь, а мощи вынуты из земли. Тут же начали совершаться чудеса исцелений. Впоследствии вместо деревянной была сооружена великолепная каменная церковь во имя первых русских чудотворцев. При торжественном перенесении мощей раку св. Бориса несли князья, а каменную раку св. Глеба везли на санях.

Во время нашествия татар храм этот был разрушен до основания, а мощи благоверных князей скрыты в неизвестном месте, где остаются и доныне. Предание говорит, что место это — под святым колодцем, находящимся у алтаря теперешней церкви.

Память св. страстотерпцев совершается 27 июля, перенесение мощей — 2 мая.

Вспомним о трех святых братьях, верно служивших благоверному князю Борису.

Из Венгрии пришел к нему Ефрем, с братьями Моисеем и Георгием. Георгий был убит на Альте, прикрывая собой своего князя. Узнав об их гибели, Ефрем пришел искать тело брата, но не мог узнать его и нашел только голову. Он принял иночество и там, где теперь город Торжок, построил странноприимный дом, где служил странникам. При открытии мощей св. князей Бориса и Глеба, он воздвиг храм во имя новоявленных мучеников и основал при храме иноческую обитель.

Какая радость была для верного слуги видеть церковное прославление его любимого князя! Мощи почившего в глубокой старости преп. Ефрема покоятся открыто в соборном храме новоторжского Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава его брата Георгия, по его завещанию положенная с ним в могилу. Третий брат, преп. Моисей Угрин, прославился великими подвигами целомудрия, много пострадал за душевную и телесную чистоту и был одним из первоначальных подвижников в киевских пещерах, где почивают его мощи.

Велико значение дивного подвига святых князей Бориса и Глеба, явившихся первым пышным цветом русского православия, первыми угодными жертвами, которые выставила Богу Русская

земля.

Удивительна высота их нравственного совершенства: презрение к смерти, вера в Бога, смирение и правда, покорность старшим.

Особенно этой последней добродетели всегда будет поучать их память. Преп. летописец Нестор, подвижник Киево-Печерской лавры, рассуждает так об их кончине и прославлении: *«Видите ли, как ваша покорность старшему брату? Если бы они воспротивились ему, то едва ли удостоились такого дара от Бога. Потому что и ныне много юных князей, которые не покоряются старшим, сопротивляются им и бывают убиваемы, но они не удостоиваются благодати, как эти святые братья».*

И особенно во времена взаимных раздоров князей Киевской Руси пример св. страстотерпцев служил важным напоминанием о мире, любви и согласии, которых не было среди удельных князей; их рознь и предала Русь татарам.

Каким отрадным светом сияют лики двух святых братьев; какую они озарены новой для Руси красотой — красотой смиренной и кроткой души! Их короткая жизнь и славная смерть показывают, как быстро и богато поднялось на русской почве посеянное их отцом семя.

Немного и недолго потрудились для родной земли благоверные князья-мученики, но зато явились сильными и теплыми ходатаями за нее на небе, и забота их о русской земле, и помощь подтверждаются следующими знаменами.

Когда великий князь Александр Невский боролся с немцами и должен был вступить с ними в бой на берегах Невы, один из военачальников его, стоя ночью на страже, имел такое видение. Лишь только забрезжил свет, появился на реке корабль; гребцы сидели как бы покрытые тьмой, а посреди корабля в блестящих одеждах стояли святые мученики Борис и Глеб. И сказал св. Борис: «Брат Глеб, вели грести скорее, да поможем сроднику нашему князю Александру против немцев».

И в тот день св. Александр одержал великую победу.

Также, когда благоверный князь Димитрий Иоаннович боролся с нечестивым Мамаем, стоявший ночью на страже Фома Халцибеев видел следующее. В высоте показалось густое облако, и от полуденной стороны явились двое светлых юношей; в руках у них были зажженные свечи и мечи. То были святые мученики Борис и Глеб. И сказали они татарским воеводам: «Кто послал вас губить наше отечество, данное нам Богом?» и стали рубить врагов, так что ни один не остался цел.

Наутро страж поведал видение великому князю Димитрию, и он молился: «Пресильный Боже, подай мне помощь молитвами святых мучеников Бориса и Глеба, как Давиду на Голиафа, как Ярославу на Святополка, как пращуру моему Александру на короля немецкого!»

То был день Куликовской битвы, которая положила начало освобождению России от татарского ига.

Семья Ярослава Мудрого. Св. великая княгиня Анна и св. князь Владимир Новгородские. Прп. Никола Святоша, князь Черниговский

Преемник и сын Владимира святого, Ярослав Мудрый, славен был благочестием и был поборником духовного просвещения. Он высоко поставил русское имя.

В его семье было двое святых.

Супруга Ярослава, благоверная княгиня Анна, была дочерью шведского короля Олава; языческое имя ее было Индегерда, и она получила в приданое от отца город, по-русски называемый Старою Ладогой. Летописи не оставили нам подробностей о ее характере.

Перед кончиной своей она постриглась в монашество (10 февраля 1051 г.).

Благоверный великий князь Владимир Ярославич на 16 году поставлен отцом княжить в Новгороде, где неотлучно с ним жила до смерти и его мать. Он оставил о себе вечную память сооружением великолепного собора Софии, Премудрости Божией, важнейшей святыни Новгорода и одной из первых русских святынь, которая уцелела во всей своей древней красе. После 18-летнего управления, он преставился 33 лет от роду, 4 октября 1052 г. Нетленные мощи его почивают рядом с мощами его матери в серебряной раке в созданном им соборе.

Неясно рисуется чистый образ этого древнего князя, по скудости сведений о нем; но мы можем дополнить его по той обстановке, в какой протекло его детство в доме отца.

Созидательная, живая, спокойная, но плодovitая деятельность поглотила Ярослава во все его княжение. Он ставил новые города и храмы, любил церковные уставы, духовенство, особенно иноков, понимал пользу книг духовных и читал их день и ночь, велел переводить их. Все это не усыпляло его воинской доблести, когда нужно было ополчиться на врага.

«Ярослав, — говорит протоиерей Михаил Хитрово, — представляется за беседой со смиренным черноризцем о церковном уставе и строение или глубоко погружившимся в развернутую перед ним хартию... Уже давно ночь, но князь как будто и не замечает времени. Он весь ушел умом в письмена, где черпает уроки мудрости и благочестия, — и, кажется, шепчут его уста с Соломоном: „Пошли мне от святых небес приседящую престолу Твоему премудрость, чтоб она способствовала мне в трудах моих!“»

Ярослав любил великолепие храмов, выписывал для украшения их греческих художников, завел стройное церковное пение.

Вот в какой среде росли первые православные русские князья. Такое настроение веры не могло не образовать людей, не только праведных, но и святых. Мы видели уже благочестивую ровность св. княгини Анны, принявшей иночество в последний год жизни. Один из князей последующего времени отрекся от престола и величия земного и провел жизнь в удивительных подвигах иноческого смирения.

Князь черниговский Святослав (в сокращении Святоша), во св. крещении Николай, жил счастливо, имея жену и детей. Но душа его жаждала исключительного общения с Богом. Он понял, что все тленно, что не утолит Софийский собор в Новгороде голода души земным величием, что только на небе — непреходящее царство славы; и он оставил все и пришел в 1106 году в Киево-Печерский монастырь.

Забывая прежний сан свой, он прилежнее всех работал на послушаниях. Сперва он трудился в поварне, на плечах носил дрова с берега Днепра в гору и рубил их, делал и прочую работу. Его братья, узнав об этом, пытались принудить его бросить это дело, но он умолил их оставить ему его труды и три года протрудился на поварне. Потом пробыл он три года при монастырских воротах сторожем и никуда не отходил, кроме церкви. Отсюда взяли его на трапезу.

После этих послушаний игумен велел ему трудиться в безмолвии, и он стал насаждать около своей кельи сад. Никогда не видели его праздным, и с рукоделием в руках, он, не переставая, творил молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...».

Он ничего не ел, кроме малой части того, что давали ему на монастырской трапезе, а все, что присылали ему родные, раздавал нищим и странникам или на устройство церквей; иного жертвовал также в храмы книг.

В миру в Чернигове у князя был врач, по имени Петр, родом из Сирии. Он был очень привязан к нему и ради него переехал в Киев. Посещая св. Николу, видя его пост и лишения, заставляя его то на поварне, то у ворот, врач сокрушался о нем.

— Ты не жалеешь себя, — говорил ему врач. — Ты заболеешь от истощения. Как купленный раб, работаешь ты на черноризцев, непривычный к этой работе. Твои братья скорбят, что ты из такой славы дошел до последнего убожества... Ведь тебе присесть некуда, кроме как на сорную кучу у поварни или ворот. Ты сам моришь себя. Кто из князей русских поступал так?

— Брат Петр, — отвечал ему блаженный Николай, — много я думал о спасении души моей и

рассудил, что не надо щадить плоти, чтоб она не тяготила страстями духа.

Томимая воздержанием и трудом, она смирилась, а не изнеможет, а если бы и изнемогла, то апостол сказал: «Сила моя в немощи совершается». Бог хочет сердца чистого и смиренного, но без поста и труда оно не может быть таким... Ты упрекаешь меня, что я стал рабом этих черноризцев. Но я перестал быть рабом мира и благодарю Бога за то, что Он мне, рожденному князем, дал работать Царю царей в лице этих иноков. Братья мои пусть не думают обо мне. С них довольно забот о моей власти, которую я оставил в земном княжестве, чтобы наследовать в небесном. Я обнищал ради Христа, чтобы приобрести Христа. Зачем же упрекаешь меня за воздержание мое и грубую пищу? Ведь, врачуя недуги, ты приказываешь больным воздерживаться от некоторых блюд, а я этим способом лечу духовные недуги. Ты упрекаешь меня, что я сижу у сорных куч, — но чем я лучше Иова, сидевшего на гноище. А он в жизни назывался царем. Ты говоришь еще, что ни один из князей русских не поступал, как я. Пусть же, подражая Царю небесному, я буду им примером.

Часто, когда блаженный князь заболел, врач приготовлял ему лекарство, но, прежде чем он доходил до него с лекарством, князь выздоравливал и никак не позволял себя лечить. Сам же он молитвами своими исцелил болезнь врача.

Однажды князь призвал врача и сказал:

— Петр, тебе следует постричься в ангельский образ и работать Господу и Его Пречистой Матери в этом монастыре вместо меня, потому что я через три месяца отойду от этого мира.

С воплем врач упал к ногам его и говорил:

— Увы мне, господин мой, благодетель, драгоценная жизнь моя! Кто позаботится теперь обо мне? Кто пропитает сырых и убогих, смилуется над просящими помощи? Ведь я просил тебя щадить себя, так как многим ты можешь быть полезен, и в твоей жизни — жизнь многих. Откуда эта весть? Если от людей — я отдам за тебя мою жизнь; если от Бога, умоли его, чтоб я умер за тебя. Если ты умрешь, мне негде оплакивать сиротство мое. Птица находит себе приют, а ты шесть лет живешь в монастыре, и у тебя нет приюта.

— Не тужи, Петр, — отвечал блаженный князь, поднимая врача, — Господь знает, как сохранить всю созданную Им тварь. Он будет прибежищем и тебе...

Потом святой Никола приготовил себе место для погребения и показал врачу, а тот умолял его:

— Знаю, что если ты захочешь умолить Господа, так тебе жить еще. Меня же положат здесь.

— Да будет тебе, как хочешь, если есть на то воля Божия, — отвечал князь. — В одном образе иноческом послужим Богу.

Тогда врач постригся и провел три месяца в слезных молитвах. По его молитве и предсказанию блаженного Николы, он, причастившись святых Таин, преставился в назначенное время.

Тридцать лет после того провел еще в обители святой князь. В год своей кончины он сослужил родине последнюю службу, примирив враждовавших русских князей. В день его смерти, 14 октября 1142 г., почти весь город собрался к нему, прося его молитв. Братья его горько плакали, узнав о его кончине, и один из них просил от игумена себе на благословение крест умершего, возглавие и помост, на которых почивший клал поклоны.

Позже он получил исцеление от власяницы, которую носил на теле блаженный Никола Святоша.

Мощи его почивают в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры.

Семья Владимира Мономаха. Блаженная княжна Анна. Св. Мстислав Владимирович Великий

Никола Святоша был одним из немногих исключений по кротости своей среди общего беспокойного нрава князей времени киевской Руси, проводивших свою жизнь в беспрестанных раздорах из-за того, кому быть великим князем.

Столь же редким исключением является семья великого князя Владимира Мономаха.

Внук Ярослава, Владимир Всеволодович Мономах прославился и бранными подвигами за отечество, и добрым нравом, всеми силами успокаивая Русь и примиряя князей.

Он творил добро врагам, одаривал их; летописцы славят его незлобие, покорность отцу, которого он ни разу не ослушался, щедрость, милосердие. Молясь, он проливал слезы. Яснее всего рисует его завещание, оставленное им детям, в котором отразились все лучшие черты тогдашнего русского князя:

«Приближаясь ко гробу, — пишет он, — благодарю Всевышнего за умножение дней моих. Рука Его довела меня до старости маститой. И вы, дети мои, помните заповеди Божии, ходите по стопам отцов ваших. Страх Божий — основание добродетели. Велик Господь и чудны дела Его! О, дети мои! Хвалите Бога и любите человека. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас: спасут вас дела добрые. Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние принадлежит Богу, а нам дано только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли. Сиротам будьте отцами, не давайте сильным избить вдов и слабых. Не убивайте ни правого ни виновного; жизнь и душа христианина священны пред Спасителем нашим. Принимайте с любовью благословение пастырей духовных; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме ни в сердце, и думайте: „Мы тленны: ныне живы, а завтра во гробе“. Бойтесь лжи, пьянства и любострастия, равно пагубного для тела и души. Старцев чтите, как отцов, мудрых слушайте, старшим покоряйтесь, с равными и меньшими имейте любовь, беседуйте без криводушия, воздерживайтесь от смеха, старайтесь опускать очи к земле, а душу возносить к небу. В пути, на коне, не имея дела, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще „Господи помилуй!“ Не засыпайте никогда без земного поклона, а когда, почувствуете себя нездоровыми, поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на постели. Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю. Так делал мой отец, так делали все добрые люди в мое время. Когда озаряло их восходящее солнце, они радостно славили Господа».

И дети своею жизнью оправдали такого отца, о котором летописец говорит такие глубокие и трогательные слова: «Бе нищелюбец и правдолюбец и добрый страдалец за Русскую землю».

Дочь Владимира Мономаха Марина, вместе со своей теткой, его сестрой Евпраксией, кончили жизнь в подвигах иночества.

В том же киевском Андреевском монастыре, основанном отцом Мономаха, подвизалась его старшая сестра, блаженная княжна Анна, прозванная Янкой. Она занималась там воспитанием девиц, обучала их грамоте, пению и рукоделиям. Она почилла 3 ноября 1113 г. и причислена к лику святых.

Сын и преемник Мономаха, Мстислав, назван Великим, а церковью — Святым. С 12 лет дед послал его княжить в Новгород, где он в юности еще показал зрелую и великую душу.

Князь черниговский Олег, убив его брата Изяслава, захватил его удел — Ростов и Суздаль. Избегая мести, Мстислав, с горестью схоронив брата в Софийской церкви, послал сказать Олегу: «Ты убил брата моего, но на войне гибнут цари и князья; будь же доволен твоею наследственной Рязанью, и я упрошу отца моего помириться с тобой». Олег не хотел ничего слушать и мечтал завладеть еще и Новгородом. Тогда Мстислав вооружился и принудил Олега удалиться в Муром. Великодушный Мстислав, уважая в Олеге своего крестного отца, снова предложил ему мир, прося только возвратить ему пленных, и умолял отца забыть поступки Олега. Мономах сознался, что сын пристыдил его своим великодушием, и написал Олегу предложение мира. Обманно приняв предложение, чтобы усыпить племянника, Олег, только что Мстислав распустил войско, пошел на него. В один день молодой князь собрал дружину и разбил Олега, который бежал сперва в Рязань, а потом не знал, где ему преклонить голову, и скитался в отчаянии, боясь Мстислава. И снова благородный князь послал сказать ему: «Я буду твоим верным ходатаем пред отцом, и он не лишит тебя Русской земли. Властвуй спокойно в

своем княжении, только смиришь». И, действительно, Мстислав вышел из Муромской области, возвратился в Новгород и примирил Олега с отцом.

Новгородцы любили Мстислава и дорожили им. Когда один князь хотел прислать им, с согласия Мономаха, своего сына, причем Мстислава предполагалось перевести во Владимир, новгородцы ответили: «Если у сына твоего две головы, пришли его к нам. Новгороду нужен Мстислав, которого ему дал его дед, а сына твоего не хотим».

Памятниками теплого усердия Мстислава к Церкви остались каменные храмы — Благовещенский на Городище, у Новгорода (где было пребывание князей), и великолепный собор на княжьем дворе (называвшемся Ярославово Дворище) в честь святителя Николая, с его чудотворною иконой.

Однажды святитель Николай явился в видении тяжело больному Мстиславу и приказал ему отправить в Киев послов за своею иконой, размеры и вид которой святитель показал князю. Послы отплыли, но поднявшаяся на озере Ильмень буря задержала их на три дня у Липного острова. Здесь они нашли плывущую по воде икону — круглую, как было в видении, и того же размера. Больной князь, приложась к иконе, получил исцеление.

Икона эта поныне находится в Николо-Дворищенском соборе, а на острове князь поставил храм и монастырь, от которого остались одни развалины.

Князя в Новгороде, Мстислав дважды разбил Чудь и завладел городом Оденпе, или Медвежьей Головой, в Ливонии.

Есть предание, что Мстислав, по приказанию отца, ходил к Адрианополю, завоевал Фракию, и устрешенный греческий император прислал в Киев дары: крест из Животворящего Древа, венец, чашу императора римского, кесаря Августа, золотую цепь и бармы императора Константина Мономаха, из рода которого была мать Владимира Мономаха.

После Новгорода, по воле отца, Мстислав перешел в Белгород, а по смерти его, в 1125 г., сел в Киеве на престоле великокняжеском. Здесь он устроил монастырь в честь ангела своего, великомученика Федора, и храм во имя привезенной из Царьграда Пирогощей иконы Богоматери.

Семь лет княжил Мстислав в Киеве. В нем была твердость отца его, соединенная с нежной, чувствительной душой, и он старался, не обижая князей, держать их в повиновении. Победоносный вождь, не сокрушая чужих государств, он был защитой, славой и утешением собственного. При его умении править Русскою землей, если бы он прожил дольше, он мог бы надолго утвердить в ней порядок. По характеру своему он был неудержимо милостив ко всякому, не принимал серебра и золота в руки, потому что не любил богатства.

Заранее узнав день кончины своей, он преставился в один из дней святой Пасхи, 15 апреля 1132 г., и положен в основанном им монастыре. Современники не только чтили его, но уже и веровали в загробные молитвы его. Он причислен к лику святых.

Сыновья св. Мстислава. Св. Всеволод Псковский и св. Ростислав

В числе сыновей св. Мстислава Великого двое были святые.

Когда Владимир Мономах перевел сына своего Мстислава поближе к себе, в Белгород, — он вместо него прислал в Новгород его сына, своего внука Всеволода (в крещении Гавриила).

Юный князь положил основание (или возобновил) знаменитому Юрьеву монастырю, заложив величественный храм св. великомученику Георгию и, наделив обитель угодьями, воздвиг также на Торговой площади храм св. Иоанну Крестителю по случаю рождения сына.

В 1126 г. в Новгороде наступил, как во всех северных областях, страшный двухлетний голод. От жестокого необыкновенного холода вымерзли озими, глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы и селения, и земледельцы весной увидели на полях вместо зелени одну грязь.

Запасов не было, а цена хлеба поднялась так, что в 1128 г. осьмина ржи стоила по теперешним деньгам свыше двух рублей. Народ питался мякиной, лошадиным мясом, липовым листом, березовой корой, мхом, древесною гнилью. Изнуренные люди скитались как привидения, падали мертвыми на дорогах, улицах и площадях. Новгород принимал вид обширного кладбища, разлагающиеся трупы заражали воздух, и не успевали их вывозить. Отцы и матери отдавали детей в рабство иностранным купцам. И многие граждане искали пропитания в отдаленных странах. В эти тяжкие дни Всеволод делал все, что мог, для народа и истощил на него всю свою казну, которая не могла, однако, пропитать всех.

О добродетелях его Пролог говорит так: «Он был полон всяких благих дел: был богобоязлив и правдив, тих и кроток и равно и искренне любил всех. Уважал церковный чин и иноков, почитая их как братьев Божиих. Заступался за сирот и вдов, миловал нищих и покоил недужных».

Обороняя Новгород от врагов, сиял князь и воинской славой, и победоносно ходил в Финляндию, Эстонию и Литву для охранения новгородских границ.

Дядя его, Ярополк, вступил в 1132 году на киевский престол, дал Всеволоду важный удел переяславльский, считавшийся первым после киевского. С сожалением прощались с ним новгородцы, упрекая его в измене св. Софии.

В то же время младший дядя его, князь ростовский и суздальский Юрий Долгорукий, завидуя Всеволоду и думая, что Ярополк хочет провести его в свои наследники, пошел на Переяславль. Всеволод, въехав туда утром, до обеда был изгнан Юрием. Не проливая крови, кротко принял это поношение богобоязненный Всеволод и вернулся в Новгород. Забыв его благодеяния и победы, одержанные им для Новгорода, новгородцы сперва не хотели принять его, говоря: «Ты искал другого княжества. Иди же, куда знаешь». Но потом одумались и послали за ним, ограничив его власть.

Через два года пришел к Всеволоду дядя его Изяслав, лишенный тем же братом Юрием своего удела. Новгородцы шумно вызвались защитить его, и Всеволод должен был вести их на Суздаль против Юрия, но, дойдя до реки Дубны, вернулся обратно. Недовольные этим и ставя свою честь в возобновлении похода, новгородцы требовали, чтобы их снова вели на Суздаль. Напрасно отговаривал их от этого предприятия киевский митрополит, приехавший в Новгород. Задержав у себя митрополита силой, они на святках, в страшные морозы выступили в поход. Через месяц на Ждановой горе произошла кровопролитная битва. Новгородцы бились крепко, пали во множестве, положили еще более суздальцев, но не одержали победы. Всеволод едва спасся с небольшим остатком дружины.

Тогда беспокойные и самовластные новгородцы выискали за Всеволодом разные вины и торжественно осудили его на изгнание. Его заключили в епископском доме с женой, детьми и тещей (он был женат на дочери святого князя Николая Святоши) и продержали семь недель под стражей до прибытия новоизбранного князя.

Ярополк дал изгнаннику Вышгород, но вскоре некоторые новгородцы пришли звать его обратно. Выросши в Новгороде, Всеволод любил его, как родину, и неблагодарных новгородцев — как братьев. Он тосковал вдали от Новгорода и с радостью направился туда.

Псковитяне приняли его с радостью, но новгородцы не хотели слышать о нем и собрались на Псков. Тогда псковитяне завалили все дороги, шедшие по дремучим лесам, устроили окопы и так грозно готовились к защите, что новгородцы вернулись назад.

Во Пскове Всеволод заложил каменный храм во имя св. Троицы, поныне составляющий величайшую святыню Пскова. Не более года он княжил здесь, и это был год сплошных подвигов благочестия. Всегда набожный, теперь, предчувствуя смерть, он усугубил строгость жизни; смирял себя постом и молитвой, питал нищих, призревал странников, ходил за больными, перевязывал сам их раны.

Эти христианские подвиги не были нарушены делами воинскими: слава Всеволода сдерживала окрестные народы, трепетавшие при его имени; никто не смел напасть на Псков, и не выдал

князь никому чести верного своего города.

11 февраля 1138 г., после недолгой болезни, он тихо почил в летах нестарых и в небесных селениях принял успокоение от той горечи, испытаний и унижений, какие вынесла на земле его благородная и кроткая душа.

Когда его не стало, тогда только новгородцы опомнились и поняли, какого праведного человека они гнали. Они послали в Псков протопопа от св. Софии, именем Полюда, чтобы перенести тело князя в Новгород. Но гроба не могли сдвинуть с места: князь хотел остаться там, где его при жизни покоили и любили. Горько плакали послы новгородские и молили дать им хоть малую часть от мощей. Тогда сам собой отпал ноготь от руки блаженного князя. В радости послы понесли эту святыню в Новгород.

Так как заложенный Всеволодом собор св. Троицы не был еще завершен, то псковитяне погребли его мощи в церкви великомученика Димитрия Солунского. Через 54 года они обретены нетленными, и св. князь, явившись в видении одному благочестивому мужу, сказал: «Объяви властям, чтоб перенесли мои мощи в храм св. Троицы. Там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне град мой Псков, чтобы хранить его от нечестивых немцев, и в нем хочу пребывать духом до скончания века». 1192 г. 27 ноября (в этот день празднуется перенесение его св. мощей) св. мощи перенесены и открыто поставлены в Троицком соборном храме.

В 1363 г. благоверный князь, явившись соборному пономарю, спавшему в притворе храма, сказал ему: «Завтра объяви причту св. Троицы и городским начальникам, чтобы вынесли иконы из церкви. В следующую ночь Господу угодно явить чудо над моими мощами». Приказание было исполнено, и ночью обрушился тяжелый свод храма и отшиб малую часть челюстей благоверного князя, доселе сохраняемую в серебряном ковчеге.

У раки св. князя стоит древняя чудотворная икона его и висит огромный крестообразный меч его с надписью на латинском языке: «honorum meum nemini dabo», то есть чести моей не выдам никому. Посещая Псков, царь Иоанн Грозный дивился размерам и тяжести этого меча.

Брат Всеволода, благоверный князь Ростислав (Михаил) Мстиславич, родоначальник князей смоленских, принадлежал к числу тех редких государей, которые в своем блестящем верховном сане находят более тягости, чем удовольствия. Он не искал великого княжества и, дважды возведенный на великокняжеский престол, искренне желал отказаться от власти.

Уже в престарелых годах, незадолго до смерти, всего более заботясь о судьбе своих детей, он, несмотря на слабость, поехал в Новгород, чтобы утвердить княжившего там сына своего Святослава.

За 300 верст от Смоленска встретили его смоленские послы Смоляне любили Ростислава и вспоминали с благодарностью его правление. Он тоже любил Смоленск, где он открыл епископскую кафедру, поставил славный храм Петропавловский. Сын его Роман, внуки, епископ Мануил вместе с народом приветствовали старца; вельможи и купцы привезли ему подарки; Это внимание горожан было дорого князю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и вызвал туда к себе знатных новгородцев. Он взял с них клятву забыть все неудовольствия на его сына, никогда не искать иного князя и разлучиться со Святославом только смертью. Потом он успокоенный вернулся в Смоленск. Жившая там его сестра Рогнеда, видя изнеможение брата, советовала ему остаться в Смоленске, чтобы быть погребенным в воздвигнутом им Петропавловском храме.

— Нет, — отвечал великий князь, — я хочу лежать в киевской обители св. Феодора, вместе с нашим отцом, а если Бог исцелит меня молитвами Пречистой Своей Матери и преп. Феодосия, то постригусь в Печерском монастыре. Блаженный князь скончался 14 марта 1168 г. на пути, с тихой молитвой на устах: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром».

Это были его последние слова, и слезы остановились на застывших ланитах преставившегося князя.

Он погребен в Киевском Феодоровском монастыре.

Блаженный князь Ростислав отличался удивительным незлобием. Он все прощал другим, помня только о своих грехах, и, исчисляя долги свои пред Богом, забывал о том, что должны ему другие. Часто он говорил игумену печерскому: «Приготовь мне келью, боюсь смерти неожиданной». Каждый пост он приобщался святых Таин, а во время Великого поста всякую субботу и воскресенье он звал к себе на обед игумена печерского с

12 братьями этой обители. Он беседовал с ними о христианской жизни и часто говорил им о намерении удалиться от суетного мира, чтоб мимотекущую краткую жизнь посвятить Богу в безмолвии монастырском. А благоразумный старец, преп. Поликарп, отвечал ему на это: «Бог требует от тебя других подвигов: делай правду, блюди землю Русскую».

Ростислав уступал в дарованиях отцу своему, св. Мстиславу Великому, и деду, Владимиру Мономаху, но всей душой любил родину, любил мир и правду, страшился проливать кровь русскую.

Св. князь Константин Муромский. Мученическая кончина святого великого князя Игоря

Просветитель страны Муромской, св. благоверный князь Константин, был сыном князя черниговского, в удел которого входил и Муром. Эта страна была населена грубым и диким финским племенем, чрезвычайно закоренелым в язычестве. Кудесники финские держали народ в своей власти и разжигали суеверия.

Великая христианская ревность наполняла сердце князя Константина, и он сам просил отца поручить ему Муромскую область. Он задумал отдать свою жизнь делу просвещения ее жителей. Готовый на все, зная, что, может быть, придется запечатлеть свою деятельность смертью, св. Константин отправился в Муром. Ему сопутствовали его княгиня, два сына, Михаил и Феодор, дружина и несколько лиц духовенства.

Немного не доходя Муром, князь послал вперед своего сына Михаила, убедить городских жителей, чтобы они спокойно приняли нового князя. Но, вместо ответа, муромцы убили Михаила, выбросили тело его за город и приготовились к сопротивлению. Тогда князь обложил город. Муромцы смирились и приняли к себе св. Константина. Только что утвердившись в Муроме, князь стал просвещать язычников. Прежде всего он построил храмы, и первый из них в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Здесь было погребено тело юного убиенного князя Михаила.

Спутники св. Константина объясняли муромцам заблуждения языческие, говорили о Боге и Его правде, о служении Ему, о христианских обрядах. Часто и сам князь приглашал к себе старейшин и убеждал их обратиться ко святой вере. Но на сорной почве трудно было вырастить насаждения истины. Язычники были глухи к учению, а некоторые поклялись убить или выгнать из города проповедника.

Однажды ожесточенная толпа с оружием подступила к княжескому двору. Усердно помолившись Владычице, князь с ее образом в руке один вышел к возбужденной толпе. И тут совершилось чудо: во внезапном страхе бунтовщики пали на землю пред иконою Богоматери и стали просить у князя крещения. Св. Константин через несколько дней крестил муромцев в Оке, как некогда в Днепре св. Владимир — киевлян.

Утверждая веру и гражданственность в глухом крае, св. князь в то же время оборонял пределы муромские от болгар и мордвы. Наследовав Черниговское княжество, он предоставил Муром своему племяннику. Он скончался, горько оплакиваемый народом, в 1129 г. в Муроме и положен там в Благовещенском соборе, близ гробниц его сыновей — Михаила и Феодора.

С половины XIV века при гробе князя стали совершаться чудеса. Пред Казанским походом, молясь у гробницы, Иоанн Грозный дал обет, в случае дарования ему победы, воздвигнуть новый храм Благовещения. При постройке этого храма обретены мощи святого Константина и чад его нетленными и положены в особом месте стены.

Там, где убит был благоверный князь Михаил, поставлен храм его имени. Посреди тех междоусобий, которые велись князьями из-за обладания киевским престолом, принял мученическую кончину св. великий князь Игорь (во св. крещении Гавриил). Он происходил из мятежного рода князя Олега Черниговского, на котором св. Мстиславу Великому столько раз пришлось выказать свое великодушие. Брат Игоря, Всеволод, восхитил киевский престол у потомков Мономаха и, умирая, передал его брату Игорю, которому киевляне и дали обет верности. При этом, однако, они просили, чтобы Игорь сменил вельмож брата, которые угнетали народ; окруженный дурными советниками, несмотря на добрые намерения умирить Киев, Игорь медлил исполнить обещание, и тогда киевляне, не любившие олеговичей и желавшие мономаховичей, предложили тайно престол внуку Мономахову, Изяславу Мстиславичу (брату св. Всеволода и Ростислава), который и пошел на Киев.

По дороге его встретили послы киевской области и говорили:

— Мы все за тебя; не хотим олеговичей. Где увидим твои знамена, там и будем.

Между тем черниговские князья медлили помощью Игорю, торговались с ним, а когда собрались, было уже поздно. Киевские бояре под личиной верности Игорю ссылались потихоньку с Изяславом, и когда началась битва, Игорь увидел явную измену: в киевских полках развевались знамена Изяслава, и киевские бояре открыто передавались ему. Рать Игоря была разбита, Изяслав торжественно вступил в Киев и занял престол, а несчастного Игоря, слабого ногами, схватили в болоте, где увяз его конь, держали несколько дней в подгородном монастыре на Выдубицах, потом заключили в темницу в Переяславле. В своем бедствии он не имел и того утешения, чтобы кто-нибудь пожалел о нем, кроме верного его брата. Так он нес на себе расплату за грехи отца.

Вскоре, изнуренный печалью и болезнями, он изъявил желание отказаться от света.

— Давно и в самом счастье, — говорил он, — я хотел посвятить Богу душу мою. Ныне, в темнице и при дверях гроба, могу ли желать другого!

Изяслав ответил ему:

— Ты свободен; но выпускаю тебя только ради твоей болезни.

Его отнесли в келью; 8 дней лежал он, как мертвый, но после пострига совершенно выздоровел и принял схиму в киевской обители св. Феодора.

Верный брат его Святослав желал отомстить за него, и Изяслав должен был выступить против него в поход, и прислал в Киев, прося помощи.

— Идем за тебя и с детьми, — кричали киевляне в ответ на речь посла Изяславова. Но в это время нашелся человек, который стал разжигать давнюю ненависть к олеговичам.

— Мы рады идти, — говорил он, — но вспомните, что враг князя и народа Игорь не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре св. Феодора. Умертвим его и тогда пойдем спокойно на черниговцев!

Народ безумный, как всегда безумна разжигаемая толпа, завопил:

— Да умрет Игорь!

Напрасно брат Изяслава Владимир увещевал народ.

Бунтовщики кричали:

— Нельзя разделаться добром с племенем Олеговым, — и толпами бежали к монастырю.

Когда Владимир подъехал к воротам обители, они уже вели князя, которого схватили за литургией в храме. Напрасно тысяцкий и митрополит умоляли народ оставить Игоря.

— Куда ведут меня, брат любезнейший? — спросил Игорь.

Владимир закрыл его своею одеждой, привел в дом к своей матери, запер ворота, невзирая на ярость мятежников, которые толкали и били его. Наконец, разъяренная толпа вломилась в дом. Игоря безжалостно убили и волокли нагого по улицам до торговой площади. Потом тело Игоря перенесено было в церковь, облачено в соответствующую одежду и предано земле.

Совершая погребение, игумен Феодоровской обители воскликнул:

— Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!

В это время загремел гром: народ ужаснулся и стал плакать поздними слезами.

Св. князь Игорь убит 19 сентября 1147 г. В приделе св. Иоанна Богослова Великой церкви Киево-Печерской лавры находится Игоревская икона Богоматери, пред которою он молился перед смертью, принятою им, после терпеливых страданий за 14-дневное великое княжение, столь покорно и кротко.

Память его установлена праздновать 5 июня.

По летописи, св. Игорь был среднего роста, сухощав, смугл, носил длинные волосы и узкую, небольшую бороду. В 1150 г. верный брат его перенес его мощи в Чернигов, где он были погребены в Преображенском соборе. Ныне они находятся неизвестно где. Есть весьма основательное предание, что во время нашествия Батые они с ракой опущены под пол собора и там стоят доныне. В конце прошлого века оборвалась часть карниза и проломила пол. Когда спустились в пролом, то увидели, что этот же кусок отшиб часть стоявшей глубоко под полом раки, о существовании которой ничего не знали, и через отверстие было видно нетленное тело в княжеской одежде.

Суздальско-Владимирское княжество, как предтеча Москвы. Его создатель св. Андрей Боголюбский. Сыновья его, свв. Глеб и Изяслав

Те примеры миролюбия, которые явили Владимир Мономах, святые Мстислав, Всеволод, Ростислав; такие ужасные жертвы междоусобий, как св. Игорь; страшное пророчество, произнесенное игуменом над телом этого убиенного князя, — все осталось тщетным, ничто не могло отучить князей от их непрерывных распрей.

Вся Русская земля изнывала и слабла от нескончаемых войн, за которыми и уследить при изучении их трудно. Вчерашние враги становятся сегодня союзниками, чтоб завтра опять бороться, и в этих постоянных междоусобиях заглушался голос совести, ни во что вменялись клятвы, а, главное, забывалась судьба всей земли. Для частных стремлений и отношений князей приносилось в жертву общерусское дело. И, когда хлынули разрушительным потоком с востока страшные татары, они не встретили перед собой мощной и грозной стены целого единого государства, а лишь кучу разрозненных уделов, — и, не задерживаемые дружным отпором, пронесли губительным потоком почти из края в край Русской земли и покорили ее. Самому имени земли Русской предстояла бы конечная гибель, если бы Божий Промысел заранее не подготавливал незримо и тихо такую силу, которая должна была спасти погибшую Русь.

Киевская Русь, еще ранее чем за сто лет до нашествия татар, своими междоусобиями осудила себя на гибель. Она доказала свою несостоятельность. Просветив русский народ верой — заслуга неоцененная, — она дальше ничего не дала ему. На смену ей надлежало выступить новой силе. Мало-помалу в северной части России вырабатывается новое явление: князья тихие, расчетливые, мудрые хозяева, с деятельностью несокрушимо последовательной, без шума совершающие свое дело, от отца к сыну и к дальним потомкам неутомимо и молчаливо стремящиеся все к одной цели — *объединению* земли, утверждению единовластия.

Вырабатывается народ спокойный, стойкий, терпеливый, бесконечно доверяющий своим вождям и им всецело покорный. Вырабатывается ничем несокрушимая вера и князей, и народа в то, что создание русского государства есть дело богоугодное, святое, что за Русь — Бог, что работа в самые отчаянные беспросветные минуты государства не останется бесплодною, потому что удел Руси велик. Дружно с князьями и народом, ободряя их, работают святители, духовною властью поддерживая эти выстраданные жизнью убеждения и надежды.

И, мало-помалу, вместо раздробленных, бессильных уделов является единая Русская земля, стягивает иго, вырастает в неделимое царство, покоряет прежних поработителей,

раздвигается во все стороны, и перед изумленным миром встает великая, грозная в своей правде и святая в своих стремлениях Россия.

Это дело — было дело Москвы, истинной собирательницы земли Русской.

Выработка же нового строя началась в княжестве Владимиро-Суздальском, послужившем переходною ступенью от Киева к Москве.

Внук Мономаха, сын беспокойного Юрия Долгорукого, который в жажде киевского престола наполнил междоусобием всю Русскую землю, Андрей Боголюбский был одним из самых дальнозорких лиц во всей Русской истории и прозван современниками за ум вторым Соломоном.

Оставив мысль о киевском престоле, он удалился в наследственную Суздальскую область, где народ не менял князей, служил им усердно и сражался за них мужественно. Тут он положил начало великому княжению суздальскому или владимирскому. Он старался не вмешиваться в бурную вражду князей, заботясь о процветании своего удела. Имея не только доброе сердце, но и превосходный разум, он видел ясно причину государственных бед и желал спасти от них хотя бы свою область: он уничтожил порядок уделов, княжил единовластно, не давая городов ни братьям, ни детям.

Глубоко набожный, он старался освятить свое княжество святынями.

Он принес из Киева знаменитую икону Богоматери, Владимирскую, написанную св. евангелистом Лукой. На берегу Клязьмы, не доезжая Владимира, кони, везшие икону, остановились и не могли сдвинуться с места. Здесь Андрей построил каменный храм и поставил на время икону, место же назвал Боголюбово, так как Богоматерь возлюбила его. Во Владимире он воздвиг великолепный собор, перенес в него икону и богато украсил ее. Для украшения собора были выписаны из разных земель художники. Его драгоценные сосуды, золотые двери, паникадила, серебряный амвон, живопись, богатые оклады икон удивляли русских и иностранцев. Имея к иконе теплую веру, он всегда брал ее с собой в походы. В 1164 г. он молился пред нею, готовясь к битве с камскими болгарами. Разбив их и молясь с благодарностью перед иконой и животворящим крестом, он увидел воссиявший от них свет, который озарил все войско. В тот же день император греческий Мануил видел свет от креста Господня и разбил сарацин. В память этого двойного события установлен 1 августа праздник всемирнолюбивому Спасу.

Св. Андрей надеялся испросить у царьградского патриарха отдельного митрополита для северной России, с тем, чтобы кафедра его была во Владимире.

Пышно процветало при нем в его области православие. Открыты в Ростове мощи святителей Леонтия и Исаакия, и все эти святыни также способствовали возвышению севера.

Летописец с теплотой говорит о душевной красоте Андрея Боголюбского.

«Сей благоверный и христоролюбивый князь с юных лет возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь, очистил ум свой как светлую палату и украсил душу всеми добрыми нравами. Много создал он церквей и монастырей. Не омрачил он ума своего пьянством: был кормителем чернецам и черницам и для всех людей любвеобильным отцом. Особенно же любил подавать милостыню: каждый день приказывал возить по городу различную пищу и питье и раздавать больным и нищим, и, видя всякого нищего, подавал ему и говорил себе: «Не Христос ли это пришел испытать меня?» По ночам входил он в церковь, сам зажигал свечи и, повергаясь пред иконами, со смиренным сердцем молил о прощении грехов и плакал о них».

Великий князь Андрей, — как говорит летописец, — был женат на дочери боярина Кучки. Этот состоятельный человек, владелец селения Москва, был казнен отцом Андрея, Юрием Долгоруким, а дочь его выдана за Андрея. Он осыпал милостями ее братьев, но должен был казнить одного из них за злодеяние. Другой возненавидел за это Андрея и подстрекал против него бояр, внушая им, что их ждет та же участь. Это было тем легче, что строгость Андрея, твердого и искоренявшего злоупотребления бояр, развела много недовольных.

Некоторые из заговорщиков были доверенные, близкие к князю лица.

В глубокую ночь, с 29 на 30 июня 1175 г., они пришли к дворцу в Боголюбове, для смелости напившись в княжеском погребе вина и меду, зарезали сторожей, вломились в сени и горницы и стали звать Андрея. При князе находился один из его отроков. Злодеи отбили дверь спальни. Андрей хотел взяться за свой меч, принадлежавший некогда святому Борису, но не нашел его, так как его вытащил заранее из-под изголовья изменивший князю ключник.

Два человека бросились на князя. Сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо князя. Долго боролся Андрей. Израненный мечами и саблями, он говорил: «За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных».

Наконец он упал на землю. В замешательстве злодеи схватили тело товарища и поспешили выйти вон. Андрей в беспамятстве вскочил и побежал за ними с громкими стонами. Убийцы воротились, зажгли свечу и по следу крови Андреевой дошли в сенях до столба лестницы, за которою сидел князь. Один из них отрубил князю правую руку; другие вонзили мечи в сердце. Андрей успел сказать: «Господи, в руки Твои предаю дух мой!» и скончался.

Убив еще любимца княжеского, заговорщики овладели казной государственной и драгоценностями и послали во Владимир объявить боярам и дружине о смерти великого князя, называя их своими единомышленниками.

— Нет, — отвечали владимирцы, — мы не были и не будем участниками вашего дела.

Но жители Боголюбова взяли сторону убийц и разграбили дворец.

Тело Андрея лежало на огороде. Преданный слуга убиенного стоял над ним и плакал. Увидя ключника, он потребовал ковра, чтобы покрыть обнаженный труп. Ключник ответил:

— Мы готовим его на съедение псам.

— Изверг, — сказал верный слуга: — государь взял тебя в рубище, а теперь ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.

Ключник бросил тогда ему ковер и мантию. Слуга отнес тело в церковь, где клиросные долго не хотели отпереть дверей. Отпели его на третий день, а через шесть дней владимирский игумен привез тело во Владимир и положил в Златоверхом соборе Богоматери.

Мощи князя почивают открыто в серебряной раке, в посвященном его памяти приделе сооруженного им собора. «Видом, — как говорит летопись, — князь Андрей был не высок ростом, не широк в плечах, красив лицом, с волосами черными и кудрявыми, с высоким челом и большими светлыми очами».

Он умер за то стремление к единовластию, необходимость которого он так ясно сознал и осуществил. Но мысль, до которой он додумался, продолжала жить. Оставляя Руси будущего эту великую и животворную мысль, он оставил ей и свою заветную святыню, икону Владимирскую, ставшую прибежищем, оплотом и заветною святыней Русской земли.

Приведем слова знаменитого историка М. П. Погодина.

«Если вы будете во Владимире, ступайте в Кремль поклониться древнему зданию зодчества в русском царстве (храму святой Богородицы Золотоверхой, — создание князя Андрея Юрьевича Боголюбского). На правой стороне от северных дверей стоит серебряная гробница, и недалеко от нее висит древний шитый образ во весь рост усопшего. Помолитесь ему и поклонитесь мощам благоверного князя Андрея. Это был самый смысленный князь своего времени, который умел захватить в свои руки власть почти над всей своею братией, которого слушались равно и Киев, и Новгород, и Ростов, и Суздаль, и Владимир, князья смоленские, полоцкие, волынские и прочие. Но не тем он заслужил особенную память в летописях отечества, а вот чем: он обратил средоточие русской государственной тяжести в нашу сторону, он вывел на поприще истории другое племя, великорусское, самое младшее из всех племен славянских, и — второй Рюрик — положил основание другому княжеству, которое примет в один из меньших городов своих, заложенный отцом его, все прочие... И заключит в себе судьбы отечества».

Имя Боголюбского звучит еще в наименовании иконы, на которой святой князь изображен в коленопреклоненной молитве перед Богоматерью.

За девять дней до убиения св. Андрея (20 июня) скончался 20-летний сын его, благочестивый, чистый душой и телом князь Глеб. Мощи его были открыты в 1702 г., через пять с лишком веков по его преставлении. Они прославлены чудесами и отличаются особою жизненностью: рука князя свободно поднимается, гнется, наклоняется, как у живого. Рака стоит в приделе того же Владимирского собора, ему посвященного.

В том же соборе почивает благоверный князь Изяслав, другой сын св. Андрея Боголюбского. На гробовой его плите лежат ратный шлем и стрелы и даруют исцеление верующим. Богомольцы надевают на себя шлем и держат в руках стрелы.

Св. Мстислав Храбрый

Теплым отрадным светом сияет жизнь князей, которые в эти грустные времена разделения и распрей, подготовивших падение Руси, сияли великодушием и правдой.

Внук св. Мстислава Великого, сын св. Ростислава, Мстислав Ростиславич еще в молодости заслужил прозвание Храброго столько же по отваге в битвах, сколько по благородству души, какое его отличало. Как пишут современники, с юности он привык не бояться никого, кроме единого Бога, и всю жизнь вступался за правых против виноватых и за слабых против сильных. Когда Андрей Боголюбский предоставил Киев, уже как простой удел, князю, имевшему на него менее прав, чем братья Мстислава, Мстислав вступился за их права. На угрозы Андрея он отвечал:

— Не страшимся. Исполни их. Идем на суд Божий.

Собрав громадную рать, свыше 50 тысяч воинов и более 20 князей, Андрей осадил Вышгород, где заперся с малочисленною дружиной Мстислав. Необозримый стан осаждающих представлял невиданное зрелище. Ничтожная крепость, обороняемая горстью людей, казалась целью, недостойною этого ополчения, которое могло бы разрушить или завоевать сильную державу.

Но среди князей осаждающих не было согласия. Девять недель прошло в битвах, с большими потерями с обеих сторон. Когда к Мстиславу направился неожиданный союзник, это незначительное для силы рати Андреевой обстоятельство произвело среди нее такой переполох, что она обратилась безумно в бегство и ночью толпами кидалась в реку. Мстислав стоял на стене Вышгорода и при свете зари видел это непонятное бегство многочисленного войска, гонимого как бы сверхъестественною силой в глубину Днепра. Он едва мог верить этому зрелищу и, подняв руки к небу, восхвалил святых заступников Вышгорода, Бориса и Глеба, сел на коня и довершил поражение, взяв неприятельский стан и обозы. Пленных же отпустил на волю без выкупа.

Посадив в Киеве брата своего Романа, он отдал ему и Смоленск, а себе не искал никакого удела: он был везде, куда звала его правда и слава.

Новгородцы прислали звать его к себе на княжение, но он колебался, говоря, что не хочет расстаться с добрыми братьями и своею отчиной — Смоленском.

— А великий Новгород разве не твоя отчина? — сказали ему новгородцы. — Пойди, князь, поклонись св. Софии, послужи ей верой и правдой, как служили дед твой и прадед.

И Мстислав пошел, потому что добрая душа его всегда рвалась на дела великие.

Весь Новгород: народ, бояре, духовенство с крестами, с ликованием вышли ему навстречу. Возведенный на престол в Софийской церкви, Мстислав дал слово блюсти честь и пользу Новгорода и сдержал это слово. Узнав, что эстонцы осадили Псков и постоянно беспокоят границы, он в несколько дней собрал 20000 войска и пошел на них, радуясь столь многочисленной рати. Но эстонцы немедленно побежали. Он прошел их землю до моря, взял множество скота и пленников и готовился к другим предприятиям, как в цвете мужества, сил и надежд был сражен смертельным недугом.

Он велел нести себя в церковь, причастился после литургии святых Тайн и смежил очи пред

дружиной, в объятиях супруги, поручая детей своим братьям; и успокоились крестообразно его мощные руки на широкой груди, верно оборонявшей Новгород. Он отошел 14 июня 1180 г. Его мощи почивают открыто в Софийском Новгородском соборе.

Летописцы описывают его мужественную красоту, светлый и смелый взгляд голубых очей, исполинский рост, необыкновенную силу — внешнюю прекрасную оболочку великой души.

Удача в победах соединялась в нем с младенческим добродушием. Новгород и вся Русь неутешно оплакивали в Мстиславе благородные намерения для славы Руси, детское незлобие и простоту, соединенную с пылкой гордостью благородного сердца, ненависть ко лжи, смирение перед старшими, милосердие ко всем несчастным, обездоленным, страждущим, гонимым, на защиту которых стремилось неудержимо его золотое сердце, одушевление горячей веры, беспредельное усердие к Богу и Церкви.

Современники называют его украшением его века и России.

Другие воевали для корысти, а он для правды и славы; презирая опасности, еще более презирал он золото, и всегда отдавал его войнам и Церкви. В битвах ободрял людей словами:

— За нас Бог и правда; умрем ныне или завтра: умрем же с честью.

«Не было такой земли на Руси, — говорит летописец, — которая не хотела бы повиноваться ему, и где бы о нем не плакали».

Одна из самых отрадных личностей русской истории, Мстислав соединил в себе все лучшие свойства людей киевского времени русского государства. Казалось, перед тем, чтоб уступить место новым времени и людям иного склада, каких требовали иные обстоятельства жизни, напряжением всех сил своих Киевская Русь, как венец свой, выставила это светлое явление, сказала им последнее свое слово.

Не выдающимся государем, не дальновидным политиком, не мудрым преобразователем был Мстислав. Не умом поражал он современников и изумляет потомков, а дивною правдой горячего, великого сердца, что крепче и могущественнее всего притягивает к себе людей; и вот почему биение этого золотого бесценного сердца, чистый и цельный лик этого самоотверженного человека, выделяясь особенно ярко на темном фоне тогдашних распрей и себялюбивых стремлений, никогда, — пока живет и чувствует хоть один русский человек, — не будет забыт, как последний стройный отзвук древнебогатырской Руси.

Все то хорошее, что было в предшествовавших Мстиславу русских поколениях, слагаясь из задатков русской природы, переработанной влиянием веры, все это он сочетал в себе в удивительном согласии.

Не отыскивая и не пролагая новых путей, он всей душой послужил той правде, какую научился понимать ее от лучших людей своего времени, и, цельный в своем постоянном воодушевлении, сумел всю свою короткую, но полную жизнь провести в области самых возвышенных и чистых стремлений и подвигов.

Кротким, не грустным, не робким и мерцающим, но спокойно уверенным в себе светом сияет святой образ благородного русского витязя Мстислава на пороге к иным ожидавшим Россию путям и новой труднейшей эпохе.

Свв. Евфросиния Полоцкая, Евпраксия Псковская, Евфросиния Суздальская, великая княгиня Мария, прп. Харитина, княжна литовская, великая княгиня Феодосия, св. Федор Новгородский

Пока благоверные князья русские усердным служением родине, подвигами молитвы и смирения среди славы земной достигали святости, — сияли на Руси праведностью и причислены к лику святых и жены княжеских семей. Выше было говорено о некоторых святых

женах рода Владимира Равноапостольного. Вот еще имена тех, которые принадлежат по времени жизни к Киевской Руси.

Дочь полоцкого князя Предислава, воспитанная родителями в страхе Божиим, с юных лет отличалась разумом и глубоким пониманием книжного учения; и рано созрела душа ее, чуждалась она мирской суеты и отвернулась от мира, прежде чем опытом вкусила его тщету и горечь. Красота Предиславы привлекала к ней много женихов, но ее сердце уже было всецело охвачено любовью Божественною. Она тайно ушла в монастырь, где сестра ее отца была игуменьей, и здесь, после долгих настойчивых просьб, приняла пострижение, с именем Евфросинии.

Обычная монашеская жизнь не удовлетворяла ее души, жаждавшей суровых подвигов. Она испросила позволение жить в пристроенной к киевскому Софийскому собору келье. Тут в полном уединении предавалась она сосредоточенной молитве, трудилась над переписыванием книг, и ту плату, какую выручала за эту тогда дорого оплачиваемую работу, раздавала нищим. Велика была пред Богом и на этой трудовой милостыни. Однажды ей было некоторое видение, и она решилась основать свой монастырь. От епископа она получила для этого место за городом с находившеюся на нем Спасскою церковью.

Скоро к ней стали собираться сестры. Между ними была ее младшая родная сестра, княжна Градислава, в иночестве Евдокия, ее двоюродная сестра Звенислава тоже отреклась от мира и много помогла устройству монастыря, принеся с собой все имущество, назначенное ей в приданое. Она наречена в монашестве Евпраксией.

Созидая обитель, св. Евфросиния около 1160 г. вместо деревянного храма, бывшего до основания монастыря, воздвигла каменный, уцелевший до нашего времени. Доныне хранит он признаки древности: живопись на стенах в древневизантийском вкусе, а на хорах две крестообразные келии, где молились преп. Евфросиния и сестра ее. Сохраняется там и драгоценный напрестольный крест — дар основательницы, с частицей животворящего древа.

Связанная родством с греческими императорами, преподобная выпросила у них великую святыню — одну из икон Богоматери, писанную евангелистом Лукой, дотоле стоявшую в Ефесе. Впоследствии, при выходе замуж полоцкой княжны за благоверного князя Александра Невского, икона эта была принесена невестой в Торопец, где и пребывает поныне под именем Торопецкой или Корсунской.

Забываясь о спасении сестер своей обители, она часто беседовала с ними, возбуждая их к подвижничеству и духовной бодрости. «Я собрала вас для Бога, — говорила она, — как птица собирает птенцов. Возрастайте же в добродетели от силы в силу, чтобы я могла радоваться плодам трудов моих. Я стараюсь сеять в вас слово Божие, — но душевная ваша нива не остается ли в том же виде?.. А жатва близка, и лопата отбросит плевелы от пшеницы... Творите же из себя спелую пшеницу Христову: трудами поста, чистотой, любовью, молитвами измелитесь в жерновах смирения, да будете Богу, как хлеб сладкий...»

Св. Евфросиния памятна еще, как одна из первых русских паломниц. Издавна желая посетить Палестину, где родился и жил Спаситель мира, преп. Евфросиния перед концом исполнила это желание. Поручив монастырь сестре, она с двоюродною сестрой и братом поплыла на Восток. Поклонясь святыням Греции, она направилась в Иерусалим. Остановилась она в русском монастыре и несколько раз была у гроба Господня и поставила над ним золотую лампаду. Обойдя прочие места, освященные памятью Спасителя, она возвратилась в Иерусалим, занемогла и 23 мая 1173 г. отошла к Богу, Которого с младенчества искала всеми силами души.

Она была сперва положена в окрестностях Иерусалима, а впоследствии ее св. мощи перенесены в киевские пещеры, где и теперь почивают. По мощам виден величественный рост подвижницы.

* * *

Супруга великого князя Всеволода Юрьевича, прозванного «Большое гнездо», великая княгиня Мария славна была и чадолюбием, как мать многочисленной семьи, и мудростью государственною; и благочестием. Она основала во Владимире девичий монастырь, получивший имя *Княшнина*; там хоронили супруг и дочерей князей владимирских. Любила украшать храмы золотыми и серебряными сосудами. Не сохранилось о ней подробных сведений, но летописцы называют ее русскою Еленой, Феодорой, второю Ольгой. Последние семь лет жизни она провела в страданиях от тяжкого недуга и показала пример удивительного терпения, часто сравнивая себя с Иовом. Перед кончиной она призвала сыновей и, точно предчувствуя близкую гибель Руси, ослабленной княжескими междоусобиями, заклинала детей жить в мире, любви и согласии. Она напредила при этом слова Ярослава Мудрого, что распри княжеские губят отечество, возвеличенное трудами предков. Она также советовала детям быть набожными, трезвыми, приветливыми ко всем и особенно уважать старцев, по изречению Библии: «во мнозем времени премудрость, во мнозе житии ведение». Она приняла пострижение за 18 дней до кончины и скончалась 19 марта 1206 г. Гробница ее — в соборе основанного ею монастыря. Она — мать убитого в битве при Сити св. великого князя Георгия. В Пскове, в Иоанно-Предтеченском монастыре, почивает его основательница, память которой почитается псковитянами, — княгиня Софрония (в иночестве Евпраксия). Супруг ее, сын псковского князя, Ярополк, беспокойно и мятежно провел свой век; был то врагом, то союзником немцев, постоянных неприятелей Пскова. Он, наконец, отверг свою благочестивую — супругу, ушел к рыцарям и женился на немке. Княгиня постриглась в основанном ею монастыре. Однажды была она вызвана для свидания с мужем в Оденпе (Медвежья Голова) и здесь убита пасынком 8 мая 1243 г.

Через несколько дней после погребения в Пскове икона Спаса над ее могилой обильно источила миро. Икона и поныне находится там. Св. княгиня Евпраксия славилась в России как памятью добродетельной и грустной жизни, так и чудесами.

* * *

Старшая дочь князя Михаила Черниговского, который прославился потом мученическою кончиной в орде, княжна Феодулия, с детства благочестивая, не думала о жизни в миру. Родители ее хотели выдать ее замуж за князя Мину, который жил в Суздалье и был потомком варяжского князя Шимона, много способствовавшего преп. Антонию и Феодосию Киево-Печерским в украшении церквей. Не противясь воле родителей, покорная княжна в душе тосковала, что этим браком она будет лишена иночества. Ее везли уже в Суздаль, как жених скончался. Приняв это за указание Божие, она уже не вернулась к родителям.

Она доехала до Суздаля и приняла здесь постриг в Ризположенском монастыре, с именем Евфросинии. Всю жизнь провела она здесь в строгом подвижничестве, была настоятельницей обители и, когда совершилось нашествие на Русь Батыя, сохранила монастырь своими молитвами от разорения. Она преставилась 25 сентября 1250 г. В 1698 г. ее мощи обреты нетленными и положены в соборном храме ее обители.

* * *

В двух верстах от Новгорода, в древней Петропавловской, обращенной в кладбищенскую, церкви, уцелевшей из бывшего здесь прежде женского монастыря, почивают мощи бывшей настоятельницы его преп. Харитины, княжны литовской. Некоторые полагают, что она была невестой умершего перед самою свадьбой св. князя Феодора Ярославича.

* * *

Внучка знаменитого святого Мстислава Ростиславича Храбраго, дочь праведного Мстислава Мстиславича Удалого, великая княгиня Ростислава (в крещении Феодосия) была супругой великого князя Ярослава Всеволодовича, первого великого князя, занявшего престол уже под игом татар. Вскормив большую семью и деля с супругом страшное общерусское горе, гибель родных князей, скорбь подневолья, она пережила еще ужасное горе: смерть старшего, любимого сына в цветущей молодости. Покорно приняла она этот крест, говоря: «Ты, Господи, дал; Ты и взял. Да будет благословенно имя Твое». В конце жизни постриглась она с именем Евфросинии и по кончине (4 мая 1244 г.) схоронена близ сына в соборной церкви Юрьевского новгородского монастыря.

* * *

Князь Феодор Ярославич славился удивительною красотой внешнею и возвышенною душой. По воле отца, он уже должен был вступить в брак. Уже готова была невеста, созваны князья и вельможи, как вдруг напала на жениха внезапная болезнь и, вместо свадебного пира, пришлось положить его в гроб (5 июня 1233 г.). Народ плакал вместе с родителями. Летописец в таких словах отмечает это событие: «Преставился князь Феодор, сын Ярославль вящший, и положен бысть в монастыре святого Георгия (Юрьевъ), и еще млад, и кто не пожалует сего? Сватба пристроена, меды уварены, невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселия место плач и сетование за грехи наши».

Когда в 1614 г. шведы взяли Новгород, они вынули гроб святого князя Феодора из земли и открыли его. Митрополит новгородский Исидор перенес гроб в Софийский собор. Мощи оказались не только нетленными, но от них совершались и многие чудеса. Он почивают открыто в серебряной раке... Этот князь был старший брат св. Александра Невского.

В Переяславском соборе почивают нетленные мощи св. Андрея, князя смоленского (XIII в.).

Св. Петр и Феврония Муромские. Великий князь Константин Всеволодович

Полна необыкновенных обстоятельств была жизнь святых супругов князей муромских.

Младший брат удельного князя муромского, Давид, в молодых годах тяжело заболел: все его тело покрылось струпьями. В той стране славилась красотой и умом дочь пчельника, именем Евфросиния. Она вылечила его мазью. Князь в радости дал обещание жениться на ней. Но потом, как прошла первая радость, он раздумал, находя, что неприлично ему жениться на девушке столь незначительного происхождения. После такого решения болезнь снова напала на него, и Евфросиния опять излечила больного. Тогда Давид женился на ней. Пришло время — он стал после брата наследником престола Муромского. Но бояре муромские объявили ему: «Твоя жена оскорбляет своим происхождением наших боярынь; или отпусти ее, или уходи из Мурома». Хорошо поступил тут князь — он решил лучше остаться верным супруге, с которою был венчан пред алтарем и которая столько сделала для него, чем без нее пользоваться властью, и ушел из Мурома.

Жертва эта была не легка. Он должен был вести очень скудную жизнь и часто тем скучал. Но его разумная и крепко веровавшая в милость Божию княгиня говорила ему: «Не печалься, князь, — Бог милосерден и не оставит нас в бедности». И действительно, скоро в Муроме пошли неурядицы, и князя Давида просили обратно на княжение.

Правление его было мудрым: твердое, но мягкое, милостивое, и не злобное. Во всем княгиня помогала ему советами, больше же всего прилежала добрым делам.

Испытав унижение и бедность, они не знали ни гордости, ни жадности к деньгам. Зная, что такое нужда, покоили странников, помогали обездоленным, почитали чин священнический и иноческий. В частном быту они жили жизнью чистой, целомудренной и постнической.

Достигнув старости, они единовременно приняли монашество. Князь — с именем Петра, а княгиня — с именем Феврония.

Скончались они на пасхальной неделе 1228 г. и положены, как завещали, в одном гробе.

Преподобный князь Петр и преподобная княгиня Феврония, муромские чудотворцы, почивают в муромском соборе.

* * *

Остановимся на жизни еще одного праведного великого князя Константина Всеволодовича.

Сын знаменитого государственным разумом великого князя Всеволода Юрьевича и праведной Марии, родной по отцу племянник св. Андрея Боголюбского, он с ранних лет слышал и видел вокруг себя примеры доброй жизни.

Двадцатилетним отец отправил его княжить в Новгород, уже славного мудростью, великодушием и добродетелями христианскими. Его так любили во Владимире, что отъезд его всех опечалил. Бедные в особенности горевали, что лишаются своего благодетеля. Отпуская его, отец вручил ему крест и меч. «Иди править народом, — сказал он, — будь его судьей и защитником. Новгород Великий есть древнейшее княжение в нашем отечестве. Бог, государь и родитель твой дают тебе старейшинство между всеми князьями русскими. Гряди с миром. Помни славное имя свое и заслужи его делами».

Трогательно выразилась любовь народная при проходах Константина. Собрался весь город, вельможи, купцы и простые люди. Народные толпы громко осыпали его благословениями.

В Новгороде князь, твердый, несмотря на юность и доброту души, зорко оберегал свою власть. Горожане засыпали покойно; мятежные страшились. Но и в этой светлой жизни было пятно. В год смерти отец вызвал к себе Константина и дал ему в удел Ростовское княжество, а потом назначил его преемником достоинства великокняжеского, с тем, чтоб он уступил Ростовское княжество следовавшему за ним брату Георгию. Но сын ослушался отца, желая наследовать великое княжество Суздальское в целостности. Раздраженный Всеволод в торжественном и многочисленном собрании объявил своим наследником Георгия, которому он и поручил великую княгиню и младших сыновей. Все безмолвствовали, как ни любили Константина.

После распрей и столкновений Константин, с помощью вступившего с ним в союз князя Мстислава Мстиславича Удалого

(сына св. Мстислава Храброго), в страшном бою при Липецке, где пало 10000 суздальцев-ладимирцев, одержал решительную победу над Георгием и занял великокняжеский престол.

Но, достигнув своей цели, Константин стал действовать великодушно: призвал Георгия к себе, объявил его наследником великого княжения и дал ему Суздаль. Братья искренне примирились...

Чувствуя слабость, Константин три года своего великого княжения заботился больше о небесном, чем о земном. Можно предполагать, что память о неповиновении отцу, распри с братом, пролитой крови — тягостным бременем лежала на его душе и сокрушила, изожгла горячим раскаянием его великодушную природу. И последние годы его жизни мы видим его в том исключительно высоком настроении души, какое обещали чудные годы его юности. Простим же солнцу то, что иногда его заволакивают тучи, и будем помнить при ясном и величавом закате о безоблачном восходе и радостном полудне.

Великий князь Константин покоил несчастных, раздавал милостыню, строил церкви, с восторгом встречал святыни, которые ему привозили из Греции. Незадолго до кончины он отправил в Ростов старшего сына, именем Василько, оставившего по себе в русской летописи столь же сочувственный отзыв, как отец; другого, Всеволода — в Ярославль. Приказал им жить согласно, благотворить сиротам, вдовам и духовенству, чтить Георгия как второго отца. Он преставился на 33 году, 2 февраля 1219 г. И плакали по нему бояре, слуги, нищие и монахи. Супруга его немедленно постриглась над его гробом и через два года отошла в вечность.

Восхваляя мудрость и добродетель этого князя, летописец говорит, что он не только читал многие душеспасительные книги, но и исполнял их на деле. Он весь дышал верой; а кротость его была так велика, что он старался не опечалить ни одного человека, а словом и делом утешить всякого.

Вещественным памятником по себе он оставил начатый им и достроенный его сыном, святым Васильком ростовским, великолепный храм Успения Богоматери. Он славен был и просвещением. Когда вся Европа коснела в невежестве, у Константина были писцы, которые списывали для него множество рукописей, и он все их с любовью читал.

Праведный великий князь Константин Всеволодович погребен во Владимирском соборе, в приделе св. князя Глеба Андреевича.

Великое милосердие Божие к погрешившему, но великодушному князю не допустило его видеть гибель Руси, ослабленной княжескими распрями. Он был отозван туда, где нет борьбы, перед тем самым временем, как страшная гроза неслышно надвигалась на Русь; он умирал великим князем отечества вольнолюбивого и еще свободного. И когда ему в день Сретения Господня отверзлось небо, и он лицом к лицу воспел песнь Сретения, песнь освобождения от земли со всей ее горечью, в числе пережитых им страданий он не мог назвать ужаснейшего, потому что был смертью избавлен от него. Он не успел узнать тогда, как узнала вся оставшаяся жить и вскоре за ним преставившаяся мученическая рать его князей-собратий, величайшего и неисцелимого земного горя: крушения отечества.

Приближение татарского ига

Мы доселе слышали лишь о распрях междоусобных, которые терзали Русь, и набегах других племен. Но эти набеги не оставляли неизгладимых последствий.

Теперь надо приступить к описанию громадного бедствия, которое изнурило государство, наложило страшную печать беспросветного страдания на многие поколения и оставило надолго неизгладимые следы в народе.

То было татарское иго.

В первой четверти тринадцатого века повелитель монголов, или татар, завоевал большую часть Азии. Около 1223 г. дикие татарские орды стали окружать Половецкие степи. Тогда множество половцев, ища спасения, бежали в Киев и принесли весть о нашествии неведомого грозного и опасного врага.

В Киеве собрался совет нескольких князей, на котором решили, что лучше идти прямо на врага и стараться одолеть его вне пределов Русской земли, чем ждать его вторжения. Особенно настаивал на этом князь галицкий Мстислав Удалой.

К русской рати, стоявшей у Днепра, явились послы от татар, объясняя, что они не злоумышляют на русскую землю, а желают только разделаться с половцами; предлагали даже помочь им в этом и воспользоваться добычей. Князья вместо всякого ответа велели убить послов. Тогда новые послы объявили, что желание русских сбудется: они потянутся с монголами.

С любопытством встретившись с невиданным доселе врагом, Мстислав одолел передовой его отряд. Затем на берегу реки Калки 31 мая 1223 г., произошла великая битва. Желая один предвосхитить победу, Мстислав Удалой вступил в битву, не известив отдаленные части русского стана. Русские бились с мужеством чрезвычайным. Но половцы не выдержали удара монголов, смешались и побежали, чем и расстроили совершенно русские ряды, которые тогда не могли устоять; не могла удержать татар и застигнутая врасплох отдаленная часть русского стана. Все обратилось в бегство. Среди множества убитых было 6 князей, 70 богатырей. Летописец говорит, что русская земля от начала своего не видела такого бедствия. Мощное, бодрое ополчение было скошено с земли. О его размерах и количестве нашей потери можно понять уже из того, что одних киевлян легло на месте 10 тысяч. Вообще, спаслась едва десятая

часть рати.

Между тем у берегов Калки князь Мстислав киевский отбивался еще на укрепленной горе. После трехдневной битвы с ним татары предложили ему — выпустить его свободно, если он даст выкуп за себя и дружину. Но он был обманут: его, еще двух князей и всех русских, бывших с ними, изрубили, на их трупы настлали доски и стали пировать.

Так закончилось это грозное событие — последнее предупреждение Русской земле перед великим бедствием.

Вся южная Россия в трепете молилась Богу — и внезапно татары повернули к востоку и пошли в Великую Бухарию.

Еще дымились в развалинах опустошенные татарами селения, отцы, матери оплакивали убитых; а легкомысленный народ и князья уже успокоились. И вскоре опять начались междоусобные распри после общей радости северных князей, что не на них пало нашествие.

Между тем необыкновенные явления в природе точно предвещали страшные события. Явилась комета, — звезда необыкновенной величины, — целую неделю в сумерки показывалась на западе, озаряя небо блестящим лучом. Сделалась летом необыкновенная засуха; загорелись леса и болота, густые облака дыма скрывали свет солнца, воздух был полон удушливой мглы, и птицы падали на землю мертвые. Это все было в год битвы на реке Калке.

В 1230 году по всей России случилось 3 мая землетрясение, так что каменные церкви расседались; В Киеве, в минуту этого землетрясения праздновали день преп. Феодосия, и в лавре князь, бояре и митрополит собирались сесть за трапезу, как здание поколебалось в своем основании, и сверху стали падать на пол кирпичи. Через десять дней произошло необыкновенное затмение солнца, и в небе, гонимые резким ветром, появились разноцветные облака. Народ ждал конца мира, на улицах стенали и прощались друг с другом.

В том же году мороз побил в северной России все озимые, и настал страшный голод, болезни и мор.

Ели трупы человеческие; некоторые убивали людей, чтобы добыть себе ужасную пищу; люди потеряли все хорошие чувства. В одном Смоленске умерло до 30 тысяч, в Новгороде — до 42. На площадях псы пожирали неубранные трупы и живых младенцев. Летописец приводит ужасное слово: «Новгород уже кончался».

Но иноземные купцы подвезли хлеб и, не заботясь о корысти, помогли в бедствии.

Все эти ужасы были как бы предзнаменованием крушения Руси.

Мы приблизились теперь к той грозе, которая постепенно, при глухих и далеких раскатах грома, при видных вдалеке зловещих молниях, надвигалась на русскую землю.

Взысканный бесчисленными милостями Бога, поселенный в стране, богатой дарами природы, получив в удел силу телесную, удивительный разум, быстрые способности, душу глубокую, благородные стремления, просвещенный, наконец, благодатным светом веры, русский народ не сумел достойно пользоваться всем этим.

Не думая о том, что задача правителя — мирным и тихим житием покоить народ и в этой тишине вести его к спасению вечному, князья раздирали Русь междоусобиями, а народ, не видя благих примеров, своевольствовал и мятежничал. Провидение могло предоставить народ его грустной участи — постепенному самоистреблению, или исправить его жестокою карой. И вот, зная сокровенные силы русского народа, Провидение испытывает его грозным вековым наказанием — предает его во власть чуждого народа. Здесь, в этом плену, в страшное время, выясняется вся любовь этого народа к Богу, верность Его Церкви. Все хорошее, что было затоптано раньше проявлением взаимной вражды, теперь является в чудном свете, в особенности в лице вождей народа — его князей.

Когда вожди старого времени, старых порядков полегли на полях битв и в сожженных городах: тогда во главе кончавшейся Киевской Руси выступили новые деятели, понесшие на своих плечах расплату за грехи отцов. Как те в себялюбивых стремлениях терзали Русь, так эти, забывая себя, жертвами своих сил и жизни — покоили ее, израненную, исстрадавшуюся, больную, безнадежно унылую, отхаживая ее, как мать отхаживает любимое дитя. И здесь

совершилось одно из величайших исторических чудес: на святых жертвах этих подвигоположников русского государственного величия — из жалкой татарской данницы выросла неделимая Россия, из трупа киевской раздробленной Руси после ига воскресла с задатками бессмертия недробимая, крепкая, неудержимо, как половодье могучей реки, рвущаяся к развитию Московская Русь.

Нашествие Батыя. Мученики: князя Роман, Олег, Феодор, Евпраксия, Иоанн Рязанские. Владимир, Всеволод, Мстислав, Агафья, Мария, Христина, Феодора Владимирские. Св. великий князь Георгий Всеволодович, св. Василий Константинович Ростовский, Василий Козельский

После смерти Чингисхана, орда которого произвела избиение русских у Калки, ему наследовал сын его Огтай. Огтай дал своему племяннику Батыю полмиллиона войска и велел ему идти на покорение северных берегов Каспийского моря и дальнейших стран.

Едва достигла, в 1237 г., области Рязанской весть о нашествии Батыя на закамских болгар, как сквозь густые леса монголы вступили в Рязанскую область.

На берегу реки Воронеж татарские послы встретили рязанских князей, желавших узнать их намерения. Теперь татары не искали уже, как прежде, в русских друзей, а требовали от князей одну десятую часть достояния их.

Ответ князей был: «Когда из нас никто в живых не останется — берите все». Послы поехали далее, во Владимир, к Георгию, который думал управиться один с врагами и, несмотря на просьбы рязанских князей, оставил их без помощи.

Князь Юрий Рязанский, оставшись без помощи, послал к Батыю сына своего Федора, жена которого из царского (вероятно, византийского) рода славилась красотой. Феодор жил в том месте, где стоит теперь город Зарайск и где он воздвиг храм святителя Николая для его чудотворной иконы, принесенной в землю Рязанскую в 1224 г.

Перед тем князь Феодор видел во сне святителя Николая, который сказал ему, что невидимо сопутствует своей иконе, приближающейся к его уделу, и обещал испросить царство небесное ему, его жене и сыну. Между тем, Феодор тогда еще не был женат.

Когда Феодор прибыл с дарами к Батыю, Батый изъявил желание видеть его жену. Князь отвечал, что христиане не показывают жен нечестивым язычникам. Батый велел умертвить его. Княгиня Евпраксия, супруга его, получив известие о гибели любимого мужа, в беспомысленности ринулась с высоты терема на землю с младенцем на руках, и оба разбились до смерти, почему это место и названо *Заразом*, или *убоем*. На трех могилах были поставлены каменные кресты.

Отец Феодора, князь Юрий с малочисленным войском отважился на битву в поле, и здесь легли все витязи рязанские и князя. Только одного князя — Олега Ингваревича Красного привели к Батыю. Пораженный мужеством и красотой его, Батый предлагал ему дружбу свою, если он переменит веру. Олег с презрением отверг это предложение, и Батый приказал разнять его по частям.

Затем Батый двинулся на Рязань, обложил ее и оградил тыном. Кровь лилась пять дней; воины Батыя переменились, а граждане стояли все те же, не выпуская оружия из рук. Наконец, зажгли город, татары ворвались, неся с собою смерть. Варвары распинали пленников или, связав их, стреляли в них, как в цель. Оскорбляли женщин и девиц на глазах умирающих мужей и отцов, жгли священников или закалывали их у алтарей. Весь город обратился в пепел. После нескольких дней убийства все стихло: *некому было стенать и плакать*.

Вскоре возвратился в Рязань из Чернигова князь Ингвар. Вместо Рязанской области перед ним было неизмеримое кладбище. Где цвели города и селения, там остались кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Занесенные снегом, на мерзлом ковыле убитые князья и воеводы. Изредка из лесов и прокрадывались редкие люди, с ужасом глядя на страшную пустыню.

В древних рукописных святцах помещены в числе святых князья рязанские: Роман Олегович, Олег Красный и Феодор Юрьевич с супругой Евпраксией и младенцем Иоанном.

Из Рязани Батый пошел дальше, разгромил Коломну, сжег Москву, где взял в плен сына великого князя, Владимира. Георгий содрогнулся, видя великую опасность Руси, и, поручив Владимир двум сыновьям с племянниками, детьми великого князя Константина, пошел в область Ярославскую, стал там на берегах реки Сити, впадающей в Мологу, и начал собирать войско.

Второго февраля татары подступили к Владимиру. Народ с ужасом смотрел на их неисчислимую силу. Татары, подъехав к воротам, спрашивали, где великий князь. В ответ им пустили стрелы.

— Не стреляйте, — кричали они. И русские увидели перед собой неузнанного ими от происшедшего в нем страшного изменения князя Владимира.

Отправив отряд на Суздаль, где были истреблены все жители, 6 февраля Батый открыл приступ на город. Хотя можно было еще спасти жизнь ценой рабства, князья и бояре предпочли смерть. Настали торжественные часы. Князья, супруга Георгия и вся семья его, бояре, высшие лица собрались в храме Богоматери, где епископ облачил их в схиму. В великой тишине совершался священный обряд. Прощаясь между собой, с надеждой скорого соединения в спокойной вечности, расставаясь с жизнью и родиной, одною ногой в гробу, эти люди молились о том, чтобы Господь воздвиг когда-нибудь погибавшую русскую землю, чтобы не сгинули навек ее имя и ее слава. То было зрелище невыразимого величия и невыразимой скорби: эти люди, обрекшие себя на смерть.

Седьмого февраля, после заутрени начался приступ. Татары с нескольких сторон вломились в город. Великая княгиня Агафья с дочерью, снохами и внучатами, множество бояр и народа затворились в соборе. Неприятель зажег его. Тогда епископ произнес громко и внятно:

— Господи, простри невидимую руку Твою и прими души рабов Твоих, — и благословил всех на смерть.

Клубы дыма, проникнув в окна, душили находившихся в храме. Наконец, татары отбили двери и ворвались внутрь собора. Семья великого князя с хор, куда ход был заложен и куда изверги не могли проникнуть видела гибель находившихся в соборе. Наконец дым, поднявшись на хоры, задушил всех.

В древнерусских святцах помещены между святыми: святитель Митрофан, князья — Владимир, Всеволод и Мстислав Георгиевичи, мать их, великая княгиня Агафья, со снохами Марией и Христиной и дочерью, княжной Феодорой...

Когда до великого князя дошла ужасная весть, он, хотя и проливал горькие слезы, принял весть со смирением и молил Бога даровать ему терпение Иова.

Из Владимира, разоряя по дороге города, татары дошли до рати, собранной Георгием у берегов Сити. Тут произошла битва. Долго и мужественно бились русские. Но, наконец, обратили тыл. Георгий и его племянник, Всеволод Константинович ярославский, пали в битве. Другой его племянник Василько Константинович ростовский был взят в плен, Изнуренный жестоким боем, невыразимую скорбью и голодом, князь не хотел принять пищи из рук врагов. Любуясь его величественным видом, зная на опыте мужество и силу его, татары говорили ему:

— Будь нашим другом и воюй под знаменами великого Батыя.

— Лютые кровопийцы, — отвечал он, — враги моего отечества и Христа не могут мне быть друзьями. Темное царство не разлучит меня с моим Христом. Любя нас и даруя нам жизнь вечную, он предал нас в ваши скверные руки. Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера твоих злодеяний.

Татары от ярости скрежетали зубами. А мученик молился о судьбе России и православной Церкви и о двух своих юных сыновьях, Борисе и Глебе. «Господи, — говорил он, — Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь всю нечистоту мою. Очисти мя от грехов моих». Он славил Бога за то, что в юных летах умирает мучеником, и что память о нем не будет бесславною. Татары умертвили его в Шеренском лесу (между Кашином и Калязином) и бросили тут его труп.

Тело святого Василия Константиновича было перевезено в Ростов. Княгиня, дочь Михаила черниговского, епископ и народ встретили его со слезами и положили его в княжеской усыпальнице под сводами алтаря ростовского соборного храма.

Летописец с восторгом говорит об этом князе и описывает его так: «Он был красавец лицом, с очами светлыми и грозными, был храбр, добр сердцем, ласков с боярами. Кто из бояр служил ему, кто ел хлеб его и пил из его чаши: тот не мог забыть его и быть слугою другого князя. В нем мужество соединено было с умом и правдивость со знанием. Он был во всем сведущ и на все способен. Это был отец и кормитель сирот, великое утешение печальным».

Епископ ростовский Кирилл посетил место битвы при Сити и в числе павших отыскал по одежде обезглавленное тело великого князя, и с великою честью привез его в Ростов, где и схоронил. Глава святого Георгия отыскана после и положена в гроб. На втором году после этих событий его тело перенесено было во Владимир, и тогда увидели великое чудо: глава прильнула к мощам, так что не осталось и следа отсечения. Св. мощи почивают открыто во Владимирском соборе.

Батый шел дальше, к Новгороду. Головы жителей падали на землю, как трава скошенная. Не доходя ста верст до Новгорода, татары повернули назад и пошли к Козельску. Семь недель не могли они взять этого города, наконец, овладели им и перерезали всех. Малолетний князь козельский Василий пропал без вести. Говорили, что он *утонул в крови*.

В 1240 г. после страшного сопротивления, татары взяли Киев и почти смели его с лица земли.

Подвиги князей русских во время ига. Св. Василий и Константин Ярославские. Подвиг мученичества св. князя Михаила Черниговского, внук его св. Олег Брянский. Кончина великого князя Ярослава Всеволодовича

Совершилась кара Божия. Иго монгольское пало на русскую землю.

Тяжелые дни начались для тех, кто уцелел.

Страшным воспоминанием стояли призраки убитых, сожженных, замученных князей, бояр, избитого населения. Непокрытые белели на равнинах кости сраженных русских бойцов.

Города стояли испепеленные в развалинах. Все скопленное раньше трудами поколений: довольство, образование, бодрость, — исчезло. За сердце хватает перезвон колоколов, зовущих на молитву. Припадает народ к земле, чтоб подслушать, не придет ли откуда весть облегчения. А ветер несет все старую весть: русская земля стонет. Тяжело, беспросветно... Вот в каких обстоятельствах пришлось действовать русским князьям времени татарского ига.

Несокрушимая сила духа, бесконечная бездна веры нужны были, чтоб спокойно и твердо делать свое возрождающее дело. И князья веровали. Как ни ужасно было положение народа поработанного, стоявшего без защиты и друзей, налитанного горячими слезами, в эти страшные годы князья не утратили веры в Русь, как избранницу Божию.

Пусть вздымаются волны и хлещут, и почти потопили корабль... Живо еще русское имя. Ему, скорбному племени, поручено Христом дивное сокровище: чистота и целостность Христова учения. И если выше всех земных благ он поставит это сокровище и изберет свой путь по евангельской хартии — Бог будет верен. И этой верой из слез, крови и невыразимых бедствий татарской данницы выросла неодолимая русская сила.

Но сколько благородных усилий, невидных жертв, самолюбия, законной гордости принесено было для блага народа князьями времени ига. Неодолимые витязи, как Александр Невский, смиряются перед ханами, отмаливая землю, и истекает незримою мученической кровью богатырское сердце. Не выразить словами всей святости государственного подвига лучших русских князей того времени, и только у престола Божия оценены в праведной мере их дела и зачтены дорогой искупительной жертвой за грехи прошлых поколений. Не щадя себя, они полагали свою душу за народ и, во цвете лет, как Александр Невский, Дмитрий Донской, отходили к Богу с молитвою целить и врачевать ту Русь, всех ран которой при жизни не могли заживить никакими усилиями. А нам, пожинаящим теперь плоды их святого страдания, должно в душевном волнении чтить память этих великих родных людей.

Как страдания тогдашних поколений, так великая сила веры и надежды на конечное Божье милосердие, позволявшая существовать русским людям, прекрасно выражены в стихотворении поэта Майкова «Упраздненный монастырь», представляющем также верную картину того, чем был монастырь для средневекового общества.

*...Я живо вижу, как сюда
Пришел спасаться муж святой,
В те времена еще, когда
Кругом шумел здесь бор густой.*

*И, вековым объята сном,
Вся эта дикая страна
Казалась людям волшебством
И чародействами полна...*

*И келью сам в горе изсек,
И жил пустынным житием
В той келье Божий человек.
На козни беса глух и нем.*

*И что свеча в ночи горит,
Он в этом мраке просиял,
Учил народ, устроил скит,
И утешал и просвещал...*

*И вот вокруг валяются леса!
И монастырь здесь возстает...
Над гробом старца чудеса
Пошли твориться... и растет*

*За храмом храм, встает стена,
Встает гостиниц длинный ряд:
И в погреба течет казна,
И всюду труд и всюду лад!*

*Идут обозы вдоль горы;
Хлопочет келарь, казначей...
Варят меды, творят пиры,
Всечасно братья ждет гостей...*

А эти гости то князья,

*В орду идушие с казной...
То их княгини, их семья,
В разлуке плачущие злой...*

*И черный люд, безвестный люд,
Со всей Руси идет, бредет...
В грехах все каяться идут
Да страшный гнев Свой Бог уймет...*

*Идут с пожарищ, с поля битв,
Ища исхода хоть слезам
Под чтение сладостных молитв,
Под пенье ангельское там...*

*И в темных маленьких церквах
Душистый воск горит, как жар,
Пред образами в жемчугах
Сердце скорбящих чистый дар...*

*И чуть звонят, народ во храм,
Вопит, как жаждущий в степи:
«Когда ж, Господь, конец бедам!»
И клир в ответ ему: «Терпи!»*

*Терпи! и вытерпела ты,
Святая Русь, что посылал
Тебе Господь все тяготы
Насильств и казней и опал...*

*Тяжелый млат ковал тебя
В один народ, ковал века;
Но веришь ты, что Бог любя
Тебя карал, и тем крепка!*

В 1243 г. Батый назначил в русские города своих надзирателей — баскаков и приказал князьям явиться к нему с изъявлением покорности. Первым должен был отправиться к нему великий князь Ярослав Всеволодович, брат и преемник Георгия. Его примеру последовали и другие князья.

Мало-помалу князья начали устраиваться в своих уделах, стали оживать города и селения в безлюдной, обращенной в развалины пустыне. Между прочим, в Ярославле стали княжить сыновья погибшего при Сити Всеволода Ярославича, святые князья Василий и Константин. Старший из них, Василий, собрал рассеянный народ и заботился о вдовах и сиротах ратных людей, павших с отцом его на берегах Сити. Он окончил жизнь в 1249 г., оставил одну дочь, Марию, которая, принося с собою Ярославское княжество, вышла замуж за святого князя Феодора Чермного, ярославского и смоленского.

Другой брат, св. Константин, убит в 1257 г. близ Ярославля в битве с шайками татарских грабителей. Гора, где он убит, поныне зовется Туговою, как место туги, то есть горести народа. Оба святые брата погребены в соборной церкви г. Ярославля. Мощи их обреты в 1501 г.

Князья должны были возобновлять храмы, из которых многие представляли собой груды камней. Священная утварь, иконы и книги сделались добычей татар. Но величайшим благодеянием было то, что татары не воздвигли явного гонения на Церковь, как было в первые века христианства при римских императорах. Они имели обычай чтить всякую веру и уважать

всяких жрецов. Ханы выдавали русским святителям ярлыки, в которых, под страхом смертной казни, запрещалось хулить русскую веру.

Хотя иногда князья и платились смертью за отказ исполнить языческий обряд: народ беспрепятственно соблюдал свою веру, и эта вера, с покаянными чувствами и смиренным несением скорбей государственных, сохранила Русь.

В первые годы ига принял в орде мученическую кончину св. князь Михаил Всеволодович Черниговский. Собираясь, по требованию Батые в орду, он принял благословение у духовника своего епископа Иоанна, и тот сказал ему:

— Многие князья ездили в орду и, прельстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, вкушали оскверненную пищу. Но ты, князь, не подражай им.

Он отвечал:

— Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую.

То же сказал сопровождавший своего князя верный боярин Феодор. Епископ отпустил их с молитвою, дал им на случай часа смертного запасные Св. Дары.

Когда Михаил прибыл в орду с юным внуком Борисом Ростовским и боярином Феодором, Батый приказал исполнить над Михаилом все языческие обряды, и жрецы потребовали, чтобы князь и боярин прошли сквозь огонь. Михаил отказался. Раздраженный Батый предложил ему выбрать между поклонением богам и смертью.

— Я готов поклониться царю, — отвечал Михаил; — ему вручил Бог судьбу царств земных. Но я христианин и не могу поклониться, чему кланяются жрецы.

Княжич Борис со слезами умолял деда побереечь жизнь. Бояре Ростовские вызывались принять на себя и на весь народ епитимию за князя. Но Михаил, которого поддерживал боярин Феодор, не слушал их. Он сбросил с плеч знак земного, преходящего сана, шубу княжескую и сказал:

— Не погублю души моей. Прочь, слава мира сего тленного. Не хочу ея!

Вельможи Батые пошли с этим ответом к хану, а исповедник веры с боярином своим стали петь псалмы и потом причастились бывшими с ними Св. Дарами.

Еще стали уговаривать их татары.

— Не слушаем вас, не хотим славы мира сего! — воскликнули мученики.

Подъехали убийцы. Соскочив с коней, палачи растянули Михаила за руки и за ноги по земле, стали бить кулаками и палками по груди, затем, повернув лицом к земле, — ногами. Наконец, один русский изменник отрезал князю голову ножом. Его последнее слово было: «Христианин есмь!»

После него замучен был св. Феодор. День страдания их — 20 сентября 1246 года. Тела были брошены в пищу псам, но остались невредимы. Над св. мощами, в прославление святых, явилось знамение — стоял столп светлый, горели огоньки и слышалось небесное пение. Тела мучеников были принесены в Чернигов, откуда в 1572 г., при переходе Чернигова к полякам, перенесены в Москву. С 1774 года св. мощи покоятся в Архангельском московском соборе.

Вскоре по кончине, святой князь с боярином Феодором явился в сиянии жившей в Суздале дочери своей, святой Евфросинии, и возвестили, что они оба стяжали вечное блаженство.

Потомство святого князя, доньше многочисленными княжескими родами процветающее на Руси, пользовалось видимым благословением Божиим. Из пяти сыновей св. Михаила особенно в благочестии подражал отцу Роман Брянский. Сын его Олег Романович уступил княжество Черниговское брату, а сам удалился от мира. Он принял пострижение с именем Василия, построил у Брянска Петропавловский монастырь и после строгих подвигов скончался в конце XIII века.

Память преподобного князя Олега Брянского 20 сентября.

Преимник и брат св. великих князей Константина и Георгия, первый понесший сан князя плененной страны, великий князь Ярослав Всеволодович отличался твердостью, деятельным умом, бодростью в несчастии. В последний год жизни он был вызван в Орду, где успел

оправдаться во взведенных на него каких-то обвинениях. Мать хана перед отъездом предложила Ярославу из собственных рук пищу, заранее отравленную. Выехав из Орды, великий князь стал слабеть и на седьмой день окончил жизнь. На теле умершего ясно были видны последствия отравы — пятна. Тело его привезено во Владимир. В одной древней русской книге рассказ о Ярославе заключается словами: «Причте его Бог ко избранному своему стаду». В рукописных святцах он включен в число святых.

Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский

Прощумела гроза, утихла буря, замолкли грозные раскаты грома, занялась на небе заря, и над местностью, опустошенной стихийным раздором природы, медленно выплывает ясное солнце... И светит оно на долины, залитые водой, светит на размытые пашни, на поваленные ветром строения, льет тепло на деревья со сломанными ветвями, на погибшую жатву и все бедствия, принесенные бурей людям... И светит, светит солнце, поднимаясь все выше и выше. Все жарче лучи его греют землю, и под их теплом воды впитываются в почву, просыхают дороги, прибитая трава выпрямляется, свернувшиеся листья разворачиваются, зеленея еще веселее, чем прежде, и люди бодро принимаются за работу, и исчезают один за другим следы отжитого бедствия... А солнце все светит, все светит и греет и озаряет сочувственно и радостно жизнь людскую.

Таково же воздействие тех людей, которые появляются после великих исторических несчастий и, как ясное солнце, греют обездоленный народ, поддерживают в нем силы для лучшего будущего и, умирая, оставляют за собою бесценную и плодотворную работу нравственного солнца.

Таким лучезарным светилом взошел над русской землей в бедственнейшие дни благоверный святой великий князь Александр Ярославич Невский.

Великий князь Александр был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича и родился в Переяславле-Залесском, где в то время его отец был удельным князем, 30 мая 1219 г.

Как видно из деятельности св. Александра, он чудным сочетанием соединил в себе лучшие качества своих предков с отцовской и материнской стороны. Со стороны отца он является потомком того колена Владимира Мономаха, которого ярким представителем был св. Андрей Боголюбский. Отличительные семейные черты с этой стороны: мудрая расчетливость, последовательность, умение пользоваться обстоятельствами и стремление к неуклонному собиранию земли вокруг одного престола. Князь-хозяин, князь-строитель, с оттенком непреклонной суровости, — таков характер отца Александра, Ярослава и дедов его — родного Всеволода и двоюродного Андрея Боголюбского.

Со стороны матери, родной внук св. Мстислава Храброго, — Александр унаследовал черты витязя киевского времени: беззаветное мужество, трогательное мягкосердечие, высокое доверие к людям, бесконечное сострадание ко всему страдающему, голубиную кротость при орлином полете, не знающее удержу стремление к славе родной земли.

И сочетание этих редко в одном человеке уживающихся качеств составило явление чрезвычайное, необыкновенное, которое произвело сильнейшее благотворное впечатление на современников и оказало счастливое влияние на ход русской истории.

В том яснее всего и видна направляющая Русь рука Божия, что в нужные времена Бог посылает своих избранников, точно созданных по обстоятельствам и требованию времени. Таков был и Александр — то грозный и победоносный вождь русских против северных недругов немцев, то смиряющий свою богатырскую душу и отмаливающий Русь от гнева ханского. И как ни высоки воинские подвиги во славу отечества, еще выше смирить и унижить себя для блага родины.

Св. Александр вырос среди благочестивой семьи; и среди самых первых, на всю жизнь остающихся впечатлений, главными были впечатления святой веры. Каким искренним благочестием был он окружен с детства, видно из того, что мать его считалась современниками святою; дед по матери, Мстислав Удалой, и восходящие предки — Мстислав Храбрый, Ростислав и Мстислав Великий — окружены сиянием святости; дяди со стороны отца — Константин и Георгий — также; старший брат Феодор — святой. И вот в этом незаменимом для развития ребенка благодатном воздухе, среди таких преданий подрастал Александр.

Не сохранилось подробностей о его воспитании, но несомненно, что князь Александр рос серьезным, вдумчивым отроком. Избегал пустых забав, он любил чтение священных книг и пение церковных песнопений. От первых до последних лет своей жизни он вел себя воздержно, обуздывая тело постом и суровыми трудами: охотой, ездой, стрельбой. Все это закалило его и развило его природную богатырскую силу.

Набожность Александра уже с этих пор выражалась тем, что он любил часто ходить в храм и по ночам наедине долго-долго молиться перед иконами Спасителя и Божией Матери.

О чем так жарко, лишая себя ночного покоя, молился он, кому с колыбели были даны все земные блага? Или были у него желания, которых некому было рассказать, кроме как Богу, или уже и в те годы нес он на себе такое великое горе, которое он должен был изливать в горячей молитве, чтоб оно не сушило душу?

Вспомним, что князю Александру было 14 лет во время нашествия Батыя, что до того он знал о первом столкновении с татарами, и что на его чуткую душу тяжело ложились эти ужасные события. И если вдумаясь, что должен был переживать богато одаренный, впечатлительный мальчик, назначенный рождением на дело правления, что он переживал при пленении родины, — нам станет тогда ясен этот самоотверженный образ. В школе грустной, но великой — бедствий своего народа — сложилась нравственная личность Александра, и несчастья Руси определили направления его жизни: отдать ей все силы души, всякое биение сердца, все помышления. Выступая служить родной земле, он должен был быть готов не щадить за нее своей жизни. И не разом, не на плахе под топором татарских палачей, не в грозной сече битвы пришлось сложить ему молодецкую голову. Скорбь по родной земле высосала каплю за каплей кровь из его сердца; силу за силой положил он на труды для родного народа, пока не пала на него предсмертная слабость; до глубокого дна испил он полную чашу унижений за родную Русь и тогда, сокрушенный невзгодьем, но не побежденный богатырь прилег и заснул вечным сном.

С юных лет благоверный князь Александр был поставлен княжить в Новгороде. И первую половину своей жизни он посвятил победоносной борьбе с северными врагами Руси. Эти враги были, быть может, еще более опасны для Руси, чем татары. Татары посягали на государство, на внешнюю силу, а те враги хотели похитить у нас самую нашу веру. Римские папы, видя ослабление нашей земли, поднимали на нее походы то из Швеции, то из Ливонии через ливонских рыцарей, которые старались подчинять Римскому папе новые земли. Цель Шведов и Ливонцев была завоевать нас и обратить в латинскую ересь.

С первых дней княжения своего в Новгороде Александр старался окружить себя храбрыми людьми. Сам же он был точно создан для побед, кроме великого благоразумия, одаренный мужеством, величавой красотой и звучным могучим голосом. Народ с гордостью и радостью любовался им и с почтением внимал его речам, *гремевшим как труба*, говорит летописец.

В 1240 г., подстрекаемый папою, шведский король снарядил многочисленное войско, посадил его на лодки и под начальством зятя своего Биргера послал в Неву. Биргер думал дойти Ладожским озером и по Волхову до Новгорода и послал сказать Александру: «Ратоборствуй со мной, если смеешь. Я уже стою на земле твоей».

Ни страха, ни гордости не изъявил послам Александр. Он поспешно собрал войско, с горячею верой помолился в храме св. Софии, принял благословение архиепископа.

«Боже хвальный, Боже праведный, Боже великий и крепкий, — молился Александр, — Боже

предвечный, сотворивый небо и землю и поставивый пределы языком и жить повелевый не преступая в чужая части: суди, Боже, обидящим мя и возбрани борющимся со мною. Прими оружие и щит, стани в помощь мою!» Отирая на пороге храма слезы умиления, он передал исход дела воле Божией и с веселым лицом вышел к дружине. Тут он сказал ей краткое, но великое историческое слово, которое много раз было подтверждено в жизни русского народа: — Нас немного, а враг силен. Но *не в силе Бог, а в правде*. Идите с вашим князем!

Не имея времени дожидаться помощи от отца, великого князя Ярослава, Александр выступил в поход и 15 июля 1240 года пришел к берегу Невы. Здесь встретил его с донесениями один из военачальников его Пелгус и рассказал ему чудное явление, которое он видел ночью, ожидая князя и погруженный в молитву на берегу Финского залива.

Уже начинало светать, как по простору морскому пронесся шум. Показалась большая ладья, сидевшие у весел гребцы были как бы одеты мглою. Посреди лодки стояли в великом сиянии, в червленых ризах два витязя, первые князья-мученики, Борис и Глеб. И раздался голос Бориса: «Брат Глеб, поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу на неистовых немцев». Когда видение кончилось, Пелгус пошел от берега и встретил Александра. Князь запретил Пелгусу разглашать это видение. Как молния, ударил он на шведов и быстрым, внезапным ударом привел их в смятение. Сам он добрался до Биргера и своим копьем *возложил печать* на лицо ему.

Шведы были разбиты наголову. Темная ночь спасла их остатки. Они нагрузили, не дожидаясь утра, две лодки телами знатнейших лиц, зарыли прочих в яму и поспешно удалились. Главный воевода, также епископ их, были убиты. Наша же убыль была едва заметна.

Великою радостью пронеслась по Руси весть об этом одолении врага. За победу Александр получил прозвище Невского. Как эта, так и последующие победоносные битвы, где участвовал св. Александр, были невыразимым утешением для униженной, бедствующей России. В самые дни ига он доказывал, что русская воинская слава не сгинула, что русский меч так же грозно обороняет русскую землю на севере, как в ясные дни Мстиславов и Всеволодов.

Сохранилось сказание современников о Невской битве.

Подвиги русских богатырей в ней были так изумительны, что им с трудом верили даже очевидцы. Новгородцы прямо говорили, что с ними сражались ангелы Божии, что силы небесные избивали шведов. Между тем, ливонские рыцари ворвались в пределы Псковской земли и заняли самый Псков. Многие псковитяне кинулись в Новгород, но Александра там не было: недовольный новгородцами, он уехал от них в Переяславль, а литва, немцы, чудь стали уже беспокоить земли новгородские. Тогда архиепископ со многими боярами отправились к Александру и умолили его простить Новгород.

С его прибытием все переменялось. Немедленно собралось войско и весело с Александром пошло к Финскому заливу и взяло поставленную немцами крепость Копорье; потом немцы прогнаны были из Пскова. Затем Александр вступил в Ливонию и нашел выгодное для битвы место на льду Чудского озера, еще крепком (5 апреля 1242 г.). Немцы врезались в наши ряды, но Александр, ударив сбоку, смешал их, сломил и истреблял рыцарей, а чудь грозно гнал до вечера. Трупы чуди лежали на 7 верстах, пало 400 рыцарей. Начальник ордена с трепетом ожидал появления Александра под стенами Риги и умолял короля датского о помощи.

Однако Александр, довольствуясь страхом немцев, вложил меч в ножны, вернулся в Псков. Пленники немецкие шли с потупленными глазами, в своей рыцарской одежде за нашими всадниками. С крестами и пением церковным встречало после Ледового побоища победителя духовенство, народ стремился к нему толпами, называя отцом и спасителем.

Затем заключен был с рыцарями выгодный мир.

Вскоре литовцы завладели Торопцем. Александр пришел и истребил их до единого. Возвращаясь с малой дружиной, он увидел новые толпы неприятеля и рассеял их. В течение нескольких дней он одержал семь побед над литовцами.

Но Бог готовил Александру высшую славу — победу духовную над самим собой. Этой великой

душе назначено было показать самую редкую и трудную добродетель: смирить себя беспредельным смирением, забыть голос своего самолюбия и ценою своих унижений сохранить родину.

Еще прежде, чем престол великокняжеский перешел к Александру, он должен был отправиться на поклон к Батюю. Слава об Александре и удивление ему достигали вообще отдаленных стран, до нас дошел отзыв одного чужеземца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государства, но с изумлением видел и слушал Александра Новгородского».

Вообще, бывалые люди говорили, что не встретить подобного Александру мужеством и видом: ни в царях — царя, ни в князьях — князя. Его достоинства возвышались тем, что он не кичился ни положением, ни дарами внешними, ни умом, а со всеми был приветлив, всем был прибежище. И над всеми его добродетелями, как и во дни юности, выделялось благочестие.

Русские гордились Александром, называя его независимым князем, и страшали им татар.

Слыша много об Александре, Батый велел сказать ему: «Князь Новгородский, известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов. Ты ли один будешь независимым? Если хочешь властвовать спокойно: явись в моем шатре».

На этот зов можно было ответить гордым отказом и подвергнуть за то всю Русь гневу Батюя и опустошению. Александр же любил Россию более, чем княжескую и богатырскую честь, и сознательно вступил на тот путь самоуничтожения для спасения родины, от которого его освободила лишь смерть.

Он отправился к Батюю, который ласково принял его и сказал, что молва не увеличила его достоинств. Он с удивлением внимал его мудрым речам, горевшим любовью к родине.

Из орды надо было ехать далее, в Татарию, к великому хану. Это было ужасное путешествие. Простясь с отечеством на долгое время, надо было терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или раскаленной земле. Кругом одна безотрадная унылая степь, усеянная костями путников. Вместо селений — одни кладбища кочующих племен.

И в этом безотрадном пути мучительные думы о своем унижении, бедствии отечества, воспоминание об отце, умершем в таком же путешествии в неприютной степи...

Хан отнесся к Александру с благоволением и поставил его над всей южною Россией. К этому же времени относится посольство папы к Александру.

Папа римский прислал Александру письмо, с убеждением принять католичество, обещая ему за то помощь. Не надменно, но твердо ответил папе князь: «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим».

Вскоре после возвращения Александра в Новгород, при общем ликовании города, он опасно (1251-1252 г.) занемог. Вся русская земля с трепетом ждала исхода болезни и неотступно молилась за него. Он был надеждою России. Его делали бесконечно дорогим народу и прежние его незабвенные победы, и обнаруженное им теперь умение обходиться с татарами, и его сострадательность. Он всячески благодетельствовал бедствующим, посылал в орду золото для выкупа пленных. Бог услышал всенародную молитву, Александр выздоровел. Скоро он был признан великим князем.

При общем ликовании въехал он во Владимир и стал продолжать дело отца: заживление прежних ран.

Когда в 1256 г. шведы, финны и немцы явились на берегах реки Наровы, встревоженные новгородцы послали за Александром, и он повел рать и опустошил значительную часть Финляндии.

Это было последним военным подвигом Александра.

Умер Батый, и Александр должен был отправиться к его преемнику в орду, которая навсегда осталась кочевать в окрестностях Волги и Дона. Тут тщетно просил он освободить северные княжества от обложения подушною данью, подобно тому, как еще раньше были обложены южные. Вскоре были посланы татарские чиновники в области: Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, и переписали жителей.

Через несколько месяцев Александр совершил новое путешествие в орду: теперь обложен был поголовною данью и Новгород, и великому князю предстояло дело, мучительное для его чувств. Ему, прославленному поборнику новгородской вольницы и чести, предписывали теперь склонить к рабству гордый, пылкий народ, который величался своею независимостью. Что переживал в эти дни Александр, известно одному Богу.

В 1259 г. с татарскими чиновниками он прибыл в Новгород. Жители пришли в ужас. Как ни уговаривали некоторые граждане смириться, народ отвечал грозным воплем, умертвил посадника и выбрал другого. Юный князь Василий Александрович уехал из Новгорода в Псков, объявив, что не хочет повиноваться отцу, везущему с собою оковы и стыд для людей вольных. Хотя новгородцы и отпустили чиновников татарских с дарами, они решительно отказались от дани.

Великому князю представлялось — принять решительные меры или предать Россию новому разорению. Выбора не было. Он велел схватить ослушного сына и под стражею везти его в Суздальскую землю. Потом он остался в Новгороде, выжидая хода событий. Распространилась весть, что войско хана уже готово идти на Новгород. Народ тогда в страхе согласился на дань, и Александр поспешил уведомить татар о покорности Новгорода. Явились татарские переписчики и своими утеснениями настолько раздражили народ, что вспыхнул мятеж. Народ снова не хотел слышать о дани и собирался вокруг Софийской церкви, объявляя, что желает умереть за честь и свободу.

Наконец, Александр употребил последнее средство. Он выехал из дворца с татарскими чиновниками, объявив, что предаст мятежных граждан гневу хана и навсегда покидает Новгород... Это смутило народ, и вельможи воспользовались этой минутой, чтоб уговорить его. Не успел князь опомниться от этих тягостных событий, где его разум и благо Руси заставляли его действовать против влечения сердца, как в 1262 году возникли новые страшные неприятности в срединной Руси. Доселе дань собирали татарские сборщики, которых народ терпел. Но потом татары стали отдавать дань на откуп бесерменским купцам, хивинцам, опытным в торговле и наживе. Эти откупщики выдумали целую сеть вымогательств для увеличения барышей. Под видом облегчения плательщиков, они назначали разные рассрочки, но с громадным ростом, и в конце концов, у бедных людей счета с бесерменами запутывались до такой степени, что уже не было никакой возможности рассчитаться. Тогда они забирали должников, беспощадно били их на площадях палками, пытая, не спрятали ли они где-нибудь свое имущество. Не добившись толку, бесермены забирали сыновей, дочерей или самих должников в рабство и в чужих странах продавали их с великою выгодой.

У самых трудолюбивых людей отбивало охоту к труду. Всякий страшился за будущее — не уведут ли его детей в рабство. Кроме всех этих ужасов, бесермены возбуждали ненависть еще тем, что их сопровождали татарские наездники, которые грабили дома, оскорбляли женщин и всячески глумились над населением. Мера терпения истощилась, когда затронуто было чувство веры.

Какой-то монах Зосима, в 1262 г. в Ярославле, в угоду бесерменину и магометанину Тетямю, отрекся от Христа, вступил в магометанство и начал ругаться над своею прежнею верой... Не мог осилить народ негодования при поругании того последнего сокровища, которое во всех своих испытаниях он хранил не нарушенным, над верой святою. Вскипел народ бурным, неудержимым гневом при виде того, как «окаянный лишенник» веры поносит святой крест и ругается церквам Божиим. Его схватили, убили, и псы волочили по городу его труп. И в ответ на эту месть народа, мстившего за поругание заветной святыни своей, — поднялся народ по всем городам суздальской и ростовской земли. Загудели призывные колокола, пошли слухи, что сам Александр разослал приказ бить татар, и стала расти и расти буря народного негодования.

Летописцы с сочувствием отмечают эти события. Народ истреблял одних бесерменов, хивинских откупщиков. Собственно же из татар никто не пострадал. Русские дали

доказательство тому, что всему есть мера, и что, хотя и побежденный, народ не свыкся с рабством. Но страшная расплата должна была постигнуть землю, все не примирявшуюся с потерей воли. Шли слухи, что татарские полчища готовы ворваться в русские пределы. Можно было ожидать поголовного избиения, худшей грозы, чем нашествие Батыя. Какие страшные минуты переживала земля русская, на то нет слов. И тут великий князь Александр просиял своей родине своим последним подвигом.

Он готовился раньше в поход на ливонских немцев, но тут поручил полки сыну и отправился в орду отмаливать свой народ. Это был венец его жизни и его самоотвержения. Хотя он не был виноват в происшедших событиях, он шел в орду на верную смерть в то время, как хан уже двигал войско на Русь, шел к тому хану, перед которым он же, вымаливая оставить некоторую самостоятельность Руси, ручался за ее покорность. Он шел с явным намерением принять на себя все раздражение хана и погибнуть, лишь бы отвести или смягчить грозу для России.

Об этом решительном отъезде среди обстоятельств столь страшных — и теперь, через шесть слишком веков, нельзя вспоминать без волнения. Что же испытывал провожавший Александра народ?

Провожаемый как на смерть, он поехал.

Незадолго до того, как до хана Беркая дошла весть об избиении сборщиков, он пришел в ярость от неудачного похода, поднятого им на Персию, и собрал вновь 300 тысяч; решил также послать туда и русских... Русским предстояло сражаться за татар! И вот тут-то получил он весть о событиях в Суздале, Ярославле и Ростове. Ханскому гневу, казалось, не было пределов...

Он готов был выпустить 300 тысяч на Россию и совсем заклевать ее. В эти-то дни и прибыл Александр.

Как молил он хана, что говорил ему, неизвестно: но он и на этот раз отвел грозу. Россия была спасена. Вслед за тем власть принял новый хан, и долго пришлось ждать Александру в орде, прежде чем хан успел выслушать Александра. Он так сумел поставить дело, что и прежнее было забыто, и русские освобождены от обязанности воевать за монголов.

Более года пробыл Александр в орде и здесь допил последние капли того кубка унижений, страданий и горечи, который едва ли когда у кого из других русских князей был так глубок и так горек. Но, уезжая, он вез с собою весть избавления, луч радостного солнца в ту обездоленную страну, которую он так умел любить и которая так в него крепко верила. Измученный, изнуренный, он спешил с благою вестью к томившемуся без него и за него народу... Но те силы, которые он столько лет напрягал без жалости к себе, уже изменяли: богатырь был сражен непомерной работой, душа истощена вечным страданием. Четыре поездки в орду, — двадцать битв... Венец столь тяжелый, венец терновый, который убил избранника, едва достигшего 43 лет.

В Нижнем Александр разболелся и должен был остановиться. Потом его повезли дальше. Стояла глубокая осень. В Городце он окончательно занемог. Сознывая, что смерть близка, он просил о пострижении.

Долго сдерживали себя окружающие, о которых летописец говорит, что им бы легче было лечь с ним во гроб, чем пережить его. Наконец, зарыдали. Тогда кротко сказал им князь: «Удайтесь и не сокрушайте души моей жалостью!»

Через несколько минут снова созвал он к себе приближенных и у всех, бояр и простых, стал трогательно просить прощения... Потом он затих. Слеза скатилась из глаз его. Он открыл глаза и пожелал приобщиться в последнюю минуту. Когда это совершилось, он тихо предал дух Богу. То было 14 ноября 1263 года.

...Много любезных лиц в тихом, немеркнущем сиянии светят русскому народу из дали его прошлого. Много великих событий, дорогих, возвышенных, чудных, совершилось в нашей земле. Но меж всех исторических лиц, уступая место одному, Богом Руси дарованному, неизглаголанному игумену Сергию, — сияет на первом месте благоверный Александр.

Что может быть чище и святее этой тихой смерти в пути после величайшего, никогда и никем из правителей не превзойденного, подвига? Эта смерть вдали от спасенных, когда напряжением всего существа только что избавлен от гибели весь народ, обеспечена ему возможность продолжать существовать, спасена надежда на далекую волю.

Велика прозорливая мудрость Ольги, бесценное одушевление равноапостольного Владимира, горячая правда Мстислава... Но это вольное и безропотное мученичество богатыря, это истекшее святою кровью сердце, вместившее и пригревшее Русь в самые безотраднейшие ее дни... Эта неустанная работа всей жизни; эта ничем незагасимая вера в свой народ, в священное призвание той Руси, которая некогда из рабства, пепла и крови встанет неборимой и славной!..

Есть чувства, для которых на языке нет слов. Есть образы непонятной силы, от которых трепещет в восторге, удивляясь им, душа. Есть события, память о которых точно расширяет эту душу умилением, — что Бог помог человеку достичь в жизни таких нравственных высот.

Таков этот богатырь русского народа, и такова его смерть.

...Кончина благоверного князя была возведена во Владимире чудесным образом. В соборе митрополит Кирилл совершал службу и стоял у алтаря, как перед ним словно живой, но озаренный не здешним светом, предстал князь Александр. Будто несомое ангельскими крылами, поднялось к небу светлое видение. Лицо святителя выражало великое волнение, замеченное предстоявшими. Он понял все... Слезы показались в старых очах, и, опустив голову, он сказал: «Солнце земли Русской закатилось!»

Не поняли люди ужасного смысла этих слов... Наконец, собрался святитель с силами и, сдерживая рыдания, громко возгласил: «Чада моя милая, знайте, что ныне благоверный великий князь Александр преставился».

В ужасе, столь же сильным воплем отчаяния ответил парод. Из всех грудей вырвалось: «Погибаем!»

Владимир опустел. Все пошло навстречу долгожданному великому князю. Митрополит с духовенством остановился в Боголюбове... Пылали свечи, курился фимиам... Народ без числа покрыл окрестность. А он все приближался.

Тот, который так часто нес избавление своей земле, идет в нее с новым избавлением и чтобы никогда не уходить... Идет он, разрешенный от тягостей жизни, замученный непомерным подвигом... Показался великокняжеский стяг.

И при виде этого предшественника лежащего в гробе вождя — зарыдал весь народ... За стягом и гроб — и кинулись к умершему отцу осиротелые дети, чтобы еще пригрел и поберег их...

И стал тогда над народом, говорит летописец, великий плач и крики горя и тоски, каких никогда не бывало, и содрогалась от воплей этих земля.

23 ноября совершено было отпевание. Плач и стон народа заглушал церковное пение. Наконец и певчие замолкли от рыданий. Князя положили в монастыре Рождества Богородицы.

При отпевании совершилось чудо: когда усопшему вкладывали разрешительную молитву, он протянул за нею руку и опять сложил руки на груди.

Это событие уверило народ, что Бог прославит благоверного князя и положило начало его посмертному почитанию.

Оно оправдалось при великом князе Димитрии Донском, в 1380 г. Тогда, перед битвою с Мамаем, ночью в том храме, где была могила св. Александра, загорелись сами собою две свечи, из алтаря показались два честных старца и, приблизившись к гробу, сказали: «О, господине Александре, возстани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Димитрию, одолеваемому от иноплеменных». И в тот час благоверный князь восстал из гроба и с обоими старцами сделался незрим. Явление это было донесено в Москву митрополиту, и тогда совершилось обретение св. мощей. На московском соборе 1547 г. великий князь Александр Невский в виду многократных чудес причислен к лику святых.

В 1723 году император Петр Великий перенесет сам мощи благоверного князя Александра из Владимира в Петербург, для утверждения новой столицы, основанной на берегу той самой

Невы, где святой витязь славил Русь своими победами. Шествие мощей продолжалось более года.

В Новгороде раку поставили на лодку, а близ Петербурга ее принял на торжественную галеру царь и сам встал у руля.

Мощи благоверного князя покоятся в соборном храме святой Троицы, Александро-Невской лавры, в драгоценной серебряной раке. Она сделана из серебра, найденного в царствование императрицы Елисаветы. Близ раки находится Владимирская икона Богоматери, по преданию принадлежавшая св. Александру; в ризнице — его великокняжеская шапка.

Поэт Майков в превосходном стихотворении описывает предсмертные думы и кончину благоверного великого князя Александра. Эта проникновенная картина совместила, кажется, всю скорбь души благоверного Александра.

В Городце в 1263 году

Ночь на дворе и мороз.

Месяц — два радужных светлых венца вокруг него...

По небу словно идет торжество;

В келье ж игуменской зрелище скорби и слез...

Тихо лампада пред образом Спаса горит;

Тихо игумен пред ним на молитве стоит;

Тихо бояре стоят по углам;

Тих и недвижим лежит, головой к образам,

Князь Александр, черной схимой покрыт...

Страшного часа все ждут; нет, надежды уж нет!

Слышится в келье порой лишь болящего бред.

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижно во тьму,

в беспредельность глядит...

Сон ли проходит пред ним, иль видений таинственных цепь

Видит он — степь, беспредельная, бурая степь...

Войлок разостлан на выжженной солнцем земле.

Видит: отец! смертный пот на челе,

Весь изможден он и бледен и слаб...

Шел из Орды он, как данник, как раб...

В сердце, зная, сил не хватило обиду стерпеть...

И простонал Александр: «Так и мне умереть...»

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижно во тьму,

в беспредельность глядит...

Видит шатер дорогой, златотканый шатер...

Трон золотой на пурпурный поставлен ковер —

Хан восседает среди тысячи мурз и князей...

Князь Михаил перед ставкой стоит у дверей.

Подняты копыта над княжеской светлой главой...

Молят бояре горячей мольбой...

«Не поклонюсь истуканам вовек», — он твердит...

Миг — и повержен во прах он лежит...

Топчут ногами и копьями колют его...

Хан изумленный глядит из шатра своего...

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижно во тьму,

в беспредельность глядит...
Снится ему Ярославов в Новгороде двор...
В шумной толпе и мятеж, и раздор...
Все собрались концы и шумят...
«Все постоим за Святую Софию! — вопят. —
Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы...
Немцам и шведам страшной нет грозы...
Сам ты водил нас, и — Биргер твое
Помнит досель на лице, чай, копье!..
Рыцари — памятен им пооттаявший лед!..
Конница словно как в море летит кровяном!..
Бейте, колите, берите живьем
Лживый, коварный, пришельческий род!..
Нам ли баскаков пустить
Грabitь казну, на правез нас водить?
Злата и серебра горы у нас в погребах, —
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых татар!..»
И разлилася река, взволновался пожар...
Князь приподнялся на ложе своем; очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом высокой души,
Крикнул: «Эй вы, торгаши!
Бог на всю землю послал злую мзду.
Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести — так всем миром нести!
Дружно, что бор вековой, подыматься, расти,
Веруя в чаянье лучших времен, —
Все лишь в конец претерпевый — спасен!..»
Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...
Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг перед ним...
Видит он: облитый, словно лучом золотым,
Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... народом кишат берега...
Флагами веют цветными кругом корабли...
Гром раздаётся; корабль показался вдали...
Правит им кормчий с открытым высоким челом...
Кормчего все называют царем...
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздаётся, священные гимны поют...
Крышу открыли... Царь что-то толпе говорит...
Вот — перед гробом земные поклоны творит...
Следом — все люди идут приложиться к мощам...
В гробе ж — князь видит — он сам...
Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял головой, —
Чудной лицо озарилось красой...
Тихо игумен к нему подошел и дрожащей рукой

*Сердце ощупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил: «Наше солнце зашло!»*

Благодарные князья: Роман Рязанский, Роман Углицкий, Василий и Владимир Волынские, Феодор, Давид и Константин Ярославские, Довмонт Псковский, Михаил Тверской и Анна Кашинская

В княжение брата св. Александра Невского совершился мученический подвиг св. князя Романа Олеговича Рязанского.

Св. Роман в ближайших предках своих видел примеры ревностной веры. Его два деда, Юрий и Олег Ингваревичи, страдальчески кончили жизнь в борьбе с Батыем. Отец его более 10 лет протомился в тяжелой неволе в орде, и св. Роман возрос среди скорбей за родину среди того одушевления веры, какое процвело в эти трудные времена; и весь свой век он провел в слезах и молитвах за родину. Сколько мог, он облегчал участь угнетаемых и разоренных своих подданных и погиб он за свое заступничество, за народ.

Один из татарских сборщиков, собирая дань, прибежал к бесчеловечным насилиям. Князь старался обуздать его. Тогда сборщик донес хану, что князь рязанский поносит царя и его веру. Вызвав Романа в орду, хан объявил ему, что ему должно выбрать одно из двух — мучительную смерть или веру татар.

— Я покорен воле Божией, — отвечал князь, — и повинуюсь власти хана. Но никто не принудит меня изменить моей святой вере.

Татары начали бить исповедника.

— Я христианин! — повторял он.

Тогда его уста заткнули платком, сковали его и бросили в темницу, а хан произнес приговор: «Пусть умрет мучительной смертью!»

Когда князя привели на место казни, он стал говорить собравшемуся для зрелища народу о вере Христовой. Тогда ему отрезали язык, потом стали мучить с ухищренной лютостью. Сперва вырезали ему глаза, потом обрубили пальцы рук и ног, обрезали уши нос, губы, отсекали руки и ноги. Он оставался еще жив. Тогда взяли туловище, содрали кожу с головы и тогда лишь отрубили голову и воткнули ее на копье. Это неизреченное страдание совершилось 19 июля 1270 г.

Память св. Романа всегда была почитаема на Руси. До нас дошло описание его древних иконных изображений. Князь не старых лет, русые кудрявые волосы падают на плечи тонкой волной. На нем накинута соболья шуба, под нею бархатная поддевка. Левою рукой он держит город с церковью, а правая поднята на молитву.

Где находятся мощи св. Романа, о том не сохранилось сведений. Предание говорит, что они были тайно унесены в Рязань и преданы земле в неизвестном месте.

В том же веке несколько благодарных князей прославились тихими подвигами благочестия.

Внук незабвенного и праведного великого князя Константина Всеволодовича, святой князь Роман Владимирович Углицкий — был добрым отцом своего княжества. В его обладании находились города: Углич, Кашин, Бежецк, Устюжск, Дмитров, Звенигород. Кроме того, он на высоком берегу Волги построил новый город Романов (против слободы Борисоглебской, почему он теперь Романов-Борисоглебский). Мудрый хозяин, он в разных местах своего княжества воздвиг до 15 храмов, устроил странноприимные дома и богадельни.

Ведя жизнь строгую, праведный князь ежедневно слушал церковную службу, любил беседы с иноками и чтение божественных книг. Оставшись одиноким, вдовый и бездетный, он последние годы жизни весь ушел в подвиги молитвы, поста и милосердия и среди них тихо

почил 3 февраля 1285 г.

В 1486 г. при копании рвов для фундамента Угличского собора, где был схоронен князь Роман, его мощи обреты нетленными. Он обгорел в 1609 г., когда ляхи зажгли собор. Останки св. мощей хранятся в соборе.

На юге России в это время сияли благочестием Василий Романович, князь Волынский, и его сын. Василий Романович был братом и верным сподвижником знаменитого Даниила, короля Галицкаго, славного столько же воинскими и государственными заслугами, сколько великодушием, милосердием, твердостью. По смерти брата Василий — или, как звали его, Василько — остался усердным и опытным руководителем его сыновей. Этот храбрый воин и добрый князь окончил (около 1270 г.) дни свои иноком. Он удалился в дикую, заросшую кустарником пещеру и здесь, посвятив себя суровым подвигам, оплакивал то, что было грешного в его былом мирском властолюбии и в его бранной жизни.

Наследник его области и сын его, Владимир-Иоанн, был горячим сторонником правды, кроток, милостив, воздержан, строг к себе, смел в бою и очень любил книжное знание, так что и прозван современниками *философ* (друг мудрости).

В четыре последние года жизни он вынес ужасное страдание. У него начала гнить нижняя губа; лекарства не оказывали никакого действия. Терпеливо снося боль, он не оставлял дел и ездил на коне. Недуг усилился. Отпала вся мясная часть бороды, выгнили нижние зубы и челюсть.

Приблизившись в таких страданиях к смерти, Владимир собрал все драгоценности, золотые и серебряные пояса свои и отца, мантии матери и бабки, утварь свою — большие серебряные блюда, золотые кубки. Все это он слил в гривны и разделил между бедными. Им распределил он также и княжеские стада.

Праведный князь Владимир скончался в 1289 г. и погребен в соборном храме г. Владимира-Волынского. Город Ярославль был также местом подвигов целой семьи святых князей.

Смоленский князь Феодор, по прозванию *Чермный*, взрос в страхе Божиим. Отличаясь мужеством и качествами доброго военачальника, он тем не менее удалялся от распрей и ссор. Его братья предоставили ему из всего княжества Смоленского небольшой городок Можайск, и потому он жил в Ярославле. Жена его, княгиня Мария, была дочерью последнего князя Ярославского, св. Василия Всеволодовича, и единственной наследницей княжества Ярославского. Жить в Ярославле ему было нелегко, так как теща его, вдовствующая княгиня Ксения, не хотела уступить ему власти.

Будучи с другими князьями в орде, князь очень понравился дочери хана, и ее мать предложила Феодору ее руку. Он не побоялся ответить, что он христианин, женат и по своему закону не может взять вторую жену. Отклонив с опасностью жизни это предложение и показав тем верность Богу, он вернулся домой. Но княгиня Ксения не впустила его в Ярославль и объявила, что там уже есть другой законный князь, рожденный от него, сын Марии, Михаил. Несмотря на вмешательство ордынского посла, властолюбивая Ксения так и осталась при своем.

Не хотел кроткий Феодор хлопотами у хана добиваться своего, и Господь наградил его за его миролюбие. Вскоре он овдовел, умерли его братья, и он получил после них княжество Смоленское.

Прибыв снова в орду, он был там встречен с радостью и с прежним чувством со стороны дочери хана. Теперь лишь языческая вера служила единственным препятствием для ее брака. Она приняла св. крещение с именем Анны и была обвенчана с Феодором. Хан назначил города для содержания дочери и зятя. Благочестивый князь испросил у тестя разрешение поставить несколько храмов в орде. Счастье не изменило ему; твердый в беде, он был тих в счастии и всего больше любил Господа.

Вскоре умер малолетний сын его, Михаил Ярославский; тогда князь Феодор отправился в Ярославль с княгиней Анною и двумя сыновьями от нее, Давидом и Константином. Жители Ярославля не хотели принять их, но князь привел смолян и смирил Ярославль.

Потом он стал оплачивать неусердному к нему городу благодеяниями. Он расширил Ярославль, окружил его земляным валом, построил и богато украсил несколько храмов. Особенно прилежал он монастырю Спасскому: часто там молился, оделял бедных, кормил братию. В княгине своей он видел полное сочувствие своей христианской жизни.

В сношениях с князьями он искал всю жизнь миролюбия, и частые их смуты удручали его тихую душу.

Достигнув старости и почувствовав близость смерти, он велел нести себя через весь город в Спасский монастырь.

Его поставили здесь в притворе, и игумен спросил его: «Что пришел, брат? Желает ли сподобиться ангельского образа?» Князь поднял руки к небу и сперва сказал: «Всей душой готов, Владыко и Творец мой, работать Тебе!» — потом ответил игумену: «Да, честный отче!»

Совершился обряд пострижения, и нового инока понесли в келью к игумену. Там весь день прощался он со всеми, исповедал всенародно все грехи и заблуждения своей жизни и простил всем все. Простившись с княгиней и детьми, он уговаривал их исполнять его наставления. Поздним вечером он просил игумена облечь его в схиму и затем выслал от себя всех, кроме игумена. Во время утрени он осенил себя знаменем креста и предал ясный дух свой Богу 19 сентября 1298 г.

Сыновья святого князя были наследниками отцовского благочестия. Младший, Константин, умер безбрачным, а старший, Давид, 23 года правил Ярославским княжеством и умер в 1321 году. Оба они положены возле родителя, в Спасском монастыре.

В 1468 г. Спасский архимандрит обрел нетленные мощи трех святых князей, перенес их в храм и положил в одной гробнице. Тогда начались от них исцеления и чудеса. Архиепископ Ростовский Трифон, не веровавший в их святость, был поражен расслаблением всего тела. Но, уверовавши, исцелился. Мощи свв. благоверных князей Феодора и чад его, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, почивают открыто в соборном храме Спасского ярославского монастыря

В 1692 году при построении новой церкви в бывшем Петровском монастыре, усыпальниц древних князей и княгинь Ярославских, были обретены мощи княгинь Ксении и Анастасии и князя Михаила; полагают, что это теща, сын и вторая супруга, княгиня Анна, в иночестве Анастасия, — св. князя Феодора Чермного.

Конец того же XIII века, столь обильного грустными историческими событиями и святыми князьями, которых Бог посылал для облегчения народа, украшен подвигами одного из северных князей: св. Довмонта Псковского.

Довмонт, язычник и литовец, князь Нальпанский, после кровавых событий в Литве, спасая жизнь, с 300 литовских семейств бежал в Псков. Здесь, как говорит летописец, на него дохнула «обновляющая благодать Божия», он принял св. крещение с именем Тимофея. Псковитяне посадили его на княжеском престоле и высватали ему внучку св. Александра Невского, княжну Марию, чтоб связать его с дорогим для них родом.

И этот пришлец стал княжить в Пскове, воскрешая прежние славные времена св. Всеволода, Мстислава и Александра. Он предпринял поход на Литву, которая часто из своих густых лесов вторгалась в русские пределы и уводила русских в плен.

Пользуясь тем, что князь Литовский в отсутствии, Довмонт, имея при себе всего 270 воинов, прошел с огнем и мечом по его владениям, забрал в плен и его жену, и семью, и толпы литовцев. Затем он выбрал 70 лучших воинов и перешел с ними Двину, а остальным велел с добычей идти в Псков. Скоро сторожевые дали знать о приближении литовского князя с войском. «Братья-псковичи, — сказал тогда Довмонт своим 70 воинам, — кто стар из вас, тот мне отец. Кто молод, тот мне брат. Я знаю ваше мужество. Перед вами жизнь и смерть. Братья мои, постоим за святую Троицу!»

Эти слова воодушевили эту небольшую горсть людей. С воинами Довмонт одолел литовцев, многих побил и потопил в Двине. На следующий год он снова ходил в Литву, опустошил ее и убил князя.

Так были смирены эти исконные враги западной русской окраины.

Еще важнее победы Довмонта над ливонскими рыцарями, которые, как было уже выше говорено, были врагами особенно опасными, потому что посягали не только на области наши, но главным образом хотели вооруженною рукою провести в Россию католическую ересь, называя нас не иначе, как язычниками.

Эстонские язычники издавна платили дань Новгороду, и потому, когда датчане стали заводить у них свои поселки, чтоб подчинить их себе, много русских князей в 1268 г. собралось в Новгород, чтоб идти в Эстонию и выгнать датчан. Пошел также с псковитянами и Довмонт.

В начале похода ливонские рыцари отрядили к русским послов, которые клялись, что рыцари не будут помогать датчанам, а желают сохранить с князьями мир. Но затем и начальник рыцарей, и епископ дерптский выступили на помощь датчанам. Между русским ополчением и союзными иноземцами произошла жестокая битва. Епископ дерптский был убит и с ним около полутора тысяч человек. В темноте ночи рыцари обратились в бегство. Новгородцы ушли домой, а Довмонт с псковитянами прошел до самого моря, разорил капища эстов и вернулся домой, ведя с собою множество пленных. Вскоре немцы тайно вступили в псковскую область и ограбили несколько сел. Довмонт с небольшим отрядом настиг и разбил их. Некоторые скрылись на острове. Довмонт велел зажечь траву и так истребил клятвопреступников.

На следующий год, пылая местию, начальник ордена собрал 18000 войска и пошел на Довмонта. Он грозил сровнять Псков с землею и осадил город. Убедившись личным осмотром в силе неприятеля, Довмонт осмотрел войско и пришел помолиться в Троицкий собор. Там положил он меч свой перед алтарем, пал на лицо и молился так со слезами: «Господи Боже сил, призри на кротких и смиренных рабов Твоих и смири высокоумие гордых!»

Игумен Мирожского монастыря опоясал князя мечом и благословил на битву за веру и Псков. Довмонт не стал дожидаться новгородцев. Он ударил с дружиной на немцев, разрубил магистру лицо и истребил несколько тысяч латинян. На десятый день подошли полки Новгородские. Немцы устремились в бегство, и потом был заключен мир на условиях, предписанных Довмонтом.

Все эти победы Довмонта надолго доставили покой западной нашей границе. Но не одними подвигами для охранения русской земли прославился Довмонт. Он оставил в Пскове вечную о себе память своим добрым управлением. Из купели крещения он вышел истинным христианином и, обнажая меч за веру, в то же время утешал своею кротостью свой народ. Он судил право, слабых не давал в обиду, постоянно благоволит бедствующим, посещал заключенных в темницах, покоил странников, любил духовенство и строил храмы. К себе был строг, смирял себя постом и чтил праздники.

Из городских сооружений Довмонта памятна построенная им каменная стена, которая до XVI века называлась Довмонтовою. Уже перед самою кончиною ему пришлось снова отразить немцев от Пскова. В начале 1299 г. ливонские рыцари неожиданно окружили Псков, грабили монастыри в его предместьях, убивали безоружных монахов, женщин и младенцев. Уже слабеющий старец, но пылкий духом воин, Довмонт вывел свою малочисленную дружину и сразился с немцами на берегу Великой. Он смел немцев в реку, начальник их был ранен; Довмонт захватил множество их оружия и отправил пленников к великому князю.

Через несколько месяцев князь заболел павшею на Псков заразительною болезнью и 20 мая 1299 г. скончался. Народ горько плакал, погребая в соборе Св. Троицы тело любимого князя. 33 года верно трудился он «за Святую Троицу» и возвеличил призревший его город Псков. Верил, что мужественный и праведный князь получил дерзновение у престола Божия за свой народ.

Псковитяне молились ему перед битвами, в 1374 году построили ему храм. Когда в 1480 г. сто тысяч немцев осадило Псков, св. Довмонт явился во сне одному благочестивому человеку и сказал ему: «Возьмите покров гроба моего, трижды обнесите вокруг города с крестным ходом, молитесь и не бойтесь». Псковитяне исполнили повеление св. князя, вступили смело в бой и

заставили немцев снять осаду.

У дубовой гробницы, стоящей в верхней церкви в приделе св. князя Всеволода — Троицкого Псковского собора, хранится древняя его икона и висит его меч. Псковитяне особенно уважали этот так долго и славно оборонявший их меч, вручали его князьям, возводя их во Св. Троице на княжение. Он размерами меньше и не так изящно отделан, как меч св. Всеволода. Оба меча носят во время крестных ходов.

Супруга благоверного князя Довмонта, внучка св. Александра Невского, блаженная княгиня Мария, лишь на год пережила супруга и почил, приняв иночество с именем Марфы. Она погребена в Предтеченском храме монастыря того же имени. Память ее местно чтится 6 ноября, и в рукописных святцах она показана в числе святых.

На чудотворной Мирожской иконе Богоматери, прославленной в 1567 году, изображены молящимися: по правую руку Богоматери — св. Довмонт, а по левую — блаженная княгиня Мария.

Последнею чистою жертвой, замученною татарами, отошел св. великий князь Михаил Ярославич, тверской чудотворец.

Св. Михаил всю жизнь особенно почитал свою мать, княгиню Ксению, умную и добродетельную, которою был воспитан. Есть предание, что она была помолвлена за отрока княжеского Григория, как ее увидел князь Ярослав и женился на ней, а Григорий отрекся от мира и основал близ Твери Отроч монастырь. Благочестивая княгиня Ксения почил незадолго до сына в 1312 г., приняв пострижение. Она погребена в тверском соборе. В его ризнице хранится древний образ св. Михаила и блаженной матери его Ксении; они держат руками город. Тверитяне чтут память княгини Ксении, как молитвенницы за родину.

Выросши под руководством благочестивой матери, св. Михаил всю жизнь остался верен своему воспитанию, и стремление покоить землю даже ценою уступок всегда руководило им. Вступая по праву старшинства на престол великокняжеский, Михаил должен был вынести борьбу с племянником, Георгием Московским; наконец он получил утвердительную ханскую грамоту.

Три года Георгий, живя в орде, искал у ордынских вельмож, дарил их; наконец, угодил новому хану Узбеку, который выдал за него любимую сестру, Кончаку (в крещении Агафью), объявил его великим князем и дал войско. Тогда недостойный Георгий с татарами и их воеводою Кавгадыем пошел на Тверь.

Михаил отправил к племяннику послов, говоря: «Если то угодно царю — будь великим князем, но оставь меня спокойно княжить в моем уделе. Иди во Владимир и отпусти войско».

Георгий вместо ответа принялся опустошать Тверское княжество. Угнетаемый Михаил созвал тогда на совет епископа и бояр.

— Судите, — сказал он, — меня с племянником. Я отдал великое княжество Георгию, а он посягает на голову мою и терзает мой наследственный удел. Кто из нас виноват?

— Ты прав перед Богом, государь, — отвечали все. — Возьми меч и иди на врага. С тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за тебя!

— Не за меня одного, — сказал князь, — но за множество невинных людей, лишаемых крова, свободы и жизни.

Вспомните слово евангельское: «Кто положит душу свою за други, тот велик наречется. Да будет вам слово Господне во спасение!»

Мужественно встретил Михаил в 40 верстах от Твери полки Георгия, соединенные с татарами и мордвою. Во время битвы Михаил, казалось, искал смерти: шлем его и латы были все иссечены и прострелены, но он остался цел и невредим, отражал неприятеля и наконец погнало его. Эта победа спасла множество жителей Тверской области, взятых в плен татарами. Они во время сражения молились за исход битвы и, видя торжество князя, плакали от радости. Вместе с другими пленниками Михаил захватил жену Георгия и военачальника Кавгадыя. Угостив Кавгадыя, Михаил обласкал его и отпустил к хану. Тот лицемерно клялся ему в дружбе. К несчастью, жена Георгия скоро умерла, и враги Михаила распустили слух, что она отравлена.

Зная свою правоту, Михаил после отъезда Кавгадыя предложил Георгию ехать с ним в орду на суд, а пока спокойно занимался делами княжения. В это время Георгий поспешил предупредить дядю в орде и очернил его перед ханом. Наконец, собрался ехать и Михаил. Принял он благословение от епископа, перекрестил детей и отправился в путь. Добрая супруга его, княгиня Анна, провожала его часть пути. На месте разлуки Михаил исповедовался своему духовнику.

— Может быть, — говорил он, — последний раз открываю тебе мою душу. Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий. По крайней мере, буду доволен, если хоть моя смерть успокоит Русь.

Во Владимире посол хана объявил князю его гнев. Бояре советовали Михаилу остановиться; сыновья молили послать за себя когонибудь из них.

— Нет, — отвечал князь: — хан требует меня, а не вас. Подвергну ли отечество новой беде? Можем ли бороться с их силой? За мое послушание падет множество христиан. Мне и тогда придется умереть. Не лучше ли умереть теперь, когда гибелью моею я еще могу спасти других?

Михаил написал завещание, распределил уделы между сыновьями, дал им отеческое наставление, как жить добродетельно, и простился с ними навсегда.

Михаил нашел Узбека на берегу Азовского моря, у устьев Дона, вручил ему дары и шесть недель жил в орде спокойно. Вдруг хан приказал рассудить его с Георгием. В числе судей были Кавгадый и ханские вельможи, подкупленные Георгием.

Его осудили, взведя неправильные вины — между прочим отравление ордынской царевны, — удалили от него верных слуг и наложили на него колодку.

Хан Узбек отправлялся на звериную ловлю. За ним тронулась вся орда. Повлекли вслед и Михаила. Обремененный цепями и тяжелой колодкой, он терпел твердо унижение и муку, готовился к смерти, несколько раз приобщался, беседовал о будущей жизни с находившимися при нем игуменом и двумя священниками. Ночи он проводил в молитве и чтении псалмов Давидовых по книге, которую отрок княжеский держал и перевертывал в ней листы. Несколько раз предлагали ему бегство; были наготове и быстрые кони, и проводники.

Князь же отвечал:

— Не дай Бог и думать о том. Своим спасением подвергнуть беде мой народ!.. Да будет воля Божия.

За Тереком, у Дербента, Узбек подтвердил смертный приговор Михаилу. Стратотерпец не ужаснулся смерти. Он отслушал утреню, благословил бывшего при нем сына и пересказал ему последний завет для супруги, детей и братьев. Окончив земные дела, он велел подать псалтирь и произнес: «Прискорбна душа моя до смерти!»

Разогнув псалтирь, он прочел раскрывшиеся слова: «Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя!»

Содрогнулась душа князя. Игумен сказал ему тогда:

— В том же псалме сказано: «Возверзи на Господа печаль твою!»

И князь договорил великие слова — слова стремления верующей души к вечному Богу: «Кто даст ми крыл яко голубине, и полещу, и почию?» — и он закрыл книгу.

В это время в ставку вбежал бледный, дрожащий отрок княжеский, с вестью, что князь Георгий и Кавгадый с толпою народа приближаются к ставке.

— Ведаю для чего! — спокойно произнес князь и послал юного сына к жене Узбековой с просьбой сберечь его.

Георгий и Кавгадый остановились на площади, близ шатра, разогнали всех людей княжеских и послала в шатер убийц. Убийцы повергли его на землю, истязали, топтали ногами. Наконец, один из них вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Тело князя лежало нагое, пока народ, по татарскому обычаю, грабил имущество убитого. Только Кавгадый сумрачно напомнил

Георгию;

— Он твой дядя. Оставишь ли труп его на поругание?

Тогда Георгий приказал слугам покрыть князя. Мученический подвиг святого князя совершился 22 ноября 1319 г.

Тело Михаила было сначала погребено в Москве, потом, по просьбе вдовы и сыновей князя, Георгий отпустил гроб в Тверь. На берегу Волги вдовствующая княгиня Анна с сыновьями, народ и духовенство встречали тело. Когда подняли крышку гроба, — увидели тело нетленным, нисколько не поврежденным ни дальним путем, ни пятимесячным пребыванием в могиле. Мощи предали земле в соборном храме, где в 1765 году они снова обретены нетленными и поставлены тогда открыто. Старый подлинник изображает св. князя с большой бородой, с проседью в волосах. На голове шапка, в правой руке крест, в левой меч в ножнах.

Современники высоко чтили память св. Михаила, его великодушие и терпение в бедствиях; особенно же жалели о нем тверитяне, потерявшие в нем отца.

Убийцы Михаила понесли от Бога заслуженную кару. Кавгадый вскоре погиб внезапно. А через шесть лет по убиении св. Михаила старший сын его, Димитрий, по прозванию «Грозные очи» встретил князя Георгия в Орде, затрепетал от ужаса и гнева и вонзил по рукоятку свой меч в грудь Георгия на глазах хана. Георгий тут же умер, а Димитрий был казнен.

Наравне с памятью матери св. Михаила, блаж. княгини Ксении, почитается в Тверской области память и супруги его.

Блаж. княгиня Анна Дмитриевна пробыла 25 лет в супружестве. После страдания св. Михаила, она с именем Софии приняла пострижение в тверском Софийском монастыре и жила то в Твери, то в Кашине, где и почил 2 сентября 1338 года. Ее тело почивает в Кашинском соборе.

Москва. Св. Даниил Александрович Московский. Иоанн Данилович Калита. Дмитрий Иоаннович Донской и св. Ефросиния, великая княгиня Московская

От тягостных времен татарщины, от исчисления князей-страстотерпцев, от описания жертв, понесенных за родную землю ее правителями в безотрадные дни ига, пора перейти к иным временам, озаренным занимающим сиянием новой владычицы земли Русской — Москвы.

В грозном испытании ига закалив русский народ, единством пережитого бедствия, приучив отдельные княжества больше, чем прежде, чувствовать общность судьбы для всех составлявших Русь частей, развив в народе драгоценные свойства смирения и терпения — Господь постепенно подготовлял избавление Русской земли и образовывал силу, которая должна была послужить орудием такого избавления.

То была Москва.

Главою Руси надлежало стать совершенно новому городу, который именно вследствие условий своего развития, вследствие того, что сам он вырос под игом и мог совершить нужную работу для освобождения от ига.

Москва представляет удивительную противоположность Киеву в том именно, что сгубило Киев и Киевскую Русь.

Как Киев был весь — порыв: своеволие и разногласие князей, господство личных расчетов, неповиновение духовным наставникам; так Москва вся — сосредоточие, покорность раз принятому направлению, которому безусловно подчинялись все московские князья, и удивительное согласие мирской власти с советами духовных пастырей.

Величие Москвы основано даже на *послушании*, на исполнении Иоанном Калитой слова митрополита Петра, и это послушание продолжалось и дальше, когда московские великие князья трудились при благословении и непрестанных советах святителей Петра, Феогноста, Алексия, Киприана Фотия, Ионы, которых имена нераздельно соединены с именами современных им московских государей.

И это сознательное искание московскими князьями в их деле помощи и благословения Божия придало делу Москвы особое духовное величие. Оно осватило в глазах народа и это дело, и этот город, ставший на пророчествах, поднятый преемственным рядом святых князей и святых митрополитов. А вера тех и других и народа в высокое призвание Москвы вызывала великие чудеса Божии на помощь в исторических несчастиях Москвы.

И в этой суровой, ничем не отвлекаемой и из поколения в поколение сознательно преемственной работе возвысилась Москва и совершила волею Бога свое назначение.

Величайший подвижник русского дела в безотрадный век ига, св. Александр Невский, умирая, оставил России то семя, от которого поднялся и процвел корень московских князей. Какое-то особенное значение чувствуется в младенце-князе, младшем сыне великого Александра, который и становится первым московским святым и родоначальником благоверных великих князей московских.

Чрезвычайна судьба Даниила. Он остался после отца двухлетним и, хотя не успел воспользоваться его наставлениями, однако изо всех своих братьев один усвоил его благочестие и за то, как говорит летописец, Бог возлюбил и избрал его.

В то самое время, когда и у взрослых, сильных князей другие отнимали уделы, никто не нападал на незначительный удел младенца-князя с ничтожным городом Москвою. Выросши, он постарался мирным способом без насилия увеличить свой удел — и, хотя и вовлекаемый в междоусобия князей, держал себя умеренно, бережа совесть, ища утолять ссоры любовью. Мужественный духом, храбрый в бою, он только из крайней необходимости для обороны от врагов брался за меч. И все добрые качества его тихой души еще на земле получили награду.

У него был племянник Иоанн Дмитриевич очень с ним дружный, владевший весьма значительным в то время и важным Переяславским уделом. Умирая бездетным, он отказал свой удел дяде.

Тогда народ, видя, как сам Бог заботится о кротком Данииле, прозвал его «Богоснабдимым».

Слияние Москвы с Переяславлем было первым крупным шагом к росту Московского княжества. Даниил кончил жизнь, как вел ее, в подвигах благочестия. На берегу реки Москвы он построил деревянную церковь во имя своего ангела, при ней монастырь, и постригся здесь в схиму. Он преставился 4 марта 1303 г., смиренно завещав положить себя не в церкви, а на монастырском кладбище. Он же построил храмы во имя Преображения (Спас на Бору) и Михаила архангела (Архангельский собор) — в нынешнем Кремле.

В первое время после князя Даниила монастырь существовал, но потом запустел, и осталось одно сельцо Даниловское с деревянной церковью. При великом князе Иоанне III один боярин ехал мимо этого места, как явился ему неизвестный муж и сказал: «Не бойся меня: я христианин и господин сего места. Имя мое Даниил, князь Московский. Скажи от меня Иоанну: сам ты тешишь себя, а меня забыл. Но не забыл меня Бог мой».

При сыне Иоанна, Василии III, последовало новое знамение: боярин князь Шуйский, сходя с лошади, наступил ногой на могилу князя и тут же был наказан падением. Он понял свое неуважение к святому месту и потом часто ходил сюда петь панихиды. При Иоанне Грозном исцелился у гроба св. Даниила сын коломенского купца, и тогда учрежден крестный ход для совершения панихиды по князю-схимнику и возобновлен на царское пожалованье монастырь. В 1652 г. обретены нетленными мощи св. князя Даниила.

К сожалению, должно сказать, что Москва недостаточно помнит первоначальника своей славы, поныне заслуживая упрека.

В 1328 г. сын Даниила Иоанн Данилович стал великим князем. Он был первый московский князь, восшедший на престол великокняжеский и оставшийся навсегда жить в Москве, прикрепив к Москве таким образом этот престол. Еще чрезвычайное событие возвеличило при нем Москву: перенесение сюда из Владимира кафедры митрополичьей.

Святитель Петр, неутомимый поборник Церкви и родины, часто навещал в Москве Иоанна и оценил и доброту и способности его и, по внушению Божию, св. Петр переселился в Москву и

сказал пророчественное слово Иоанну: «Если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм достойный Богородицы, то прославишься больше всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде. Святители захотят обитать в нем, и руки его взыдут на плеча врагов наших».

Исполняя волю великого старца, Иоанн в 1326 г., 4 августа, заложил первую в Москве каменную церковь во имя Успения Богородицы, где своими руками св. Петр устроил себе каменный гроб, в котором через несколько месяцев и положили его. Преемник св. Петра, а за ним и следующие митрополиты оставались в Москве.

Иоанна Данииловича не было при кончине св. Петра, и святитель оставил ему такие прощальные слова: «Оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, мир и благословение от Бога и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеют от семени его обладающие местом его, и память его прославится».

Святитель Петр зажег такую свечу, огонь которой заботливо поддерживали пожившие после него князья и святители. Этим огнем горела жизнь великих тружеников московского государственного дела, на этот огонь собралась к Москве Русская земля перед Куликовым полем; ее пламенем горели сердца незабвенных бойцов того дня.

А огнем, возженным от святителя Петра, — была вера в Божье к Москве милосердие, вера в будущее России и в назначенное ей величие.

И началось с того дня государственное возрождение России; стала созревать в городке, дотеле маловатом, мысль спасительного единодержавия, скопилась мужественная воля порвать узы ханские, подготовились средства к независимости России.

В высшей степени умело обращаясь с татарами, Иоанн частыми путешествиями в орду покоил русскую землю. При нем мир и тишина воцарились в северной России, христиане на сорок лет опочили от истомы и долговременных насилий. Земледельцы могли спокойно обрабатывать нивы, купцы торговать, а бояре жить в избытке. Прекрасный хозяин, Иоанн покупал или выменивал новые владения и расширял княжество, а прочих князей держал в повиновении. Одно лишь было на нем пятно: борьба с князем Александром Тверским, закончившаяся мучением Александра в орде.

Потомство дало Иоанну имя Собирателя земли Русской, современники звали его государем-отцом. Он берег русскую кровь, освободил великое княжение от внешних и внутренних врагов; дал гражданам безопасность, истребил разбои и был правосуден. Жители других русских областей завидовали устройству и тихой жизни в областях Иоанна.

Расположение к Иоанну, как к правителю, усиливалось любовью к нему, как к человеку. Глубоко набожный, усердный в возведении храмов (Успенский, Архангельский соборы, Спас на Бору и другие), мягкий в обращении, милосердный к нищим, домовитый, добрый строитель и хозяин: таков был Иоанн. Он всегда носил с собою мешок или *калиту* с деньгами для бедных. Поэтому и известен он у потомков под именем Иоанна *Калиты*.

Он скончался далеко не старым, 31 марта 1340 г., и погребен в возведенном им Архангельском соборе.

Есть трогательное сказание о греющем отношении Иоанна Калиты к бедным. И именно эта черта его так и привлекала к нему любовь народа. Один нищий только что получил от князя милостыню и сейчас же подошел, чтобы взять еще. Потом он зашел сзади и стал опять просить. Князь без задержки подал ему и в третий раз, только промолвил:

— Возьми, насытыя зеницы.

— Ты сам насытыя зеницы, — быстро ответил нищий, — и здесь царствуешь, и там хочешь вечно царствовать.

То же предание говорит, что кто-то в видении видел Иоанна в раю. В рукописных святцах он поставлен в число святых.

В конце XIV века назначено было Руси выступить на решительный и победоносный бой с

татарами.

Мудрые действия московских князей настолько усилили Русь, что возможным стало думать о борьбе, и на нее решился внук Калиты, великий князь Дмитрий Иоаннович. Оставшись после отца своего по девятому году, он был воспитан под непосредственным руководством великого и незабвенного святителя Алексия, государственной деятельности которого Россия обязана вечною благодарностью. Происходя из знатного боярского рода, крестник Калиты, он в юных летах оставил мир, и пышно расцвели душевные его силы в подвигах иночества. В сане митрополита он чудесно исцелил ослепшую жену хана, и когда новый хан обнаружил враждебные намерения против Русской земли, св. Алексей взял на себя укротить его жестокость, опять поехал в орду и с помощью благодарной ему ханши-матери утолил губительный для России гнев. Среди той торжественной встречи, которую устроили святителю в Москве, выделился поступок восьмилетнего Дмитрия. Расплакавшись от умиления, он воскликнул с силою, необыкновенной для его возраста:

— О, владыко! Ты даровал нам *житие мирное*: чем изъясним тебе свою признательность?

Двенадцати лет занял Дмитрий престол великокняжеский, и именно руководство святителя Алексия давало Руси то спокойствие, в котором она могла собраться с нужными силами.

В 1380 году, после разных недоразумений с ханом Мамаем, Дмитрий решился вступить с ним в открытую борьбу и, помолясь, разослал гонцов по всем областям великого княжения, чтоб немедленно сходились к Москве ратные люди.

Велик был этот день, когда взросший среди старых воспоминаний о Батые, о Калке, о Сити, о целой нескончаемой кровавой цепи князей-мучеников, Дмитрий решил кликнуть клич к Руси для боя и свободы. И та Русь, которую он звал теперь, не была раздробленная, междоусобная Киевская Русь далеких дней; Московская Русь поднялась по его слову, как один человек.

Бесконечную вереницею вступали в Кремль спешившие от всех сторон дружины; их выслали из Ростова, Белозерска, Ярославля, Владимира, Суздаля, Переяславля, Костромы, Мурома, Дмитрова, Можайска, Углича, Серпухова. Стук оружия не умолкал в Москве, и народ с умилением смотрел на воинов, готовых умереть за свободу родины и за святую веру. Настало точно пробуждение от долгого сна. Ужас имени татар словно исчез. Никогда, казалось, государь не обнажал меча при таком единодушном сочувствии народа.

Пока сильные вооружались, слабые, женщины и дети молились, и первую из них была любящая и благочестивая великая княгиня. Преп. Сергей игумен, к которому пошел Дмитрий за благословением, предсказал ему уцеление в битве и полную победу, с большой потерей убитыми. Духовенство с крестами и чудотворными иконами собралось вместе с оставшимся в Москве народом проводить ополчение. Великий князь молился над прахом предков. Он сдержал слезы, прощаясь перед народом с супругой, и лишь сказал:

— Бог наш заступник!

Колокола гудели, народ стремился за ополчением, крича пожелания победы. Тихое и ясное утро казалось предзнаменованием ее. Настал день 8 сентября. По всей Руси народ не выходил из храмов, прикованный душою к великому русскому ополчению.

И оно стояло на поле Куликовском, многочисленное, как не бывало никогда в славнейшие времена свободы, — 150 бодрых тысяч, покорных одной государевой воле, вдохновенных одной верой святой. В прозрачном осеннем воздухе солнце озаряло необозримые русские ряды, бесчисленные знамена развевались по легкому ветру, блестели доспехи и оружие, и неслись перекатом клики:

— Боже, даруй победу!

И видел все это с высокого холма славный Дмитрий. Воскресли в нем и детские мечты, и затаенные давние надежды, которым время было воплотиться. И он смотрел в сосредоточии на этих людей, зная, что сейчас придет смерть ко множеству из этих лучших сынов, каких

выслала сюда на суд Божий Русская земля. Вспомнил он лежащую за ними, замирающую в страхе и надежде родину; помянул прежние времена, и в одно мгновение промчалась перед ним вся страдная жизнь этой земли, столько раз истерзанной, поднялись окровавленные тени предков, застонали тяжелым стоном давние могилы. И вспомнились мудрые советы ведшего Русь к воле святителя Алексия и пророчество игумена Сергия. Все вспомнил он. И знал он, что в тот час за себя молится неумолчной могучей молитвой вся Русская земля. А яркое солнце сияло над полем и над великим ополчением земли Русской, искавшей здесь суда Божия. Умилился Димитрий духом, пал на колени и простер руки к золотому лику Спаса, сиявшему вдали на черном великокняжеском знамени. Помолился в последний раз за Россию. И Бог услышал его.

Нам не понять теперь, чем была для России весть об одолении татар в великой Куликовской битве: чудная весть свободы и славы.

Когда в 1389 г., едва достигнув сорока лет, Димитрий преставился, то скорбь о нем народа была безмерна. Стоны и вопли долго не смолкали при дворе и на улицах. Никто из потомков Владимира Святого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был так любим и боярами, и народом за великодушие, любовь к славе Руси, справедливость, ласку, добросердечие. Силою быстрого разума, качествами твердого нрава он заслужил от современников прозвище *орла высокопарного*. Словом и примером вдыхал он мужество в сердца воинов и, младенец незлобием, умел, однако, твердо карать злодеев. Особенно поражала современников его умеренность в счастье. Не было дотоле победы на Руси более славной, чем Донская; а Димитрий на хвалу народа опускал очи к земле, относя всю славу всемогущему Богу. Чистый душою, хранил до конца дней девическую стыдливость. С горячею ревностью привязанный к Церкви, он ежедневно ходил в храм, часто приобщался и, смиряя плоть, носил власяницу на голом теле. Таков был тот, чья великая душа услышала в Русской земле биение народившейся народной силы и кто первый сокрушил долговременные узы.

Над гробницею Димитрия в Архангельском соборе неоднократно зажигались свечи, и в рукописных святцах он вписан в число святых.

Вместе с благоверным великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским светила народу московскому его благочестивая княгиня. Дочь князя суздальского, Евдокия Дмитриевна провела детство отчасти в Суздале, отчасти в Переяславле, и 18 января 1367 г. в Коломне обвенчана с весьма юным великим князем Дмитрием.

В молодой жизни своей супруги, казалось, соперничают в добродетелях: милосердии, чистоте, ночной молитве. Это настроение их поддерживал считавшийся как бы отцом их святитель Алексей и духовник их, св. Феодор Симоновский; великий Сергей преподобный был крестным отцом их детей. Когда настала борьба с Мамаем, великая княгиня поддерживала супруга в его намерениях, с твердостью проводила его на страшный бой и денно-ночными молитвами помогала общему делу. В память победы воздвигла она в Кремле каменную церковь Рождества Богородицы; много построила и других храмов. Умирая, Димитрий наказывал детям слушать во всем мать, и из завещания его видно, как он чтит свою супругу.

В раннем вдовстве своем она усилила подвиг благочестия. Но, насколько любила она добродетель, настолько же ненавидела ее личину и искусно скрывала высокую свою жизнь. Изнуряя тело постами, она хотела казаться тучною; носила на себе сколько одежд, украшала себя драгоценными камнями, везде являлась с лицом веселым и радовалась, слыша, что злословие представляет ее добродетель сомнительною: говорили, что она желает еще нравиться и ведет жизнь нечестную. Эта молва оскорбила ее детей, которые не могли скрыть своего беспокойства от матери. Евдокия тогда собрала их к себе, спустила с себя часть одежды, и ужаснулись сыновья, видя худобу ее тела и кожу, иссохшую от постоянного воздержания.

«Верьте, — сказала княгиня детям, — что мать ваша чиста. И соблюдайте мою тайну. Кто любит

Христа, должен сносить клевету и благодарить за нее Бога».

Явление ангела возвестило ее кончину. После видения она онемела и знаками потребовала икону. Когда ей подали образ св. архангела Михаила, она обрадовалась и стала говорить. «Таким явился он мне!» — произнесла она.

Тогда пожелала она заключиться в Вознесенской обители, которую воздвигла на месте прежних великокняжеских теремов. Когда шла она туда, окруженная народом, по дороге нищий-слепец закричал ей: «Боголюбивая княгиня, кормилица нищих, ты обещала во сне даровать мне Вознесенский монастырь. Исполни же слово твое!» Будто не внимая ему, точно нечаянно, княгиня опустила ему длинный рукав рубашки, слепой отер им глаза и прозрел. Во время этого шествия ее исцелилось до 30 человек. В силенных подвигах молитвы недолго шла благоверная великая княгиня и 7 июля 1407 года преставилась в иноческом имени Ефросинии. Ее мощи почивают в соборном храме созданной ею обители.

Благоверный князь Олег Рязанский. Димитрий Красный. Прп. Михаил Клопский. Прп. Иоасаф Заозерский. Блж. Иоанн Углицкий. Блаженная великая княгиня Соломония, в иночестве София. Св. мученик Димитрий Царевич

Среди современных Димитрию Донскому русских князей замечательна судьба князя Олега Рязанского. Бодрый, способностей выдающихся, он постоянно враждовал с великим князем, и когда Димитрий пошел на Мамай, Олег, ссылаясь с союзником Мамай, королем польским, не пристал к Димитрию. Незадолго до смерти Димитрия, преп. Сергей Радонежский ходил в Рязань, чтобы примирить Димитрия с коварным и мятежным Олегом. И тут умягчилось бурное сердце: он заключил с Димитрием искренний союз. Вероятно, воздействию тихой святыни дивного старца нужно приписать перелом, происшедший в жизни Олега. Перед концом ее, мучимый раскаянием за все, что было в ней темного, он принял иночество и схиму в основанном им в 18 верстах от Рязани Солотчинском монастыре. Там жил он в суровых подвигах, нося власяницу, а под нею ту стальную кольчугу, которую не захотел надеть, чтобы оборонять отечество против Мамая.

Инокинею кончила жизнь и благочестивая его супруга, княгиня Евфросиния. Их общая гробница в соборе обители.

Многие жители Рязани и соседних уездов бывают здесь на поклонении иноку-князю и служат по нему панихиду, испрашивая себе его молитв, при чем, обыкновенно, надевают на себя его кольчугу.

Замечательны обстоятельства кончины родного племянника Донского, князя Димитрия Юрьевича Красного, которого признавали современники праведником. Кроткий и набожный, он не принимал участия в кровавых распрях, которые возбуждали братья его Василий Косой и Дмитрий Шемяка, и умер он в ранней молодости.

За несколько часов до смерти он лишился слуха и вкуса; кровь лила из носу, и еле-еле его могли приобщить. Тогда он успокоился и уснул. Поздним вечером увидели, что он умирает; прочли над ним отходную и, думая, что он скончался, одели его как мертвеца, положили под иконы и стали читать над ним псалтирь. В полночь, к общему ужасу, он зашевелился, скинул с себя покров и, не открывая глаз, стал петь церковные песни. Перед утренею духовник принес св. Дары. Князь, открыв глаза, сказал: «Радуйся, утроба Божественного воплощения!» (слова из акафиста Богоматери) и причастился. Три дня пел он церковные песни и говорил о духовных предметах, узнавал людей, но сам ничего не слышал; наконец, умер. Тело его, перенесенное в Москву, покоится в Архангельском соборе.

Дивным смирением просиял в Новгороде один из русских князей.

Однажды летом 1408 г. во время утрени в Клопском (в 20 верстах от Новгорода) монастыре иеромонах, кадя по церкви, захотел окадить и свою келью. Он нашел ее отворенною, и в ней неизвестный человек в монашеском одеянии писал книгу. В ответ на вопросы игумена и

братии, он повторял все те же слова, представляя из себя юродивого. Но на литургии он прекрасно читал апостол, а за трапезою — житие, и игумен дал ему келью.

Случилось посетить обитель сыну Донского, Константину. Во время трапезы он долго всматривался в пришельца и, наконец, поклонился ему и сказал игумену: «Это наш сродник Михаил, из княжеского рода».

О себе подвижник не открыл ничего. В нем был дар чудес и прозорливости. Однажды во время засухи, когда пересохли речки и источники, он извел молитвою поток свежей и чистой воды. Другой раз стал он трезвонить и *объявил*: «Теперь в Москве радость: у великого князя родился сын Иван. Он покорит Новгород и изменит все ваши обычаи».

Свободно говорил он князьям русским всю правду в лицо. Воздержание его было безмерно: ел раз в неделю сухой хлеб и пил немного воды. В келье у него не было ничего, даже рогожи: он спал на голом полу и не знал теплой одежды. Он почил после 45 лет, проведенных в Клопском монастыре, 1 января 1454 г. Там и почивают его мощи.

Правнук Дмитрия Донского, воспитанный благочестивыми родителями, князь Андрей Дмитриевич Заозерский, рано остался сиротою, и у него отняли отцовский удел. Он пришел в Спасокаменный монастырь и просил у игумена пострижения.

Нерасположение к юноше великого князя Василия, 20-ти летний возраст, знаменитое происхождение — все это смущало игумена.

— Место твое, — сказал он, — не здесь, а в думе боярской или на поле битвы.

— Напрасно смущаешься, отче, — отвечал князь, — я твердо решил не принимать от других услуг, а служить сам другим и нести крест по следам Господа моего!

Князь принял пострижение с именем того царевича индийского Иоасафа, который ради Христа оставил царство, — и стал удивительным подвижником. Братию видел он лишь в церкви; все время молился или думал о вечности и еще на земле удостоился он небесных видений. Его дяде пришло на мысль посетить племянника и предложить ему денег для построения собственного монастыря.

— Когда желаем пустыни, — ответил он дяде, — не нужно нам серебра и золота. Раздай бедным, что принес.

Чувствуя, что недолга его жизнь, юный подвижник спешил творить добро. Пять лет подвизался он и почил 10 сентября 1453 г. Его мощи стали источать исцеления. Они покоятся в Вологодском Духовом монастыре.

Троюродный брат преп. Иоасафа, тоже правнук Дмитрия Донского, сын Андрея Васильевича Углицкаго, Иоанн, со старшим братом Дмитрием был заключен в Вологде в тюрьму великим князем Иоанном III, по несправедливому подозрению.

Старший брат тосковал и горько жаловался на судьбу, а Иоанн, кроткий да богобоязненный, благодарил Бога, черпая силу в молитве, и утешал брата:

— К чему скорбеть, — говорил он, — Бог внушил великому князю позаботиться о спасении душ наших. Все в мире грешно и тленно, и от всего этого мы избавлены. Тесен затвор? Но не тесным ли путем шли в царство небесное святые? Будем же и мы подражать им. — Так обратил он тяжкое испытание в путь спасения. Предчувствуя кончину, он пожелал пострижения, которого не принимал раньше, чтобы не разлучаться с братом, которому так был нужен. Постриженный с именем Игнатия, он причастился св. тайн, осенил себя крестным знамением и сказал: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!» Он почил 45 лет от роду, 19 мая 1523 г.

Горько оплакивал его брат Дмитрий, но, видя светлость лица усопшего, точно живого, ощущая благоухание от него, успокоился в вере святости его. Весь город собрался к темнице, так как почившего уважали в узах более, чем других в славе. Во время погребения его совершилось несколько чудес. Брат его после нескольких лет заточения был отпущен на свободу и после смерти похоронен в ногах своего утешителя.

Мощи преп. Иоанна-Игнатия покоятся в Вологодском Прилуцком монастыре; и в тюремной церкви, окруженная теплым усердием вологжан, стоит икона Богоматери, перед которою молились невинные князья-узники и которая составляла их единственное отцовское наследие.

В Покровском девичьем монастыре города Суздаля почивают мощи великой княгини-инокини Софии.

Дочь боярина, Соломония Сабурова, вступила в брак с великим князем Василием III и не имела детей. После 20-летнего супружества Василий решил постричь ее и жениться на другой. Тщетно лучшие иерархи доказывали незаконность такого поступка, тщетно отказали ему в согласии на новый брак и восточные патриархи, причем патриарх иерусалимский Марк, исполняя духа пророческого, предсказал, что если Василий дерзнет вступить в брак, то будет иметь сына, который удивит мир своею лютостью. Соломонию постригли в московском Рождественском монастыре, а ее муж вступил в новый брак, которого плодом был Иоанн Грозный. С отчаянием приняла Соломония пострижение, билась о землю, вырывала ножницы, но впоследствии изгнала из души всякое воспоминание о мире и достигла святости. После 17 лет заключения она почилла 16 декабря 1542 г. Современники считали ее преподобномученицей, и от гроба ее истекло много чудес.

В Тихвинском (Новгородской губ.) Введенском женском монастыре погребена старица Дарья Алексеевна, одна из жен Иоанна Грозного, из рода Колтовских († 1626 г.). Над ее могилой поныне богомольцы, веруя в ее святость, служат панихиды.

Роду Владимира Святого на Русском престоле и закончиться предстояло святым. Последними его представителями явились мученики: царевич Димитрий и благоверный царь Феодор Иоаннович. Сын от последней супруги Грозного, царевич Димитрий, наследник престола после бездетного Феодора, жил в Угличе. Ближний боярин Борис Годунов, на сестре которого, Ирине, был женат Феодор, замыслил овладеть по смерти Феодора престолом. Димитрий стоял ему на пути.

Сперва Борис старался привлечь к нему ненависть народа и распускал слухи, что он жесток, любит кровь и сам для потехи мучает животных. Сказка эта не имела никакого успеха.

Борис решил известить его. Он подкупил мамку царевича и ее сына, и они стали давать ему яду. Но, как говорит летописец, ни в питье, ни в кушанье яд не вредил ему. Нашли убийцу, отправили в Углич выжидать удобной минуты.

15 мая 1591 г. мамка Волохова вывела царевича на двор. Какое-то предчувствие томило до того кормилицу его, Ирину Тучкову, и она хотела удержать его дома; но, когда мамка повела его, вышла с ним и Ирина.

Убийцы ждали.

Один из них, взяв царевича за руку, спросил:

— Это у тебя новое ожерелье, государь?

— Нет, старое, — отвечал ребенок, поднимая голову.

В это время убийца ударил его ножом в горло, но не захватил гортани и побежал. Димитрий упал, кормилица с криком пала на него, закрывая его своим телом. Тогда двое других бросились на нее, отняли царевича, дорезали его и скрылись.

В это время вышла царица Мария из сеней на крыльцо.

Восьмилетний мученик лежал в объятиях Ирины и, трепеща как голубь, уже не слыша воплей матери, предал дух Богу.

Забили в набат, и сбежавшийся народ растерзал убийц. Издыхая, они назвали виновника убийства.

В 1606 году, после убиения в Москве самозванца, принявшего на себя имя Димитрия, было решено перенести гроб царевича в Москву. Когда святители и бояре московские, прибыв в Углич, объявили о том, народ долго не соглашался отпустить гроб, говоря: «Мы любили его и за него страдали. Лишимся ли теперь его вторично?»

Когда вынули гроб из земли, увидели тело, неповрежденное 15-летним лежанием в сырой земле: плоть на лице и волосы на голове целые, также жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, одежду, шитую золотом и серебром, сапожки, горсть орехов, найденных у

заколотого отрока в руке и положенных с ним в могилу... Ликовал народ. Потекли чудеса. Из Углича, меняясь, народ — знатные и простые, понесли раку на плечах. Когда в Москве поставили гроб в Архангельском соборе, храм наполнился радостными криками внезапно исцеленных людей. Тогда этот «источник благодати» вложили открыто в деревянную раку, обитую золотым атласом, и стали чтить царевича как святого.

Глубоко набожный царь Феодор народом московским заживо почитаем был за праведника, и молитвами его время царствования его прошло тихо.

В 1594 г. Крымский хан подступил к Москве, и битва происходила в окрестностях столицы. Утомившись от долгой молитвы, Феодор спокойно с высокого терема взирал на битву. За ним плакал один боярин. Царь обернулся и пророчески сказал ему: «Не бойся; завтра нечестивых не будет».

Пророчество сбылось: на следующий день хан побежал.

Феодор никогда не имел более важной мысли, как спасение души, посещал обители, благотворил духовенству, принимал с Востока святыни.

В конце 1597 г. он смертельно занемог, к отчаянию народа, который любил его как ангела земного и его молитвам приписывал спокойствие России, любил, как последнего царя крови Мономаха. Помазавшись св. елеем, исповедовавшись и причастившись, 7 января Феодор тихо скончался, как бы уснул сладким сном. В предсмертном томлении ему было незримое для других явление, и он и говорил с ним, называя его великим святителем. В час кончины его неизреченное благоухание разлилось по кремлевским палатам. Царь Феодор, в книге о Российских святых названный среди московских чудотворцев, покоится в Архангельском соборе.

Игумен земли Русской

Если есть у России народный богатырь, который всего лучше выражает дух России, то, конечно, это преп. Сергей.

И тем удивительнее этот святой и богатырский образ, что для него не существует земных условий: ограниченность времени и места не вмещает этого образа. Деятельность преп. Сергия, необхватная, как и самый простор России, проявляется не в одном тесном пределе его земной жизни. Еще больше сделано им после переселения его от земли, которое, однако, не разлучило его с любимой Россией. В самые безотрадные минуты нашей государственной жизни он, точно вставал из своего гроба, в видимом образе и в разных местах являлся избранным им людям, исправлял, воодушевлял, руководил...

Минуло ненастье, вновь зацвела Россия — и он снова безмолвен и покоен в своей раке среди неисчислимой громады приходящего к нему на поклон русского племени; тихо горят перед ракой сердца верных и зажженные ими огни, и только перед престолом Того, Кто строит и разрушает царства, громко, неотступно и властно раздается мольба великого старца о судьбах земной отчизны.

Та идея о назначении Русской земли, которая уяснена в настоящее время, — идея о земной силе, стремящейся к небесным целям: о народе, ищущем прежде всего своего спасения в вечности и затем несущем евангельское слово любви, благоволения и мира другим народам, — эта идея с особою силой выразилась в жизни тех людей, которые являются воплощением основного русского типа и среди которых первое место принадлежит преп. Сергию.

Исполнить закон и исполнением его послужить ближнему — таков был и смысл жизни преп. Сергия. И над этой жизнью и ее последствиями сбылось Христово обещание: «Прежде ищите Царствия Божия и правды Его, и все сие приложится вам». Стремясь прежде всего спасти свою душу, он не только этой цели достиг, но, и вместе с тем, сохранил и спас среди великих испытаний целую душу своего народа и был одною из главных сил, вознесших этот народ на

высоту земного величия, невиданного до того и по размерам, и по духовной правде.

Помянем теперь в главных делах преп. Сергия, чем он был для Русской земли.

Преп. Сергий служил трем главным началам, из которых иные он, может быть, даже первый с такою ясностью сознал. Эти начала были — православие, свобода России и Москва, в которой заключалось спасшее Россию начало самодержавия. Эти начала он проводил в жизнь могучей рукой.

Самое имя *Троицкого* монастыря преп. Сергия проповедует главнейший догмат православия — о создавшем Отце, искупившем Сыне и возрождающем Духе. Забота преп. Сергия о догматической чистоте православия выразилась следующим чудесным явлением в эпоху опасную для православия.

В 1440 г. во Флоренции некоторые из православных участников собора, русский митрополит Исидор в том числе, силою подкупа и угроз подписали признание главенства над церковью Римского папы и некоторых других еретических положений католичества. Среди русских был суздальский священник Симеон. Он не покорялся латинству, много за то вытерпел и решился бежать. На пути, в тяжелых обстоятельствах, он увидел старца, который взял его за руку и спросил, благословился ли он у Марка, епископа Ефесского.

«Благословен, — сказал старец, — от Бога человек сей, потому что никто из суетного собора не преклонил его. Проповедуй же заповеданное тебе от святого Марка учение всем православным. И имеющий истинный разум да не уклоняется от сего». Предсказав благополучное возвращение, старец назвал себя: «я Сергий, которого ты некогда призывал в молитве».

Утешительно глубокое участие преп. Сергия в делах церковных, видное из этого явления, и памятный дан им тут завет.

Для северной половины России преп. Сергий через своих учеников, выходцев из его обители, основавших множество своих монастырей, является проповедником православия и духовного просвещения в самом широком смысле. Можно сказать, что преимущественно ему Север России обязан тою крепкою, истовою верой, какую хранит он доселе. И, конечно, одним из последствий этой проповеди и объединения в равно дорогой всем вере было то тесное сплочение народа в одно целое, которое преп. Сергий осуществил, кроме того, и другими путями.

В создании независимости русского государства преп. Сергию принадлежит первенствующее место. Он родился в трудное время. Тяжело, беспросветно было тогда. В такие дни пришлось родиться преп. Сергию и жить среди народа, у которого долговременная невыносимая страда отняла и жизненную силу, и веру в себя. В такое время он жил, когда и слез нет, потому что все они выплаканы, а есть только сухое горе, немое отчаяние.

И он в этот упавший духом народ *поверил*, он в него вдохнул жизнь, он толкнул его на борьбу и развитие, благословил и сказал ему: «Живи!»

Духовным взором своим преп. Сергий видел, что путь скорбей и испытаний есть путь избранников Божиих, и что из слез, крови и невыразимых бедствий татарской данницы вырастет неодолимая сила. Пусть этот народ один служит оплотом западным народам, которые, им охраняемы от жестокого натиска Азии, могут спокойно заниматься своею враждой. Пусть без защиты и друзей, окруженный отовсюду врагами, стоит он один, совсем один. Он избран. Ему, скорбному племени, поручено дивное сокровище — чистота и целостность Христова учения.

И, если выше всех земных благ поставит он это сокровище и избрет свой путь по письменам евангельских хартий — верен будет Бог.

И преп. Сергий эту свою веру в Господню силу и конечную правду вдохнул в русский народ и повел его за собой по пути Божию. А народ, видя такого богатыря вышедшим из своей среды, понял, что народная сила еще не умерла, а только притаилась. Он познал в игумене Сергии свою скрытую крепость и, поклоняясь своему преподобному как кости от костей своих и плоти

от плоти своей, поверил в себя и возродился.

Когда к 1380 г. последовательными усилиями нескольких московских князей и заслугами святителя Алексия митрополита земля пришла в такое состояние, что Димитрий задумал потягаться с татарами, в этой борьбе преп. Сергей был его вдохновителем и руководителем.

Еще раньше окончательного разрыва с Мамаем, Димитрий советовался с преподобным, а перед выступлением из Москвы снова приехал к нему за благословением. Во время пения молебна прибывали гонцы с вестью о движении неприятеля и с советом спешить. Но преподобный умолял князя остаться на трапезу. И потом, окропляя его св. водою, исполняясь пророческого духа, предсказал князю целость в бою, русским победу, Мамаю гибель.

Уже стоя у Дона, смущенный видом несметных полчищ татарских, Димитрий колебался перейти реку. В эту минуту прискакал от преп. Сергия гонец с просфорой и грамоткою с наказом немедля сразиться. Этим вмешательством своим преп. Сергей предупредил соединение Мамаю с королем польским, находившимся в день победоносной битвы всего в 30 верстах.

Так заложено преп. Сергием основание русской победы.

Очень трогательно бывшее два века спустя явление, в котором выразилась забота преп. Сергия о искоренении Россией одной из частей угнетавшей нас при его жизни Орды.

Когда, перед Казанским походом царя Ивана Васильевича, была заложена русская передовая крепость Свияжск, сделалось известным следующее. Лет за пять до основания города на его месте, при пении и звоне невидимо откуда раздававшихся, появлялся старый инок, ходил с крестом в руках, благословляя, точно отмеряя место, и когда его пытались взять — исчезал на глазах татар.

В иконе преп. Сергия, поставленной в Свияжке, татары узнали старца.

Перед самым взятием Казани к преп. Сергию неслась молитва царя, и после похода, у раки его он воскликнул: «Твоими молитвами мы получили желаемое. Совершилось, чего и не чаяли. Ты явил свое дивное милосердие, заступник земли Русской!»

Заботы преп. Сергия о Москве и самодержавии тем знаменательнее, что его семья была одной из тех жертв, какие повело за собою поглощение Москвой уделов.

Известно, что родители преп. Сергия, ростовские бояре, были разорены при присоединении Ростова к Москве и вынуждены переселиться в Радонеж. Тем не менее преп. Сергей всеми силами поддерживал и развивал заложенную в Москве Петром митрополитом и Иваном Калитою идею единовластия и земельного объединения. Он понял, что только цельная и крепкая власть способна дать силу народу среди неблагоприятных условий его тогдашней жизни, и этот свой взгляд он доказал своим посредничеством между князьями. Избегая выходить даже из ограды монастыря, он не постоял перед дальним путем — в Нижний, когда его князь отказался от повиновения великому князю московскому, и преподобный затворил все храмы в Нижнем, — и в Рязань, для увещания Олега Рязанского.

Событием, полным значения, засвидетельствована постоянная забота преп. Сергия о Москве.

В 1521 г. ханы крымский и казанский подступили к самой Москве, лежавшей перед ними беззащитною, без войска и государя.

Несколько людей видели, как через Фроловские ворота торжественным крестным ходом, неся с собою святыню, вышел собор святителей московских, предавая Москву печальной участи за ее грехи. Им навстречу, с Ильинского торжища устремились преп. Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский и долгими слезными мольбами упросили святителей помиловать Москву. Отпев молебен, святители вернулись в город, и Москва была чудесно спасена: ханские лазутчики увидели вокруг Москвы несчетное воинство, и ханы в страхе отступили. Это событие вспоминается ежегодным крестным ходом 21 мая, и две иконы на Спасских воротах; со стороны Ильинки — преп. Сергия и Варлаама, припадающих к Господу, и со стороны Кремля — святителей московских, на молитве перед Богоматерью, увековечили чудо. В 1592 г. помощью преп. Сергия Москва спасена в день обретения его мощей, 5 июня, от крымского хана Кязы-

Гярея.

Значение преп. Сергия вполне выясняется среди бедствий смутного времени, когда Россия была близка к конечной гибели и когда преп. Сергей второй раз совершил подвиг ее возрождения.

Собранное в страшных трудах государство разрезалось, приникла к земле вера, извратились до озверения нравы, люди пожирали друг друга, земля смотрела унылым пожарищем. Не было уже почти государства. Москва существовала как отвлеченная идея, как память прошлого, с поруганными святыщами, безмолвными гробами царей и святителей и великою тенью замученного Гермогена. А живая Москва в руках иноверцев была гнездом и источником крамолы, измены и всякой мерзости. Самому имени земли Русской надлежало исчезнуть.

В это время среди общего крушения твердым нерушимым столпом стояла на обетовании Пресвятой Девы Троице-Сергиева лавра и среди ледящего мрака сияла как светоч, которого не могли задуть никакие вихри.

Сбросив с себя осаду поляков и русских воров, напрасно тягавшихся с силою Святой Троицы, она в то время, казалось, была всей Россией. Одна хранила бодрость и веру в тот народ, который словно уже изверился в себе и, вольный мертвец, сам уложил себя в вырытую им же могилу. Одна, среди разнузданных криков отчаяния, вражды, проклятий и гибели, спокойно и неустанно возносила к высокому небу привычную хвалу Богу как Благодателю прошлого и мольбу как Тому «Святому Крепкому», Который силен воззвать и воздвигнуть из гроба смердящего Лазаря, будь этот Лазарь целым народом.

И такое чудо совершилось...

Дивная оборона преп. Сергием своей лавры от месячной осады хорошо известна. Всякий русский помнит, как преп. Сергей словно поднялся тогда из гроба, как предупреждал защитников лавры о намерениях врагов, как видели его поляки обходящим ограду с кропилом и святою водой, как являлся он в церквах и кельях то молящимся, то ободряющим, то с обличением нерадивых, то с советами; как видели его потом и в осажденной Москве со словами утешения и уверенной надежды.

Гораздо менее известно то, что и подвиг Минина внушен преп. Сергием.

Дважды являлся преподобный Минину во время уединенной его молитвы и повелевал собирать казну для ратных людей и идти на освобождение Москвы. Но Минин не решался. Тогда в третий раз явился преподобный, уже с грозным вещанием и словом, что «есть изволение суда Божия помиловать православных и привести в тишину». После этого явления Минин почувствовал ослабление и счел его за кару. Вскоре избран он был в земские старосты. Увидев в том подтверждение, что время исполнить слово Сергиево, он кликнул клич.

Проходя уже в ополчении Пожарского мимо Троицкой обители, Минин сам объявил келарю Дионисию об этих явлениях. За несколько часов до освобождения Москвы, преп. Сергей явился архиепископу Арсению, томившемуся в Кремле от голода и болезни, и, исцелив его, сказал: «..Встань и иди во сретение православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы Господь очистил царствующий град от врагов».

Помощи преп. Сергия современники приписывали заключение Деулинского с поляками перемирия, которое затягивалось, пока в лавре не помолились преп. Сергию, и тогда поляки сами призвали русских. За это и воздвигнут в Деулине ему храм, как «истинному миротворцу». Русское общество начала XVII века вполне сознавало чрезвычайность заступничества преп. Сергия. Ему, первому из святых, был составлен тогда акафист. Подобно тому, как хвалебное пение Богоматери, составленное после чудесного избавления ею в 866 г. Царьграда от языческой русской дружины начинается словами «Взбранной Воеводе», так и в хвале русскому святому, вождю русских сил, спасшему свою родину от гибели, первые слова: «Возбранный от Царя сил Господа Иисуса данный России воеводу и чудотворче предивный!» В этих словах ясно выражен взгляд на значение преп. Сергия в сохранении в ту годину целостности Русской

земли.

Икона преп. Сергия, писанная на гробовой его доске, сопутствовала действующей русской армии и в Отечественную войну и в войну за независимость восточных славян 1877–1878 гг. Вспомним еще, что в 1812 г., когда опять Москва оттерпчивала плен за Россию, преп. Сергий не допустил западных воров в свою ничем не обороненную лавру.

Если оглянуться на дела преп. Сергия и на то, чем обязана ему Россия, можно без погрешности назвать его вождем Русской земли: таким вождем, какому подобного не имела ни одна страна.

Имя преп. Сергия — боевой клич, нравственная многодвижущая сила, слава самых памятных русских годин, спасительное знамя. Вера в него есть одно из лучших наследий прошлого и залог нашего дальнейшего развития.

И для счастья России дай Бог, чтоб до конца веков звучало перед ракой преп. Сергия это глубокое слово общерусской молитвы:

«Вся Богом просвещенная Россия, твоими чудесами исполненная и милостями облагодетельствованная, исповедает тебя своим покровителем и заступником. Яви древние милости твои, и как ты отцам нашим помогал, не отринь и нас, чад их, по их стопам к тебе шествующих».

Войдем туда, где он спит своим живым сном. Время пению и молитве час.

«Величаем, величаем тя!» — раздаются сладкие звуки перед ракою Троицкого собора, среди усердно зажженных неисчислимых огней веры в воздухе, полном бессмертных чудес. И по всей Руси это величание находит отголосок.

«Величаем, величаем тя!» несется от возвеличенной им Москвы, где, быть может, когда ляжет темнота, ходит, осеняя крестом семь священных холмов, преподобный старец.

«Величаем, величаем тя!» — тает песня в волнах многоводной Волги, по казанскому царству.

«Величаем, величаем тя!» слышится в просвещенной его учениками необозримой северной стороне, до самого Поморья.

«Величаем, величаем тя!» — словно шепчет ему задумчивая, тихая, как он, русская природа.

И в лице тех богомольцев, что выслали ему на поклон каждый русский город, каждый поселок, восходит от всего простора Русской земли, от темных лесов и серебряных ее рек, от нив и садов, равнин и снежных вершин, стройная, бесконечная, радующая небо и землю хвала:

«Величаем, величаем тя!»

И если Русская земля, в которую так верил и которой так послужил этот чудный вождь, достигнет своего заветного назначения и скажет миру, и воплотит в действительности слово о всеобщей любви и вечном мире, если вселенная преклонится, наконец, перед святыней России и захочет узнать Россию в том, «что ее лучше всего выражает — тогда проникнутая восторгом перед красотой и правдой этого верховного русского человека, этой созидательной русской силы — не помолится ли она с нами нашей молитвой, и не споет ли тогда ему в единодушном светлом порыве вся вселенная: „Величаем, величаем тя!“»

Нравственный облик в Бозе почившего Государя Александра Александровича

Все те чувства, упования, какие воодушевляли святых правителей земли Русской, в наши дни воплотились в Государе Александре III. Теперь дорогое явление, жившее среди нас, стало уже прошлым; некогда близкий к нам образ — преданьем. Но неужели от громадного существования, взошедшего над нами светлым красным солнцем и закатившегося после такого короткого дня, ничего не осталось, все погасло?

Неужели та русская жизнь, которая рухнула в темную могилу у дальних холодных берегов Невы, носительница народной славы, народного покоя, крепости и упований, неужели эта

русская жизнь оставила одно громкое и сильное имя, одни внешние мудрые дела, одни государственные заветы, не сказав нам великого слова для души и не поразив наш внутренний мир неотразимым поучением?

Нет, от жизни, которой мы были свидетелями и которая перед нами окончилась, осталось глубокое впечатление. Это впечатление должно проникнуть нашу остающуюся жизнь.

Был, существовал... Какую духовную силу имеет существование одного чистого, настоящего человека, как это существование ободряет нашу веру в то, во что нужно верить, чтобы жить, но во что вера наша, вера слабых, искушаемых людей легко и часто колеблется!

Наше спасение в том, что перед нами проходят люди, воплощающие в себе ту правду, которой учат нас в детстве, о которой говорят нам хорошие книги, которая звучит во всяком слове, произносимом в храмах, куда так редко заходим мы с распутий жизни, которую так заглушают шум, суета и ложь нашего быта.

Как маяки с твердой земли, с несокрушимых вечных скал светят в бури, светят сегодня, как светили сотню лет, тем же кротким ободряющим огнем, — светят нам образы настоящих людей, обличают наше злое и пробуждают то, что уцелело в нас от «лучшей части».

И когда течение событий осветит во весь рост эти праведные жизни, их воздействием снова возникают в нас ощущения чистого детства, встают мечты юности, которым мы изменили; из тумана, охватившего нас, поднимаются стройные очертания другого быта, одушевленной жизни, и виден вдали тот образ, стремление к которому одно делает ценным и истинным людское существование.

И чем дальше падают лучи праведной души, тем шире воздействие ее на людей, и, наконец, это воздействие становится властным и непрекращающимся историческим впечатлением...

Когда-то давно совершались события, запавшие глубоко в душу человечества. По земле ходил Бог, пришедший к людям в людском образе. Смирив себя до конца труднообразимым смирением, он говорил людям слово, принесенное Им с Неба. Это было слово о любви, которая должна связывать людей и ради которой не должно щадить своей жизни, о хранении правды, которая нарушается даже тайным помыслом, о терпеливом смирении, с которым нужно переносить земные бедствия, о силе упования, с которым нужно ждать будущего некрушимо и вечного счастья в утраченном отечестве. Слово было запечатлено делом, совершилась неслыханная недомыслимая жертва, и крест стал над удивленным миром заветом самого святого и чудного в жизни.

...Прошла тысяча, полторы тысячи лет. В холодной, бедной природою, однообразной равнине возникло государство. Потрясаемое великими бедами, испытывая несчастья, которые, по жестокости своей могли бы казаться сказочными, переходя от горя в грозу и от грозы в беду, слагалось оно. Сдерживая с востока натиск Азии, служа невольным оплотом, за которым могли по воле мирно развиваться и по воле враждовать между собой, злодействовать огнем и мечом во имя Христа и Его дела народы Запада, стоял этот народ, без защиты и без друзей, окруженный только врагами, и его слезы были ему пищей день и ночь его жизни. И этому скорбному племени было поручено хранить сокровище, которое носил по земле Спаситель мира, чистоту и целостность Его учения. Выше всех земных сил поставив это врученное ему сокровище, шел тот народ, выбирая свой путь по письменам евангельских хартий. Он был крепок душой и несокрушим в своей вере, потому что он рано понял, что не здесь конечная цель жизни людской и что не в земном благополучии все дело, а дело в исполнении закона: сурово и непреклонно следовали лучшие люди, выразители духа этого народа словам Христова закона.

Не блещут волшебными красками, не залиты ярким праздничным солнцем образы наших государственных древних зодчих. То ряд невидных для постороннего глаза подвигов, ряд духовных побед над собой, сломленных самолюбий, пережитых за народ унижений, тяжелых дум, кровавых усилий. Коротким отзывом отмечена часто их личность в летописи, но в этих сжатых суровых речах встречаются хватающие за душу слова, в которых вылилось, неведомо для писавшего их, как умел понимать народ, кого он теряет.

Не крики радости, не упоения народных торжеств звучат из отдельных веков предмосковской и московской Руси, а сдержанный стон безысходной скорби.

...Девятнадцатый век. На востоке Европы, заняв неизмеримое пространство, стоит Русская империя. Над ее простором великое горе; опять Русская земля стонет. Но не злорадство, не радость выражается в мире в ответ на тяжелое горе России. Пока русский Царь в своем гробу в последний раз объезжает Державу, всюду, куда приходит та весть, оглядываются тревожно чужестранные люди, точно отнята у них уверенность в их покое и безопасности.

И крещенная страданием земля, та земля, по которой поныне ходит, благословляя, Христос, встает в глазах мира в небывалом величии и силе. Не раз была благодетельствована Европа Россией, не раз шатавшиеся троны спасались ею и обогащались ее дарами. Ее не понимали или не хотели признать. А теперь, когда отошел молчаливый русский Царь, дышавший прежде всего для своего народа, только тогда поняли, что значит Русское Царство, если из-за того, что на Руси любящий Царь, — Европа благополучна.

И вот теперь, когда весь мир с тою напряженностью, с какою следил он за совершавшимися у нас событиями, признал, что Россия, не оцененная никогда словами, на деле громадная величина, — как же хоть теперь не вдуматься в смысл и самого значения России и в суть того нравственного облика Государя, который пронес Его имя по свету в особом сиянье?

Коренное отличие и нашей национальности и образа почившего Государя в том, что едва ли где дух, принесенный в мир христианством, проникал глубже жизнь.

Одна только любовь, любовь понятая не как приятное и благовольтельное пожелание добра для ближних, но как суровый христианский долг, требующий труда и жертв, может давать цену людской деятельности.

Такая любовь помогает напрягать до последней возможности свои силы, забывать свои страдания, чтоб покоить вверенный народ. Она ведет к подвигам, которые ужасны для телесной, брэнной природы человека, надламывая ее, но на которых только и может держаться мир. Что бы случилось с Россией, если б в тяжкие времена татарщины те люди, что, надорвав себя, спасли и сберегли Русь, думали о своем покое, отмеряли свою деятельность по общей человеческой мерке? Недалеко бы мы ушли, если б в тяжелые дни русская земщина не поднималась на такие жертвы, подобных которым нет в истории. И пусть в ранних годах мужества падают лучшие люди под тяжелым трудом — их дела вечны. Безвременно покладали во гроб трудовые богатырские свои руки лучшие вожди Русской земли, но не они ли, силой любви убивавшие свою жизнь, поняли и соблюли завет служить до отдачи души?

И эта любовь, которой пример прошел перед нами, грела не только один свой народ; она пошла дальше и хранила чужие страны. Воля русского Царя умиротворила народы, готовые к кровавым распрямам, и тогда все почувствовали, какая великая правда в любви, и поклонились ей.

Удивление перед правдою Государя, высказавшееся по поводу его кончины, было коротким, проходящим, но доказательным свидетельством того, что в жизни и в истории составляет настоящее величие, не купленное ничьими муками.

Образы суетных завоевателей стоят перед нами, холодные в своем безжизненном величии, напоминая о бедствиях, внесенных ими в мир, о горестях бесчисленных человеческих душ, о ненависти, посеянной ими между племенами, о больших вопросах международной политики, грозящих постоянно перейти в вооруженное столкновение. А кроткие родные лики миротворцев вечно близки нам, окруженные благодарностью и памятью того, как, любя, они берегли нам или предкам нашим тех, кто дорог на земле: отцов, братьев, друзей, сохраняя от сиротства семьи, неутешных матерей. И это служение лучезарной правды любви еще возвышенней, когда для него приносят в жертву свое самолюбие и гордость. Нелегко было русскому Властелину, по слову которого Русская земля поднимается одним человеком, щадя свой народ, терпеливо выносить вызовы, одним своим сердцем переживать всю горечь тех пустых ухищрений лжи, коварства и ненависти, какими окружено все сильное и независимое, и

не выйти из благотворного покоя.

Любовный подвиг почившего Государя подкрепляла глубокая русская вера. Она научила его, что добрый труд не пропадет даром, если и не суждено видеть самому работнику полных и зрелых плодов. Она заставила его смотреть на свое служение как на высшее призвание и научила его относиться к этому делу как к святыне. Она же дала ему великое терпение и устойчивость.

Люди, по слабости своей, обыкновенно, ищут ободрений и наград себе в этом мире. Они смущаются и бегут от своего дела, если после нескольких лет работы им не приходится потешаться блестящими успехами, и впадают в уныние. Не так поступает человек, которому вера объяснила жизнь иначе. Он знает, что дело вручено ему не для него и принадлежит не ему, что он — преходящий работник, приставленный к делу во исполнение заповеди об искупительном труде, и эту заповедь нужно точно и смиренно исполнить. И он не для самолюбия, не для славы, а из доверия к призвавшему его Богу совершает тяжелый, невидный, будничный труд, который один только прочен и может что-нибудь создать. И был этот труд любви, проникнутый верою в Бога, воздвигшего русский народ на высоту, этот царский труд увенчан венцом добродетелей: смирением, сознанием, что не заслуга перед Богом, а исполнение долга в этом неустанном труде.

Велика была сила той смиренной веры, которая в последний час человеческой жизни, прерванной так неожиданно, среди дел, требовавших довершения, сказала в прощание всему, что было близко на земле и через это близкое той стране, за которую была отдана жизнь:

«Чувствую смерть. Будь покойна. Я совершенно покоен».

Потому так ясны эти слова, что не было здесь страха перед чуждым, неведомым для других миром, который открывался душе, а было мирное возвращение на родину, к Тому, откуда все исходит, чтоб опять возвратиться, и к Кому придет когда-нибудь вся громада русского православного мира.

Работник, точно вышедший из далеких заветных дней русской жизни, пожал в благословении; пришла для него осень, он был призван на отдых.

Когда не стало его, припомнились простые, как он сам, и верные слова: «Бе нищелюбец и правдолюбец и добрый страдалец за Русскую землю!»

Пройдут многие годы. Изменяются, быть может, объемы, имена государств; снова станут они тягаться и враждовать друг с другом, наполняя землю слезами и стонами. И в постоянной зависти, злобе, вооруженных пределах земли забудутся или не помянутся добрым словом имена тех вождей, что вносили горе и раздор в мир. Но пока живет человечество, тихим, немеркнущим светом будут светить ему образы «добрых страдальцев» за людское благополучие, жалевших несчастных, малых, нищих земли. Не забудут их потомки того поколения, которым владели они и которое неутешно до смерти скучало по ним. Их молчаливые упорные труды, правда их сердца, их невидные при жизни жертвы будут гореть как солнце в весеннюю пору, напоминая о новом быте, где не будет более вражды и ужасов, чего не дожидаться нам никогда на бедственной, проникнутой нашим грехом земле, но чего ждет и в исполнение чего — хоть когда-нибудь, хоть в далекой вечности — страстно верует наше сердце.

Об авторе

Евгений Николаевич Погожев (21.04.1870 — 13.02.1931), известный также под псевдонимом Е. Поселянин, был одним из самых читаемых православных беллетристов на рубеже XIX-XX веков.

В творчестве он был довольно плодовит. Издал полтора десятка книг. Написал множество статей и очерков.

Неизгладимое впечатление оставила на 18-летнего Евгения встреча и короткая беседа с

Амвросием Оптинским (в конце XX века причисленным к лику святых). Именно старец подтолкнул юношу к тому делу, которому он посвятит свою жизнь. «...Пишите в защиту веры, Церкви и народности», — сказал старец отроку, посетившему его и после окончания университета.

Почти все сочинения Погожева-Поселянина посвящены подвигу русских святых. Свою литературную деятельность он совмещал с гражданской службой — от канцелярии крестьянского департамента Сената до Канцелярии Российской Императорской Академии наук в чине статского советника и чиновника особых поручений в Главном управлении землеустройства и земледелия.

После Октябрьского переворота в 1918 году Погожев-Поселянин подвизался в Отделе охраны и учета памятников искусства и старины, в 1922 лишился работы. В 1924 и 1930 годах был арестован и обвинялся в «контрреволюционном заговоре». Два года провел в ссылке в Приангарье. Был выслан из Петрограда — вернулся в Ленинград.

В феврале 1931 года к Евгению Николаевичу Погожеву «применена высшая мера социальной защиты — расстрел» по решению тройки ОГПУ.

В 1981 году архиерейским Собором РПЦЗ Евгений Поселянин (†1931 г.) причислен к лику святых сонма новомучеников российских.